ЭКОНОМИКА

ВЫПУСК
VI

Б. Д. Бруцкус.

АГРАРНЫЙ ВОПРОС
и
АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА

154.857.

ПЕТЕРБУРГ
издательство
«ПРАВО»
1922

3А

„Пров 38"

Настоящее издание отпечатано в количестве трех тысяч экземпляров в 5 Государственной типографии

Р. В. Ц. № 375

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Согласно господствовавшему до революции взгляду, русский аграрный кризис есть результат неправильного распределения земельной собственности; более равномерным распределением земли этот кризис будет немедленно ликвидирован. Уступая этому всеобщему убеждению, партия, осуществившая октябрьскую революцию, прокламировала тот аграрный переворот, о котором мечтало русское крестьянство, о котором мечтала народническая интеллигенция. Колоссальная катастрофа голода, которая обрушилась на страну, теперь, кажется, всех убедила, что переделить землю не значит еще преодолеть аграрный кризис. Аграрный вопрос, на некоторое время забытый, опять стал в центре внимания. Это делает своевременным появление настоящей книги, посвященной аграрному вопросу и аграрной политике.

Автор.

Основные течения аграрной политики.

Под аграрной политикой разумеют систему государственных мероприятий, имеющих целью регулировать экономические отношения сельского хозяйства. Аграрная политика складывается под влиянием государственных потребностей и интересов стоящих у власти классов. Но, с развитием в новейшее время экономической науки, более просвещенные правительства стремятся использовать научно-обработанные материалы и добытые наукой выводы, чтобы их аграрная политика, интересам каких бы классов она на первом плане ни служила, одновременно содействовала наивысшему развитию производительных сил в сельском хозяйстве и благоприятствовала росту экономического благосостояния наиболее широких кругов сельского населения. С развитием экономической жизни взгляды на способы достижения указанной цели в научной литературе, а вместе с тем и в руководящих общественных кругах менялись, в связи с чем менялись и направления аграрной политики.

I.

В течение XVIII-го столетия и первой половины XIX-го столетия в экономической литературе господствовало направление, называемое обычно «либеральным» или «манчестерским». Наивысшего развития производительных сил народного хозяйства, вообще, и сельского хозяйства, в частности, экономисты ожидали от свободной, ничем не стесненной, частной конкурренции. Усилия отдельных лиц, стремящихся к удовлетворению своих интересов без нарушения свободы и прав своих ближних, приводят сами собой к общему благополучию. Эту точку зрения, наметившуюся еще у некоторых писателей XVII-го стол., защищали с полной определенностью экономисты школы физиократов во Франции; они уже пустили в обращение знаменитую формулу «laissez faire, laissez passer». Однако, наиболее прочную основу это течение экономической политики получило в учении Адама Смита,

которое в течение почти целого столетия имело руководящее значение для экономистов и политиков.

В центре внимания экономического либерализма стояла промышленность, а не сельское хозяйство. Тем не менее, это течение экономической мысли оказало глубокое влияние и на аграрную политику, ибо там оно вполне соответствовало экономическим требованиям эпохи. Феодальные повинности, сословные ограничения и общинные связи опутывали хозяйственную деятельность сельского населения в гораздо большей степени, чем промышленного, и все эти институты были подвергнуты уничтожающей критике. Освобождение труда из-под крепостнических пут с такой определенностью вытекало из миросозерцания рассматриваемой эпохи, что едва нуждалось в экономическом обосновании. Экономисты XVIII-го стол., давшего формулу прав человека и гражданина, требовали, конечно, немедленного и безвозмездного уничтожения пережитков крепостничества, как явлений грубого злоупотребления власти со стороны господствующих классов. Отношения между работодателем и наемным рабочим должны основываться исключительно только на свободном договоре. Труд должен быть свободным; о применении какого-либо принуждения к трудящемуся не может быть и речи, но зато не думали и о защите его, подчас весьма слабой, экономической позиции со стороны государственной власти.

Распространение принципа свободной конкурренции на сельское хозяйство требовало признания полной свободы распоряжения землей. Частная собственность на землю в той форме, в какой этот институт выражен в римском праве, представлялась экономистам наиболее подходящей формой отношений к земле. Отсюда вытекает отрицательное отношение ко всем неопределенным формам земельных отношений, не дающим хозяину полной свободы распоряжения землей. Правда, в XVIII-м стол. крупные землевладельцы уже освободились от феодальных тягот и владели своими землями на правах полных собственников. Но зато права на землю крестьянства были еще неясны, его владение землей было зависимым. Новое учение требовало, чтобы с этой неопределенностью было покончено; земля должна быть передана в полную собственность крестьянину, поскольку она не отойдет к крупному землевладельцу.

По тем же мотивам либеральные экономисты относились отрицательно ко всякому виду сервитутов и к различным видам общей собственности, являющейся обычным пережитком натурального хозяйства и родового быта. Раздел общинных земель являлся обычным

лозунгом экономистов XVIII-го и первой половины XIX-го столетия. Точно также и семейная собственность не пользовалась их симпатиями.

Однако, для того, чтобы достичь полной свободы в своих хозяйственных распоряжениях, хозяину еще недостаточно укрепить в свою полную собственность тот участок, которым он на тех или других правах раньше пользовался. При господстве натурального хозяйства земля оказывалась раздробленной на множество узеньких полосок, хозяйство на которых, уже вследствие их расположения, не могло быть вполне свободным. Земля находилась, под т. наз., принудительным севооборотом, т. е. севооборот мог устанавливаться не отдельным хозяином, а лишь сообща. Только разверстание могло освободить хозяина от пут принудительного севооборота. Но здесь требование индивидуальной свободы приводило к противоречию с принципом частной собственности. Землеустройство требует, хотя и единовременно, ограничения свободного распоряжения землей; в связи с этим в некоторых странах, как Франция, Бельгия, Голландия, где институт частной собственности на землю укрепился особенно прочно, землеустроительный закон не мог быть проведен.

Относительно мобилизации земельной собственности экономисты стояли на точке зрения полной свободы. Земля должна своводно передвигаться к тому, кто больше за нее заплатит, ибо он извлекет из нее больше других, ибо он, следовательно, наилучший хозяин. Точно также залог земли должен быть свободный, ибо он ускоряет передвижение собственности в руки способных хозяев, а равно дает хозяину средства для надлежащего оборудования хозяйства. В то же время свобода дробления земли, давая возможность хозяину во всякое время продать часть земли, предупреждает возникновение чрезмерной задолженности.

Из принципа свободной мобилизации земли вытекает отрицательное отношение к сословным ограничениям, тяготевшим на земельной собственности, требование ликвидации всех форм неотчуждаемой родовой собственности, отрицание принципа недробимости землевладения, как при переходе земли в порядке купли-продажи, так и в порядке наследования.

Веря, что именно свободная конкурренция приведет к гармонии общественных интересов, сторонники ее не возлагали никаких положительных задач на государство в области распределения земельной собственности. В большинстве случаев они выражали убеждение, что свободная мобилизация земли уничтожит монополию аристократии

на землю и сделает землю вполне доступной для каждого желающего на ней трудиться.

Полная свобода внешней торговли и, в частности, отмена протекционных пошлин на сельско-хозяйственные продукты составляли кординальный пункт программы рассматриваемой школы.

Формулированное здесь учение являлось научным выражением общественных стремлений, возникших в связи с успехами менового хозяйства и капитализма. Для того, чтобы меновое хозяйство и капитализм могли надлежащим образом развить производительные силы, с их пути должны были быть устранены те препятствия, которые связывали инициативу, все пережитки прежних экономических формаций. Таким образом, учение это явилось обоснованием грандиозных реформ, проведенных в различных странах в конце XVIII-го и в начале XIX-го стол. в общественных отношениях, вообще, и в аграрном строе в частности.

Во Франции законодательство великой революции находилось под сильнейшем влиянием идей физиократов. Благодаря этому, все остатки феодальных отношений, все сервитуты и формы общей собственности были быстро и радикально ликвидированы. Соответствующий дух нашел себе отражение в кодексе Наполеона, который трактует движимую и недвижимую собственность почти одинаковым образом.

В Германии и, в особенности, в Пруссии землевладельческие классы сумели сохранить больше влияния на власть, но все же и здесь либеральные течения в аграрной политике получают значение. В Пруссии эпоха либеральных реформ в аграрной политике начинается после разгрома ее Наполеоном в 1807 г. С этого времени выходит целый ряд эдиктов, хотя и не всегда благоприятных для крестьянства, но, в общем, направленных к ликвидации крепостнических отношений, к мобилизации земли, разделу общинных земель и устранению сервитутов. Некоторые из этих эдиктов написаны рукой известного германского агронома Альбрехта Тэра, и либеральная точка зрения на земельные отношения нашла в них свое классическое выражение.

В Англии под знаменем либерализма в 30-х годах велась грандиозная борьба против хлебных пошлин. Борьба эта привела к победе начал свободы внешней торговли. Значительно позже под знаменем „свободная торговля в применении к земле“ (free trade in land) велась борьба против начал родовой собственности и единонаследия.

Не глубоким было влияние либерального течения экономической науки на Россию. До середины прошлого столетия русское правительство, в общем, стояло на точке зрения необходимости поддержания крепостного права, что было с либеральными принципами несовместимо. Что касается руководящих общественных сфер, то славянофилы были принципиально чужды духу европейского либерализма, а западники были уже очень рано затронуты зарождавшейся социалистической критикой капиталистического строя. Частная предприимчивость, хозяйственное творчество, будучи всегда связано с капиталом, не только не встречало сочувствия в русской литературе, но в большинстве случаев опорачивалось, как эксплоататорская деятельность.

Великая реформа 1861 г. и мероприятия предреволюционной эпохи, правда, заключают в себе тенденции в сторону развития индивидуализма; но авторитет либеральной школы к тому времени был уже глубоко потрясен, и правительственная власть не опиралась с достаточной определенностью на выдвинутых этой школой принципах, не соответствовавших ни традициям русской самодержавной власти, ни настроениям русских общественных сфер.

II.

Само собой разумеется, что никогда не было недостатка в защитниках старого аграрного строя. Против либерализма выступали, с одной стороны, сторонники сословных привилегий, с другой, защитники патриархального быта. Однако, научный авторитет такого рода писателей был невелик. Они считались выразителями узких сословных интересов или изжитых уже экономических взглядов.

Для того, чтобы догмы индивидуализма были потрясены, должны были выявиться отрицательные моменты соответствующих порядков. Они обнаружились наиболее отчетливо в первой половине XIX-го стол. в положении промышленных рабочих. Уже в 30-х и 40-х годах XIX-го стол. для всякого беспристрастного наблюдателя становилось очевидным, что принцип свободной конкурренции не оправдал всех возлагавшихся на него надежд. Производительные силы Западной Европы, правда, быстро росли, накоплялись богатства, но условия распрсделения их были для трудящихся настолько неблагоприятны, что они вели нищенское существование, стоявшее в резком контрасте с богатством господствующих классов. Таким образом, возникает критика капиталистического строя, породившая к середине XIX-го стол. системы сперва утопического, а затем научного социализма.

Если положительные конструкции социализма вызывали глубокие разногласия в среде ученых, зато его критика капиталистического строя имела на них большое влияние. Догмы экономического либерализма были ко второй половине XIX стол. подорваны. Проповедовать естественную гармонию интересов и невмешательство государства в их борьбу во второй половине XIX стол. становилось невозможным. К началу 70-х годов окончательно определилось, что наиболее авторитетные представители экономической науки в Германии отошли от экономического либерализма; создается высоко-авторитетный «Verein für Sozialpolitik», ученых участников которого противники этого направления не без язвительности назвали «катедер-социалистами». Это направление, стоя на почве существующего социального строя, однако, требует активного вмешательства государственной власти в социально-экономическия отношения; оно требует социальных реформ.

Если, таким образом, в системе внутренней политики авторитет экономического либерализма был совершенно подорван, то и принцип свободы внешней торговли был также подвергнут критике в национальной системе политической экономии Листа; покровительственные тарифы получают в этом учении свое оправдание, как способ воспитания производительных сил нации. Это учение имеет большой успех в странах молодого капитализма, как Германия.

Начавшаяся критика экономического строя, основанного на свободной конкурренции, не могла остаться без влияния и на аграрполитиков. К учреждениям старым, ограничивавшим свободную мобилизацию земли, стали теперь относиться с большей вдумчивостью и осторожностью, и огульные ссылки на естественную гармонию интересов в условиях свободной конкурренции и в аграрной политике выходят из моды.

В конце семидесятых годов решающее значение в деле выработки новых взглядов в сфере аграрной политики имел разразившийся тогда аграрный кризис. Благоприятное положение сельского хозяйства в середине столетия вызвало высокий уровень рентных доходов, а вместе с тем и земельные цены быстро повышались. При каждой купле-продаже учитывался не только настоящий уровень ренты, но и грядущее ее повышение. Хозяева не стеснялись заключать займы под землю, учитывая грядущее повышение рентных доходов.

Между тем, успехи парового транспорта положили предел этому благополучию сельского хозяйства в старых странах интенсивной культуры. В течение 60-х и в начале 70-х годов железные дороги

проникли вглубь русских степей и американских прерий. В то же время был изобретен пароходный винт, чрезвычайно удешевивший морской транспорт. И вот дешевые продукты стран экстенсивной культуры в середине 70-х годов массами появились на западно-европейских рынках, и наступило резкое понижение цен на продукты. Явление это оказалось длительным, и вместе с тем все те сделки, которые были раньше произведены в расчете на повышение рентных доходов, не оправдались, что поставило многих сельских хозяев в затруднительное положение. Сплошь и рядом оказывалось, что земля куплена по чрезмерно дорогой цене и в конце концов переобременена платежами.

Крупные землевладельцы заволновались. Государственной власти и многим ученым показалось, что и крестьянство находится в столь же угрожаемом положении, хотя впоследствии выяснилось, что последнее гораздо легче перенесло кризис и обнаружило больше устойчивости, чем крупные хозяева. Так как свободная торговля и свободная мобилизация земли показали свои отрицательные стороны, то теперь реакция против экономического либерализма в аграрной политики охватила широкие круги. Экономический либерализм был окончательно скомпрометирован в сфере аграрной политики, притом также и в глазах господствующего класса крупных землевладельцев.

Прежде всего, конечно, во имя интересов сельского хозяйства был отвергнут принцип свободы внешней торговли. Наряду с этим, вовлечение земли, подобно всякому товару, в круговорот меновых отношений было поставлено под сомнение, не со стороны одних только реакционеров, но и со стороны передовых экономистов, затронутых социалистической критикой существующего капиталистического строя. Тут вспомнили взгляды Родбертуса, одного из основоположников научного социализма, на земельные цены и земельный кредит. Родбертус, придерживавшийся трудовой теории ценности, находил, что земля не является настоящей капитальной ценностью, т. е. продуктом труда человеческого, а ценностью, производной от доставляемого ею дохода. В виду этого, отношение к ней должно быть регулировано особыми положениями, как к источнику рентных доходов. Обычные гражданские нормы, регулирующие передвижение капитала, к земле не приложимы, и неправильна существующая организация земельного кредита.

Далее возобладал взгляд, что распределение земельной собственности имеет слишком серьезное значение в политической жизни страны, чтобы государство могло относиться к нему равнодушно.

Широкое распространение получил взгляд, что будто бы свободная мобилизация земли должна вызвать, с одной стороны, ее концентрацию, а с другой,—распыление земли, т. е. образование, с одной стороны, латифундий, а с другой,—карликовых хозяйств, неспособных прокормить своих хозяев. В доказательство ссылались чаще всего на историю античного мира и Англию. Государство должно оградить землевладение от впадения в зависимость от денежного капитала; оно должно, в согласии с устремлением консервативных кругов общества, поддерживать существующее подразделение земельной собственности. В частности, оно должно поддержать крестьянство, как оплот существующего строя против руководимого социалистами пролетариата, а также как самую здоровую часть населения, ценную с военной точки зрения.

Главные течения русской общественной мысли подготовили и русских ученых к восприятию социал-реформационных идей в области аграрной политики. Институтом, стоявшим в центре внимания русской общественной мысли в сфере аграрной политики, было общинное землевладение. Благодаря этому институту, крестьянская собственность была изъята из сферы свободного обращения. Накануне освободительной реформы, оба главных течения русской мысли—славянофильское, с одной стороны, и западническое, с другой,—пришли к выводу о необходимости сохранения института общинного землевладения. Славянофилы дорожили им, как своеобразным выражением русского национального духа; западническое направление пришло к тому же выводу, исходя из наблюдения социальной эволюции Западной Европы. Общинное землевладение, сохраняя основное орудие производства—землю в руках трудящихся, должно предупредить возникновение в России многочисленного рабочего пролетариата, бедственное положение которого составляет отрицательную сторону экономического развития Запада.

При таком настроении общества, зарождавшаеся русская экономическая наука оказалась весьма восприимчивой к учениям германских катедер-социалистов. Корифеи русской экономической науки конца истекшего века, как А. И. Чупров, Н. А. Карышев, А. С. Посников, перенесли их учение на русскую почву. Отрицательное отношение к экономическому индивидуализму стало господствующим в русском обществе.

Правда, наметившееся в 90-х годах марксистское течение в русской экономической науке, с его положительной оценкой некоторых сторон капиталистической эволюции, было связано в некото-

рых общественных кругах с отрицательным отношением к общине, однако и это течение было далеко от защиты экономического индивидуализма.

Можно указать лишь одного видного специалиста в области сельско-хозяйственной экономии, который с полной определенностью защищал в аграрной политике принцип экономического индивидуализма, не останавливаясь перед приятием старого лозунга: laissez faire, laissez passer,—это был А. И. Скворцов. Но ученый этот все-же был далек от утверждения, что в результате свободной конкурренции рождается гармония общественных интересов. Он считал приятие лозунга: laissez faire, laissez passer, лишь необходимым в переживаемую Россией эпоху для полного развития ее производительных сил; при этом интересы трудящихся масс, по его представлению, будут лучше защищены развитием классовой борьбы, чем таким институтом, как община, который он считал отжившим. Однако, учения А. И. Скворцова не находили себе отклика ни в русской экономической науке, ни в русском обществе.

Влияние социал-политического направления в сфере аграрной политики выразилось в общем признании того, что роль государства не должна быть только отрицательной, она не должна исчерпываться устранением препятствий, представляющихся к свободному развитию производительных сил сельского хозяйства. Государство должно задаваться известными положительными мероприятиями—активно содействовать развитию производительных сил сельского хозяйства и поднятию благосостояния сельского населения. На развитие широкой системы профессионального образования, на распространение профессиональных знаний, на постановку опытного дела, на организацию мелиоративных работ,—на все эти меры, которые и либералы признавали входящими в компетенцию государства, теперь обращено было сугубое внимание. Но в то же время государственная власть признала, что она не может оставаться лишь пассивным зрителем процесса мобилизации земельной собственности, имеющего столь исключительное значение для всего экономического и политического развития страны. Государственная власть стала активно вмешиваться в этот процесс, при этом она почти во всех странах стремится к переходу большей или меньшей части земли из рук крупных землевладельцев в руки мелких трудящихся хозяев.

К этому побуждали государственную власть различные мотивы. Развитие аграрного кризиса показало, что он сказывает свое губительное влияние преимущественно на крупном хозяйстве. Тяготея по

своей экономической природе преимущественно к экстенсивным системам сельского хозяйства, последнее не может отказаться от массового производства зерна, цены на которое испытали самое значительное понижение. Наоборот, крестьянское хозяйство оказалось более способным сосредоточиться на производстве на интенсивной основе различных продуктов животноводства,—молока, масла, сыра, мяса, свинины, и продуктов некоторых специальных отраслей, как огородничества, плодоводства, виноградарства, спрос на которые, в связи с быстрым увеличением на Западе городского населения, сильно возрос. Так как эти продукты менее транспортабельны, да и не все могут быть произведены в экстенсивных условиях, то конкурренция экстенсивных стран при такой организации производства является менее грозной, и цены на эти продукты остались достаточно высокими. Наряду с этим, крестьянское хозяйство на Западе к концу столетия сумело, благодаря развитию кооперативного движения, урегулировать свои рыночные отношения, выйти на путь технического прогресса и, таким образом, в этом отношении доказать свою почти полную равноценность с капиталистическим хозяйством.

Кроме низких цен, крупное хозяйство к концу столетия стало сильно жаловаться на недостаток рабочих рук. Быстро развивавшаяся в Западной Европе промышленность предлагала рабочим гораздо более выгодные и обеспеченные заработки, чем им могло предложить сельское хозяйство, и они стали усиленно уходить на службу промышленности. Другой поток сельско-хозяйственных рабочих устремился в Новый Свет, где они могли получить дешевую или даже бесплатную землю. В распоряжении капиталистических хозяев оказывается мало рабочих, да и наличные рабочие оказываются низшей квалификации. Эти затруднения очень мало отражаются на крестьянских хозяйствах, ибо они обслуживаются преимущественно трудом собственной семьи.

При указанных условиях сохранение земли в руках крупных землевладельцев грозило дальнейшим понижением производительности сельского хозяйства. Между тем Западная Европа в своем продовольствии и, вообще, в снабжении сырьем уже давно находилась в зависимости от импорта из экстенсивных стран, и увеличивать эту зависимость предоставлялось нецелесообразным, особенно для стран, которые могли не без основания опасаться, что они в случае войны могут быть отрезаны от морских путей сообщения. Расширение площади под мелкими хозяйствами, обильнее снабжающими местные рынки сельско-хозяйственными продуктами, чем крупные хозяйства,

являлось одним из способов ослабления этой зависимости. Крупные землевладельцы в большинстве случаев шли навстречу этим тенденциям государственной власти, ибо это давало им возможность с выгодой реализовать часть своей земли, которую они все равно не могли с достаточной выгодой использовать. В некоторых случаях, крупные землевладельцы надеялись, что предоставлением сельскохозяйственным рабочим в собственность небольших участков земли их удастся прочнее связать с деревней и, таким образом, лучше обеспечить крупные хозяйства рабочими руками.

Указанные мотивы побуждали правительства экономически процветающих государств Западной Европы вмешаться в процесс мобилизации земли. Что касается стран, экономически отсталых, как Ирландия, Италия, Румыния, где промышленность не давала хороших заработков населению, то там преобладание или тем более исключительное господство крупного землевладения вело к обострению аграрного перенаселения, и вмешательство государства настоятельно требовалось и в социальных интересах. Но, ввиду настоятельности задачи, это вмешательство в мобилизационные процессы могло иметь значение лишь постольку, поскольку оно могло быть достаточно активным и обширным по объему. Здесь необходимо было преодолевать противодействие столь влиятельного класса крупных землевладельцев, а потому вмешательство государства имело место в результате серьезной классовой борьбы и лишь под давлением демократии.

Вмешательство государства в мобилизационные процессы выразилось в регулировании арендных отношений, в целях ослабления эксплоатации съемщиков и придания аренде более устойчивого характера, в организации дешевого земельного кредита для приобретения земли неимущими классами и в непосредственной парцелляции крупных имений для устройства мелких хозяйств, т. наз. внутренней колонизации. При этом в некоторых случаях правительства не останавливались перед существенными ограничениями в праве распоряжения владельцами их землей или даже допускали и ее принудительное отчуждение.

Нигде на Западе судьбам крестьянского хозяйства не уделялось такого внимания со стороны экономической науки и со стороны общественного мнения, как в России. Его считали не только устойчивым, но со времени ликвидации крепостного права в нем усматривали основу экономического развития страны. В то же время крупное хозяйство было недостаточно подготовлено к почти внезапной

ликвидации крепостного права. Рациональные формы капиталистического хозяйства вырабатывались в России медленно и преимущественно в некоторых районах. Многие крупные хозяева с ликвидацией крепостного права перешли к раздаче земли в аренду крестьянам. В связи с этим и идея увеличения крестьянского землевладения за счет крупного пользовалась в России всеобщим сочувствием; в этом усматривали важнейшее, даже единственное средство для ликвидации возникшего, в связи с медленным темпом экономического развития страны, аграрного перенаселения. Крупные землевладельцы были также готовы ликвидировать на подходящих условиях часть своей земли.

Вмешательство русского правительства в мобилизационный процесс в пользу крестьянства выразилось в создании для этой цели специального кредитного института, Крестьянского Банка. Деятельность этого учреждения сначала была построена на обычных коммерческих началах, позже социально-политическая сторона в его деятельности все больше подчеркивается. После событий 1905—1906 г.г. Крестьянский Банк переходит к внутренней колонизации, и самый объем его работы расширяется до грандиозных размеров. Однако, и такой масштаб его деятельности не удовлетворяет русского общественного мнения, которое высказывается за систематическое принудительное отчуждение земли в пользу крестьянства вне рамок кредитной организации, с ликвидацией не только крупного землевладения, но, можно сказать, и почти всего крупного сельско-хозяйственного производства, народно-хозяйственное значение коего в русской экономической литературе оценивается очень низко.

Если принцип «laissez faire, laissez passer» в сфере аграрной политики был повсюду отвергнут, если для определенных, исключительно важных государственных целей было признано возможным сильно ограничивать право свободного распоряжения земельной собственностью, не останавливаясь в исключительных случаях и перед ее принудительным отчуждением, то все же радикальная критика института частной обственности далеко не имела на Западе такого успеха, чтобы побудить правительственную власть к какой-либо систематической перестройке аграрных отношений на новых началах. Да к этому и не представлялось достаточных оснований, ибо, как мы указали, опасения, вызванные аграрным кризисом за судьбы крестьянской земельной собственности, совершенно не оправдались. Как раз к концу истекшего столетия крестьянское хозяйство Западной Европы вступает в полосу расцвета и успешно борется за землю против крупного землевладения. Да и, вообще, экономический инди-

видуализм составляет такую глубокую особенность современного хозяйствующего человека, что решительные попытки ограничить свободу распоряжения землей во имя общего блага не могли расчитывать на Западе на серьезный успех. Поэтому грандиозный процесс колонизации Нового Света европейцами продолжался на основе создания частной земельной собственности, и если в некоторых австралийских колониях в последние десятилетия получила широкое распространение вечно-наследственная аренда государственной земли, то этот институт так мало ограничивает арендатора в распоряжении землей, что его отличие от частной собственности надо признать далеко не существенным. Грандиозная ирландская реформа была проведена английским правительством также в целях создания свободной крестьянской собственности. Попытку создать новую форму пользования землей надо усмотреть, в т. наз., рентных участках, устраиваемых в Западной Европе при внутренней колонизации. Хозяин такого участка, являясь вечным его арендатором, в то же время ограничен в свободном распоряжении им. Однако, внутренняя колонизация касается пока очень незначительной части земельного фонда, на свободу же распоряжения своей землей со стороны крупных землевладельцев, кроме исключительных случаев, вызванных социальными или производственными интересами, а тем более крестьянских собственников правительственная власть не решилась покуситься. Критика института частной собственности на землю имела значение лишь постольку, поскольку она задержала ликвидацию различных старых институтов, содействуя в то же время иногда и их модернизации, как то остатков общинного землевладения, особого крестьянского наследственного права, препятствующего слишком быстрому дроблению крестьянских участков и их чрезмерному отягощению ипотечными долгами, и т. п. Наряду с этим, во имя аристократических интересов, во многих странах осталась закрепленной недробимость крупных родовых имений, в несомненный ущерб социальным интересам. Характерно, что усиленная агитация, которая велась некоторое время в Западной Европе в пользу создания подобной же родовой и неотчуждаемой крестьянской собственности, под американским лозунгом «home-stead», и которая призывала крестьянство к ограничению своих прав распоряжения землей, не имела среди последнего почти никакого успеха. Правда, она привела к изданию соответствующих законодательных актов, но соответствующие институты решились сделать только факультативными, и этим актам едва ли суждено иметь серьезное социально-политическое

значение. Точно также и крупные земельные собственники, сколько они ни жаловались на тяжесть обременяющих их собственность ипотечных долгов, на законодательное ограничение пользования кредитом не пошли и земельный кредит остался построенным на прежних основаниях.

Критика института частной собственности имела наибольшее значение в России. В то время как на Западе общинное землевладение имело чрезвычайно ограниченное распространение, а потому то или другое отношение к нему не имело существенного значения для развития сельского хозяйства, в России главная масса крестьянской земли признавалась законом состоящей в общинном владении, а остальная земля признавалась состоящей в семейном владении. Судьбы этой крестьянской собственности имели, таким образом, решающее значение для экономического развития страны. В этом вопросе русская экономическая мысль, воспринявшая западно-европейскую критику института частной собственности, оказалась в согласии и настроениями правительственных сфер, усматривавших в крестьянском общинном землевладении один из основных устоев сословного строя России. Таким образом, с момента освобождения крестьян до начала текущего века русское законодательство стремилось к укреплению общинного и семейного владения крестьянской надельной землей в противоречие с обещаниями, заключавшимися в Положении 1861 г. о создании в будущем свободной крестьянской собственности. Точно также правительство не торопилось отграничением вновь колонизируемых земель и оставляло их в общинном пользовании. Когда уже в текущем столетии правительство по политическим мотивам совершило резкий поворот в этом вопросе и стало содействовать распаду общинного землевладения и созданию вместо него единоличной собственности, то передовое общественное мнение России и почти все представители экономической науки стали в решительную оппозицию новому курсу правительственной аграрной политики.

Признание того, что государство обязано вмешиваться в экономические процессы во имя интересов целого, имело еще то значение, что оно открыло широкую возможность различным группам населения требовать односторонней защиты своих интересов, далеко не всегда совпадавших с интересами целого. Падение цен на сельско-хозяйственные продукты, наступившее в Западной Европе со второй половины 70-х годов, вызвало требование со стороны сельских хозяев, преимущественно крупных, о введении хлебных пошлин. Разумеется, это требование встретило резкую оппозицию со стороны

промышленных классов. В Англии, вследствие преобладающего политического веса последних, пошлины на сельскохозяйственные продукты не были введены, но почти все остальные страны Западной Европы ввели довольно высокие пошлины на сельско-хозяйственные продукты и, в особенности, на зерно, отчуждаемое преимущественно крупными землевладельцами.

Последние использовали свое влияние на государство для того, чтобы получать от него поддержку, часто замаскированную интересами сельского хозяйства. Так, в руках крупного землевладения в некоторых странах монополизированы, искусственно повышенные, доходы от винокурения и сахароварения; землевладальцы получают исключительно дешевый кредит и т. п. В России эта политика получила сословную окраску покровительства дворянскому землевладению.

III.

Наряду с получившим господство социал-реформаторским течением в сфере аграрной политики, носившим в значительной мере консервативный характер, наметились научные и общественные течения, стремившиеся к радикальной реформе аграрного строя.

Таковым прежде всего является движение в сторону национализации земли в Западной Европе. Оно, в общем, остается на почве современного менового и капиталистического хозяйственного строя. Прибыль на капитал сторонники национализации земли считают вполне правомерной формой дохода. Неправомерным они признают только доход от владения землей, ибо последняя не создана трудом человека, и рентные доходы имеют тенденцию возрастать, в ущерб доходам труда и капитала, от простого факта возрастания населения. Наиболее видный теоретик этого движения американец Генри Джордж. предлагал произвести бесплатную экспроприацию рентых доходов, превратив их в единый налог (single taxe), который заменит все другие налоги. Владение землей потеряет тогда всякий интерес для тех, кто на ней не ведет хозяйства, и она станет доступной для капитала и труда. Впрочем, некоторые сторонники национализации земли представляют себе, что распоряжение землей должно быть изъято из частных рук. Точно также сторонники этого направления расходятся между собой в вопросе о том, должна ли экспроприация земли быть совершена возмездно или безвозмездно.

Совершенно естественно, что идея национализации земли зародилась в Англии—в стране, где земельная собственность сконцентриро-

валась в руках немногочисленных аристократических родов. Здесь за нее высказались такие выдающиеся ученые, как Джон Стюарт Миль и Герберт Спенсер. Однако, при исторической оторванности английских народных масс от сельского хозяйства, идея национализации земли не могла здесь вызвать широкого общественного движения. Еще меньший успех она имела на континенте Европы, где она встретила бы естественное противодействие со стороны многочисленного крестьянства. В Германии—в стране с быстро растущей городской промышленностью—в центре внимания стал вопрос об обложении сильно возрастающей городской ренты.

На несколько больший успех идея национализации земли могла расчитывать в колониальных странах, где присвоение земли еще новой даты и не совсем еще закончилось. В частности учение Генри Джорджа сложилось к началу семидесятых годов под впечатлением приближавшегося истощения государственного колонизационного фонда Соединенных Штатов, наличность коего предупреждала до сих пор возникновение безработицы и поддерживала уровень заработной платы на надлежащей высоте.

Энергичная агитация Генри Джорджа имела в Соединенных Штатах лишь эфемерный успех. При сравнительно благоприятном распределении земельной собственности в этой стране, об экспроприации земельной ренты у фермеров, составляющих значительную часть трудящихся классов, не могло быть речи. Наибольший успех идея национализации земли имела в Австралийских колониях, что объясняется их неблагоприятно сложившимся земельным строем. Здесь земля сосредоточилась огромными комплексами в руках капиталистов-овцеводов, между тем как уже к концу истекшего столетия здесь назрели условия для земледельческой колонизации, требовавшей парцелляции земельной собственности. В соответствии с этим идея национализации земли оказала здесь известное влияние на развитие аграрной политики.

В России идея национализации земли в смысле экспроприации ренты совсем не имела успеха в передовых общественных кругах, ибо последние склонялись к социализму и выдвигали на первый план вопрос о распоряжении землей. В соответствии с этим только эти более радикальные тенденции нашли себе выражение и в русском аграрном законодательстве революции.

Западно-европейской социализм, наравне с движением в пользу национализации земли, отрицает правомерность дохода от владения землей, но для социализма рента есть лишь одна из форм нетрудовых

доходов, которые все для социализма неправомерны. С такой же решительностью, как земельную ренту, социализм отрицает и прибыль на капитал. Конечной целью социализма является экспроприация государством всех орудий производства. Научный социализм утверждает, что процесс этот неизбежен, ибо он будет подготовлен стихийно идущей концентрацией производства. Основоположники научного социализма, Маркс и Энгельс, не усматривали никаких особенностей в развитии сельского хозяйства по сравнению с промышленностью. «Крестьянское хозяйство», утверждает Маркс в 3-м томе «Капитала», «самое рутинное и нерациональное». Самих крестьян Маркс называет «классом варваров», среди коих «грубость первобытных общественных форм соединяется со всеми мучениями и бедствиями цивилизованных стран». «Уничтожение сельской домашней индустрии, как следствие развития крупной индустрии, постепенное истощение и обеднение почвы, конкурренция крупной культуры, улучшения в сельско-хозяйственной технике, требующие больших издержек, более обильных вещественных средств производства»,—все это неминуемо ведет к гибели крестьянского хозяйства.

В соответствии с этим уже в Коммунистическом Манифесте редактированном Марксом и Энгельсом в 1847 г., «экспроприация поземельной собственности и обращение поземельной ренты на государственные расходы» выдвигаются на первый план. Находившиеся под влиянием Маркса конгрессы I-го Интернационала, поскольку они интересовались аграрным вопросом, выдвигали ту же программу. Если в их отношении к сельскому хозяйству замечаются некоторые особенности по сравнению с отношением к промышленности, то они выражаются в том, что землю предполагается передать в пользование не государства, а ассоциаций, составленных из прежних крестьян и рабочих.

Однако, результаты социалистической пропаганды в городе и деревне оказались совершенно различными. В то время, как в целом ряде государств социал-демократической партии скоро удалось стать во главе политического движения промышленного пролетариата, в деревне социал-демократическая пропаганда не имела никакого успеха. Крестьянство оказалось совершенно не склонно во имя социалистического государства будущего отказываться от «фанатизма собственности». Что же касается сельско-хозяйственных рабочих, то, рассеянные небольшими группами, малокультурные, зависимые от землевладельцев, они далеко не представляли благоприятной почвы для социалистической пропаганды. Психологически и они были заражены

«фанатизмом собственности», и их мечтой было обзавестись клочком земли для устройства собственного хозяйства. Но что было самым роковым,—эволюция сельского хозяйства не соответствовала схеме, установленной Марксом. Крестьянское хозяйство не только не гибло, а, наоборот, расширялось за счет крупного; численность же сельскохозяйственных рабочих не только не возрастала, а шла на убыль, вследствие их отлива в города и за океан.

Социал-демократия стран с многочисленным и крепким крестьянством скоро не могла не почувствовать, что возрастанию ее политического влияния поставлен предел, что если она желает сделаться представителем всех трудящихся классов, то она должна приноровить свою программу к потребностям крестьянства. В таких странах социал-демократия стала в своих программах говорить об экспроприации земель только крупных владельцев, она даже стала обещать свое активное содействие укреплению крестьянского хозяйства. Уже на конгрессах I-го Интернационала французы, сторонники Прудона, высказывались в пользу крестьянского хозяйства. В 90-х годах истекшего столетия французская социал-демократия на своих конгрессах в Марселе и Нанте выработала программу, благоприятную крестьянству. «Если обязанностью социалистической партии», говорится в Нантской программе от 1894 г., «является экспроприация крупных поместий, принадлежащих ничего не делающим владельцам, то она в той же мере обязана помочь самостоятельно работающему землевладельцу охранить его участок от посягательств со стороны фиска, промышленности и капитала, стремящихся к захвату земли».

В среде германской социал-демократии также наметилось влиятельное течение «ревизионистов», отказывающихся от обобществления основного крестьянского производства. Их выдающийся теоретик в сфере аграрной экономии, Давид, считает необходимым только связать крестьянские хозяйства в кооперативных объединениях и поставить их в контакт с потребительными обществами промышленных рабочих. Южно-германские социал-демократы и в своей практической деятельности стали склоняться к политике, благоприятствующей укреплению крестьянского хозяйства. Вопрос о желательности выработки соответствующей аграрной программы был даже поставлен на очередь франкфуртским конгрессом партии. Однако, в Германии, промышленное развитие которой идет в более быстром темпе, чем Франции, и где политическое значение крестьянства в соответствии с этим меньше, социал-демократия в конце-концов осталась на старой позиции. Обсуждение аграрной программы было поставлено во всю широту

на Бреславльском конгрессе партии в 1895 г., и в конце-концов она была после долгих споров отвергнута. «Германская социал-демократия», говорится в резолюции конгресса, «берет назад провозглашенный ею на Франкфуртском партейтаге принцип крестьяной политики. Она отказывается от привлечения к себе крестьянства какими бы то ни было уступками социального или экономического характера. Германская социал-демократия есть и остается партией пролетариата». Впрочем, последнее остается фактически правильным и для тех стран, где социал-демократия пыталась пойти навстречу крестьянству. Стать политическим вождем крестьянства социал-демократии не удалось нигде, и в связи с этим ее влияние в сфере аграрной политики оказалось незначительным.

Русская социал-демократия в обоих своих течениях, меньшевистском и большевистском, оставалась в аграрном вопросе верной взглядам ортодоксального марксизма. В 1905 г. партия выдвинула проект муниципализации земли, т. е. передачи ее в руки органов местного самоуправления. Задачей этой меры не является укрепление крестьянского хозяйства. Муниципализированная земля должна сдаваться в аренду за наивысшую плату. Таким путем будет, по предположениям социал-демократии, расчищен путь для торжества сельскохозяйственного капитализма, как подготовительной стадии к грядущему обобществлению производства. И русская социал-демократия в связи с этим осталась представительницей рабочего пролетариата. Что касается русского крестьянства, то широкие слои его удалось объединить другому революционному течению, известному под общим названием «народничества».

«Народничество» является совершенно своеобразным течением русской общественно-политической мысли, связанным с особенностями русского аграрного строя и всей экономической жизни страны. Общинное землевладение, в связи с общим медленным темпом промышленного развития России, сильно задержало вовлечение крестьянского хозяйства в обмен. Под влиянием общинного землевладения, в русском крестьянстве укрепился взгляд, что, с одной стороны, на землю имеет право только тот, кто на ней трудится, и с другой стороны, что земля является необходимым, естественным источником пропитания для каждого. Эти воззрения стояли в противоречии с наличностью крупной земельной собственности, не связанной с использованием на ней собственного труда.

Основы народничества заложены знаменитым русским эмигрантом Герценом. Поражение социалистических движений в 1848 году

заставили Герцена усомниться в том, чтобы Западная Европа была способна собственными усилиями осуществить идеалы социализма. Собственнические инстинкты, мещанство, пустили на Западе слишком глубокие корни, чтобы их можно было преодолеть. Обновить Европу призвана молодая Россия, именно потому, что она донесла до наших времен элементы первобытного коммунизма, которые на Западе уже исчезли, но которые при свете научного знания могут явиться основой для утверждения социализма. Лозунг западно-европейской рабочей демократии: «право на труд», Герцен находит уже осуществленным в русской общине, в виде «права на землю». «Элементы, вносимые русским крестьянским миром», говорит он, «элементы стародавние, но теперь приходящие к сознанию и встречающиеся с западным стремлением экономического переворота, состоят из трех начал—из 1) права на землю, 2) общинного владенияя ею, 3) мирского управления. На этих началах, и только на них, может развиться будущая Россия». «Наш переворот должен начаться с сознательного возвращения к народному быту... Закрепляя право каждого на землю, т. е. объявляя землю тем, что она есть—неотъемлемой стихией—мы только подтверждаем и обобщаем народное понятие об отношении человека к земле». Почти одновременно аналогичные мысли развивал в русской публицистике другой руководитель русской общественной мысли и экономист Н. Г Чернышевский.

Идеи Герцена и Чернышевского, связанные с лозунгом экспроприации в пользу крестьянства частновладельческой земли, и легли в основу революционных движений, развившихся после освобождения крестьян под лозунгом: «Земля и воля», и свое наиболее полное выражение они нашли уже в текущем столетии в аграрной программе партии социалистов-революционеров.

Между аграрной программой сторонников национализации земли и социал-демократии, с одной стороны, и русских народников имеется принципиальное различие. Первые два направления подчеркивают право общества, как целого, на землю или на ренту от нее, народники же подчеркивают право трудового и уравнительного ее использования индивидом. Они конструируют новый вид субъективного права личности—права на землю. Самый способ использования земли, единоличный или коллективный, они считают вопросом второстепенным, хотя последний способ они считают предпочтительным.

Признавая землю открытым для всех поприщем для приложения труда, социалисты-революционеры избегают выражения «собственность на землю» даже по отношению к государству, как субъ-

екту права; они предпочитают пользоваться более расплывчатым термином «общенародное достояние». В конце-концов социалисты-революционеры нашли наиболее полное выражение своих идеалов в порядках землепользования, которые сохранились еще в самых глухих вновь колонизуемых районах, где крестьяне признают еще землю «ничьей», «Божьей». Эту наиболее совершенную форму общинного землепользования народники хотели бы распространить на всю страну, — сделать ее единой общиной. Задача государственной власти и органов местного самоуправления состоит единственно, в том, чтобы регулировать осуществление права на землю отдельных граждан; лишь постольку они призваны распоряжаться землей. В соответствии с этим социалисты-революционеры называют свою программу земельной реформы «социализацией земли».

Проект безвозмездной передачи крестьянству всей земли на уравнительных началах, — «черного передела» ее — не мог не иметь успеха в широких кругах живущего еще полунатуральным хозяйством крестьянства. В то время, как в экономически развитых странах трудящийся человек уже не чувствует своей неразрывной связи с землей, ибо, наряду с сельским хозяйством, и другие отрасли труда имеют большое и притом, постоянно возрастающее, значение, в России для крестьян жить—значит землю пахать. Далее связанные с общинными порядками землепользования, шаблонность и застой в производстве направляют внимание русского крестьянина исключительно на количество земли, а не на способы ее использования. Капитал в хозяйстве находит себе еще мало приложения, и значение его приложения еще не оценивается. Таким образом, в прирезке земли и в ее уравнительном переделе мало-культурное русское крестьянство усматривало единственное средство против бедствий аграрного перенаселения, и программа социалистов-революционеров вполне соответствовала и хорошо формулировала чаяния наиболее многочисленных экономически отсталых кругов крестьянства. Таким образом, хотя в результате октябрьской революции власть оказалась в руках партии рабочего пролетариата, закон о социализации земли от 27 Января 1918 г. был редактирован в духе социалистов-революционеров, и земельная революция совершилась в направлении «черного передела». Советская власть могла впоследствии вносить лишь некоторые поправки в стихийно протекшую в указанном направлении аграрную революцию.

Аграрная эволюция и аграрная политика России.

I. Эпоха великих реформ.

До великой освободительной реформы царствования Александра II весь социально-экономический строй России был окрашен крепостничеством. Крепостное право в России вылилось в формы существенно отличные от тех, какие известны были в Западной Европе. Там люди были крепки земле, и их повинности рассматривались, как возмещение господину за пользование землей. В России крепостные были крепки своим господам, и постольку русское крепостничество во многих отношениях приближалось к настоящему рабству. Надо признать, что именно такая форма крепостничества, возникшая не только на основе политического преобладания дворянства, но и на основе хозяйственной немощи и задолженности крестьянства, единственно соответствовала экономическим условиям государства, в котором земля, вследствие редкости населения, сама по себе не ценилась, и в котором мало плодородный центр выделял из себя все новые и новые кадры выселенцев для колонизации обширных плодородных земель, постоянно отвоевываемых у кочевников. Но вследствие указанного юридического характера крепостного права, положение русских помещичьих крестьян было крайне униженное. Они не имели имущественных прав, помещики могли их продавать без земли, продавать в раздробь, сдавать в рекруты, ссылать в Сибирь; запрещено было только их увечить и убивать. В XVIII-м ст., когда в одних странах Западной Европы крепостное право сохранялось лишь в виде кое-каких пережитков, а в других оно ликвидировалось, крепостное право в России достигло апогея своего экстенсивного и интенсивного развития. Но и в XIX-м столетии, вплоть до освободительного акта 19 Февраля 1861 г., не было предпринято ничего существенного для смягчения крестьянской неволи. Правда, утверждая власть помещиков над крестьянами, правительство, под угрозой взятия имений под опеку, требовало, чтобы помещики не разоряли крестьян, продовольствовали их в неурожайные годы и не обращались с ними жестоко.

В 1797 г. было запрещено привлекать крестьян к работам в воскресные и праздничные дни, и рекомендовалось не требовать от них больше трех дней работы в неделю. Так как, однако, на местах вся административная власть находилась в руках дворян, то крестьяне, лишенные притом права приносить жалобы на своих господ, почти никогда не могли найти защиты от их произвола и жестокости.

При общем бесправии крестьян их фактическое положение было весьма различно в зависимости от способа их эксплоатации помещиками. В этом отношении необходимо различать две основные группы помещичьих крестьян: состоявших на барщине, т. е. отбывавших свои повинности работой, с одной стороны, и состоявших на оброке, т. е. отбывавших свои повинности денежными платежами, с другой. На барщине состояло значительное большинство крестьян черноземного центра и почти все крестьяне в западных и степных губерниях. На оброке состояло большинство крестьян центральной промышленной полосы; свои оброки эти крестьяне выплачивали не столько из земли, сколько из промыслов. В промышленной полосе были распространены и смешанные формы повинностей. Мелкие землевладельцы, сидевшие на местах, имели больше возможности эксплоатировать крестьян барщиной; крупные землевладельцы, по большей части абсентеисты, чаще довольствовались скромными оброками. В общем, численность барщинных крестьян накануне ликвидации крепостного права была слишком в два раза выше численности оброчных крестьян, и именно их положение было особенно угнетенное. Интересы барщинного хозяйства побуждали помещиков и приказчиков нормировать весь внутренний уклад жизни крестьян. Даже семейная жизнь крестьян, в особенности заключение браков, регулировалось помещичьей властью. В барщинных имениях широко применялись телесные наказания.

Крестьяне, сидевшие на оброке, как бы последний ни был иногда высок, свободно располагали своим трудом, чаще уходили на заработки, отдаляясь при этом от атмосферы крепостной деревни, и пользовались в большей мере самоуправлением. Вся сельскохозяйственная площадь находилась в чисто-оброчных имениях в пользовании крестьян.

Помещики не были ограничены ни в определении размера оброков, ни в своих требованиях барщины, ибо закон 1797 г. о трехдневной барщине не носил категорического характера. Предел эксплоатации крестьян устанавливался интересами помещиков: разоренные крестьяне не могли, конечно, давать больших доходов своим господам. В частности барщинные имения обрабатывали свои поля не

только трудом, но и инвентарем своих крестьян, а потому крестьянские хозяйства должны были быть в исправности, если помещики желали, чтобы их поля были надлежащим образом обработаны.

Накануне ликвидации крепостного права помещичьих крестьян числилось 10,7 миллионов душ муж. пола. Но наряду с крепостными в России существовали весьма разнообразные группы сельского населения, не подчиненные помещичьей власти и объединенные постепенно под общим именем государственных крестьян. Эта относительно свободная часть сельского населения достигала в 1858 г. численности в 13,2 мил. душ муж. пола и следовательно была многочисленнее крепостных крестьян. В качестве бывших черносошных, монастырских крестьян, государственные крестьяне были сильно представлены и в центральных губерниях, в окраинных же губерниях, кроме западных, они преобладали. В этой многочисленности относительно свободных групп крестьянства следует усмотреть положительную сторону аграрного строя России. Она явилась следствием громадного экспансивного распространения русского крестьянства в погоне за земельным простором и за волей. Как жадно господствующий дворянский класс ни стремился поработить себе массы оседавшего на новых местах населения, сделать это в полной мере ему не удалось. Не завися от частных лиц, государственные крестьяне не были лишены гражданских прав. Их экономическое положение было также удовлетворительно. Они располагали большею частью сравнительно крупными наделами и не были отягчены повинностями. Но все же бесправие помещичьих крестьян, составлявших главную массу сельского населения в центре страны, отбрасывало мрачную тень и на положение всего остального крестьянства. До XVIII-го столетия крестьяне, отнесенные впоследствии в категорию государственных, несли разные повинности государству в денежной или натуральной форме, которые можно было рассматривать, как налоги. Но в 1723 г. Петр Великий впервые устанавливает с них „особый сбор, соответственный платежам дворцовых и владельческих крестьян“, и в дальнейшем утверждается взгляд, что земля, на которой сидят эти группы, принадлежит государству в частно правовом смысле, а потому, сидящее на ней, население обязано платить за пользование ею специальную оброчную подать. В том же столетии в громадном размере практиковались пожалования земель, вместе с населяющими их государственными крестьянами, придворным фаворитам, в результате чего около 2-х миллионов свободных людей превратились в крепостных. Опека чиновников над государственными крестьянами с течением времени

усиливалась. Положение о государственных крестьянах от 1838 г. было разработано министром государственных имуществ гр. Киселевым, относившимся заботливо к нуждам государственных крестьян; тем не менее оно вводит усиленную регламентацию в их жизнь и по своему духу схоже с правилами по управлению крестьянами, действовавшими в крупных вотчинных имениях. Правовое и экономическое положение удельных крестьян, т. е. числившихся за царской фамилией, представляло нечто среднее между таковым государственных и помещичьих крестьян. Число их накануне ликвидации крепостного права несколько превышало 1 мил. душ мужского пола.

Наконец, крепостнический строй наложил свой отпечаток и на русскую промышленность. Не только дворяне пользовались на своих фабриках крепостным трудом, но и фабриканты не дворяне получили при Петре Великом право покупать крестьян с тем, чтобы они считались приписанными к фабрикам. Последние образовали группу так называемых поссессионных крестьян, численностью до 400 тыс. душ мужского пола.

В тех странах Западной Европы, где рано возникла густая сеть городов, и где крестьянское хозяйство было постепенно вовлечено в обмен, крепостное право стало отмирать в значительной мере спонтанно, путем частных договоров между заинтересованными сторонами. Если при этом сыграли роль и законодательные акты, то они имели местный и частичный характер. Великая французская революция, законодательство Наполеона и революция 1848 г. устранили в этих странах Западной Европы только кое-какие остатки крепостничества, существовавшие еще в форме т. наз. феодальных повинностей. Однако, уже в Средней Европе, например в Пруссии, Австрии, Дании, где широкое развитие получило крупное барщинное хозяйство, обслуживавшее далекие рынки, последнее представляло из себя настолько завершенное экономическое образование, что разбить его могли только внешние силы. Ликвидация крепостного строя здесь не могла совершиться постепенно, путем частных соглашений или хотя бы частичных законодательных актов. Крепостное право здесь было ликвидировано единовременными законодательными актами, более или менее резко порывавшими с существующим порядком. В издании этих актов большую роль сыграла необходимость в переустройстве социально-экономической жизни на новых основах свободного труда, выявившаяся в неспособности государства защитить себя в военном отношении при старом укладе, а также могущественное влияние освободительных движений, исходивших из городов.

Менее всего можно было ожидать, что крепостное право будет постепенно изжито в России. При неограниченной власти помещиков над крестьянами первым было во всяком случае невыгодно от этой власти отказываться. В связи с этим изданный в 1803 г. закон, регулировавший, в весьма гибкой форме, добровольную ликвидацию крепостного права путем частных договоров помещиков с крестьянами, получил совершенно ничтожное практическое применение.

Но мало того, что нельзя было расчитывать на спонтанную ликвидацию крепостного права, нельзя было ожидать и его смягчения. Меновое хозяйство в России, хотя и недостаточно быстро, но все же развивалось; в частности в течение XIX-го столетия разрастался заграничный экспорт. Казалось, что это создавало условия для перевода крестьян с барщины на оброк, и следовательно формы крепостного права должны были бы, уже, благодаря одному этому, смягчаться. Однако, сравнение относительной численности барщинных и оброчных крестьян в конце XVIII-го столетия и накануне ликвидации крепостного права не обнаруживает какой-либо явственной тенденции развития крепостного права в указанном направлении. Замечалось даже новое явление—широкое распространение системы смешанных повинностей, оброка в комбинации с барщиной, вместо чисто оброчных повинностей, в промышленном районе. Объясняется это тем, что если успехи менового хозяйства, с одной стороны, создавали новые возможности для перевода крестьян на оброк, то они же создавали условия, в связи с расширением сельско-хозяйственного рынка, к росту барщинного хозяйства. До ликвидации крепостного права и внутренние, и тем более внешние рынки снабжались сельскохозяйственными продуктами, в особенности зерном, почти исключительно из помещичьих хозяйств. Последние лежали, таким образом, в основе русского менового хозяйства. При отсутствии в России местных городских рынков, какие имелись на Западе, при неразвитости внутренней торговли и при отсутствии хороших путей сообщения, которые могли бы оживить обширную русскую равнину, в указанном отношении ничего не могло измениться. Только крупному хозяйству было под силу производство сельско-хозяйственных продуктов для их доставки в редкие и далекие торговые центры, в распоряжении владевших рынками крупных торговцев.

Но, может быть, крупное сельское хозяйство было выгодно перестроить на основе вольно-наемного труда? Вопрос о сравнительной выгодности барщинного и вольно-наемного труда усиленно дебатировался среди наиболее просвещенных хозяев, при чем мнения по этому

вопросу расходились. Но жизнь решала вопрос о замене подневольного труда свободным отрицательно. Сколько-нибудь серьезных попыток перестройки барщинных хозяйств на основе вольнонаемного труда не замечалось. Даже помещики западных губерний, хозяйства которых были наиболее подготовлены к ликвидации крепостного права, предпочитали пользование барщинным трудом. В южных степных губерниях, в которых помещики стали к середине XIX-го столетия быстро расширять свои запашки для массового экспорта зерна через черноморские порты, а также в высоко-интенсивных свеклосахарных хозяйствах пользование вольнонаемным трудом получило широкое распространение. Это доказывало, конечно, что соответствующие помещичьи хозяйства уже созрели для ликвидации крепостного права. Но все же помещики пользовались вольнонаемным не потому, что предпочитали его барщинному труду, а потому, что не хватало своих крепостных крестьян; последних же они держали исключительно на барщине. Что касается важнейшего района барщинного крестьянства—центрально-черноземного, то о переходе здесь к системе вольнонаемного труда не могло быть и речи. При отсутствии в России железных дорог, цены на зерно, хотя и проявляли некоторую тенденцию к повышению, но, в общем, отличались чрезвычайным непостоянством. Только хозяйство, имевшее ничтожные фиксированные расходы, каковым и является хозяйство, основанное на пользовании трудом и инвентарем крепостных крестьян, могло держаться при таких колебаниях цен. Наконец, только при пользовании громадными массами бесплатного труда для перевозки продуктов, можно было из центрального чернозема вести хлеб на далекие пристани или в далекие потребительные центры [1]).

Таким образом, помещичьи запашки черноземного района быстро расширялись, а вместе с тем усиливалось требование барщинного труда. Эксплоатация крестьян барщиной в течение XIX-го столетия на черноземе не ослабевала, а скорей усиливалась. В густонаселенном черноземном центре рост помещичьих запашек нередко приводил к тому, что у крестьян оставалось так мало земли, что ее не

[1]) Согласно схеме Тюнена, развитой в его знаменитом исследовании «Изолированное государство», каждая система хозяйства возможна лишь в определенном расстоянии от рынка. По его схеме русский черноземный центр оказался бы далеко вне зоны зернового хозяйства. Но Тюнен имеет в виду хозяйство, построенное на свободном труде, а потому его схемы не следует относить к крепостному хозяйству. Заметим попутно, что схема Тюнена имеет в виду капиталистическое хозяйство и не применима также и к трудовому.

хватало для удовлетворения их продовольственных нужд. Даже в нечерноземной полосе вследствие роста городов кое-где, при трудности подвоза зерна с юга, небольшая помещичья запашка становилась выгодной, и в этом заключалась причина замены во многих имениях чисто оброчной системы повинностей смешанной. Между тем переход от оброка к барщинному труду, т. е. от относительной свободы к полной неволе, был для крестьян тяжелым испытанием, и не удивительно, что в связи с этим часто возникали среди крестьян волнения.

В отношении к организации труда между крупным сельским хозяйством и крупной промышленностью существует принципиальное различие, которое и в истории России выявилось с полной определенностью. Первое тяготеет к принудительной организации труда и почти никогда от нее добровольно не отказывается; наоборот, крупная фабричная промышленность почти не совместима с принудительным трудом. Действительно, в течение XIX-го столетия помещичьи фабрики, построенные на принудительном труде, приходят в упадок; руководителями промышленности становятся фабриканты, вышедшие из купеческой и крестьянской среды. Эти последние в большинстве случаев находят для себя пользование принудительным трудом поссессионных крестьян невыгодным, и навстречу их домогательствам правительство издало в 1840 г. закон, давший им возможность освобождать фабрики от обязательного пользования трудом поссессионных крестьян. Но уже до издания этого закона на русской фабрике пользование вольнонаемным трудом стало преобладающим явлением.

Итак, Гордиев узел крепостного права мог быть разрублен только законодательным актом, продиктованным государственными интересами. Но в России города развивались очень медленно, и политическое влияние склонного к консерватизму дворянства не уравновешивалось, подобно тому, как это имело место в государствах Запада, быстро растущим влиянием городской буржуазии, заинтересованной в освобождении труда. Перестроившие весь социально-экономический уклад Европы революции не затронули России, ибо здесь не было очагов этих революций—городов. Все это давало возможность дворянству отсрочивать ликвидацию крепостного права до последней возможности.

Но все же меновое хозяйство в России развивалось и подготовляло эту ликвидацию. Растущее разделение труда выражалось в постепенном развитии фабричной и кустарной промышленности, в громадном развитии отхода крестьян на заработки, в нечерноземном

районе — на промысловые, а в черноземном — на земледельческие в южные степи. Развивался экспорт сельскохозяйственных продуктов. Народ непосредственно ощущал растущее несоответствие крепостного права его запросам и потребностям, и эти настроения народа выливались в постоянно учащавшиеся случаи крестьянских волнений. Русские города не были настолько политически влиятельны, чтобы добиться признания принципа, что жизнь в городе делает крепостного свободным. Но психологическое воздействие городов и, вообще, отхожих промыслов на вырвавшихся из атмосферы крепостной деревни крестьян не могло быть иным, чем на Западе. Таким образом, хотя крестьяне в нечерноземном районе были свободнее, чем в черноземном районе, все же волнения в их среде возникали очень часто. Что же касается черноземных крестьян, то в их среде волнения возникали, в связи с безвыходным положением, в которое их ставило сокращение их запашек вследствие расширения помещичьей запашки. Наличность рядом относительно свободных государственных крестьян и еще свежие традиции вольного казачества не могли способствовать созданию в русском крестьянстве определенной рабской психологии.

Таким образом, русское крестьянство жило в напряженном ожидании, что царская власть даст ему свободу. Всякая политическая перемена оживляла надежды крестьянства и возбуждала в его среде волнения. В связи с Крымской войной волнения крестьян приняли массовый характер. При такой напряженности народных ожиданий, правительство в конце-концов пришло к убеждению, что по мотивам внутренней безопасности дольше поддерживать крепостное право невозможно. Это и было выражено в знаменитых словах Александра II: «лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собой начнет отменяться снизу». Но при напряженности народных ожиданий произнесенного публично слова нельзя было уже взять обратно, его было необходимо, во избежание взрыва, быстро превратить в дело.

Необходимость отмены крепостного права диктовалась государственной власти и международным положением. Крымская кампания доказала военную слабость крепостной России. Страна могла окрепнуть лишь при условии ее перестройки на новых началах. Предстояло создать сеть железных дорог, развить шире экспорт сельскохозяйственных продуктов путем распашки обширных пространств свежих земель, заняться разработкой не початых естественных богатств страны. Необходимо было совершить большую перегруппировку

рабочих сил, поднять производительность народного труда,—и выполнить это на крепостной основе было невозможно.

Как ни явственна была несовместимость крепостного права с дальнейшим нормальным развитием государства, все же при огульном противодействии дворянства реформа не могла бы быть осуществлена. В среде дворянства должны были найтись элементы, которых интересы совпадали с государственными, и которые могли поэтому стать на государственную точку зрения. Такие элементы среди русского дворянства были.

Ликвидация крепостного права представлялась выгодной прежде всего магнатам землевладения. Они эксплоатировали своих крестьян умеренными оброками, и они имели все основания ожидать, что при грядущем оживлении экономической жизни их рентные доходы значительно превысят доходы от оброков. Этих магнатов было немного, но им принадлежала весьма значительная доля крестьян; их социальный вес был очень велик, они «стояли у трона».

На ту же точку зрения могла легко стать значительная часть помещиков нечерноземного района, которая эксплоатировала своих крестьян оброками, не жила в деревне и наполняла ряды бюрократии. Для них становилось очевидным, что их чисто паразитическая роль по отношению к крестьянству не могла долго продолжаться. Наиболее благоразумные элементы из них скоро помирились с идеей ликвидации крепостного права и сосредоточили свое внимание на вопросе о способе наиболее выгодного для них осуществления этой реформы. Таким образом, политически наиболее влиятельная часть дворянства, которая извлекала доходы от крепостного права в виде оброков, которая хозяйства не вела, или явилась активным поборником ликвидации крепостного права, или легко мирилась с ней.

Иначе подходили к вопросу о ликвидации крепостного права помещики-хозяева. В этом отношении необходимо различать окраинных хозяев и хозяев центральной России. Степные помещики были определенно заинтересованы в ликвидации крепостного права. Благодаря развитию черноморских портов распашка степей становилась делом очень выгодным. Но для этого надо было привлечь рабочие руки из густонаселенного черноземного центра, и следовательно надо было освободить крестьян от крепостной зависимости.

Западные хозяева также были к этой реформе вполне подготовлены. Хорошие условия сбыта сельскохозяйственных продуктов, успехи сахароварения и винокурения побудили их перестроить хозяйство на более прогрессивный лад; они уже не довольствовались при-

митивными крестьянскими орудиями и завели усовершенствованные орудия и улучшенный пользовательный скот. В то же время дифференцированное местное крестьянство выделило из своей среды достаточные кадры безземельных, обеспечивавшие западные хозяйства дешевыми рабочими руками. В Польше и Прибалтийском крае крестьяне были освобождены без земли еще в начале XIX-го столетия. О таком же способе освобождения крестьян подумывало дворянство западных губерний. Польское дворянство имело и политические основания для скорейшей ликвидации крепостного права—желание отнять почву для использования правительством их антагонизма с крестьянством. Да и выгоды от крепостничества сильно сократились для западных помещиков с тех пор, как русское правительство введением так называемых инвентарей унормировало там повинности крестьян и поставило известный предел их эксплоатации. В связи с этим литовское дворянство первое откликнулось на призыв правительства к ликвидации крепостного права.

Но совершенно иное было отношение к вопросу о ликвидации крепостного права основного ядра барщинных хозяев великорусских губерний. Их хозяйства носили еще примитивный характер, собственным инвентарем они не располагали, а местное крестьянство было не дифференцировано, и опасения за возможность обеспечения их хозяйств вольнонаемными рабочими руками были весьма серьезны. Правда, накануне ликвидации крепостного права помещики стали кое-где обезземеливать своих крестьян, превращать их в батраков или, как тогда выражались, переводить на «месячину». Но это были первые шаги к переустройству хозяйства на новых началах, и пока это явление было еще исключительным. Неудивительно, что помещики-хозяева, которые преобладали преимущественно на черноземе, оказывали самое упорное сопротивление ликвидации крепостного права, и реформу пришлось осуществлять против их воли. Самым тяжелым ударом ликвидация крепостного права являлась для мелкопоместных дворян, умевших выколачивать из своих крестьян максимум работы и всякого рода доходов. Но при всей многочисленности этих дворян, им принадлежала ничтожная часть крепостных, и их политический вес был невелик.

Таким образом, руководство реформой взяли в свои руки преимущественно дворяне рантьеры, далекие от земли, но близкие к власти. Местные люди, хозяева, чувствовали себя обиженными. Отсюда возникла фронда местного дворянства против бюрократии, которая обнаружилась и в момент освобождения крестьян, и после реформы

она выразилась в требовании участия дворянского представительства в управлении государственными делами, — в требовании дворянской конституции.

Характерной особенностью реформы 19 Февраля 1861 г. является та ее черта, что первоначально она была задумана в гораздо менее радикальных формах, чем те, которые нашли себе выражение в законодательном акте, а в жизни все возможности, заложенные в реформе, нашли себе неожиданно быстрое воплощение. Объясняется это тем, что русский крепостной строй представлял в своем роде завершенное целое, и при устранении одного из его устоев пришлось пойти на переустройство всего общественного здания.

С точки зрения социально-экономической важнейшим вопросом при ликвидации крепостного права был вопрос о земле. Если бы крестьяне были обезземелены, то их юридическая свобода имела бы лишь формальное значение. Не имея под собой прочной экономической базы, большинство крестьян фактически остались бы во власти помещиков, как это имело место после безземельного освобождения крестьян в начале XIX-го столетия в Царстве Польском и Прибалтийском крае. Поэтому мысль о безземельном освобождении крестьян была весьма популярна в некоторых кругах русского дворянства. Но от нее постепенно в процессе подготовки реформы отказались. На одном только дворянство настояло: земля принадлежит ему, а потому крестьяне могут получить ее, вообще, лишь за плату, и с добровольного согласия помещика. Однако, от свободного распоряжения частью земли им пришлось все-таки отказаться. В Рескрипте от 20 Ноября 1857 г., в котором намечались первые контуры предстоящей реформы, земельные перспективы крестьянства были очерчены еще весьма неясно. Крестьяне должны были получить на выкуп свои усадьбы, «сверх того представляется в пользование крестьян надлежащее, по местным удобствам, для обеспечения их быта и для выполнения обязанностей перед правительством и помещиком, количество земли, за которое они или платят, или отбывают работу помещику». Вскоре, однако, дворяне должны были примириться с тем, что крестьяне получат свои наделы в постоянное пользование. На это вынуждены были пойти даже помещики черноземного района, где земля была доходна, и где они готовы были бы по возможности урезать ее у крестьян. Наделение крестьян землей вытекало из неподготовленности помещичьего хозяйства к ликвидации крепостного права. Помещичье хозяйство не было оборудовано собственным инвентарем, предстояло и в ближайшем будущем основываться на кре-

стьянском инвентаре, а потому нельзя было в собственных интересах чрезмерно расшатывать крестьянского хозяйства. Кроме того, были серьезные опасения, что крестьянство при земельном просторе, существовавшем еще на юге и востоке, могло после обезземления прийти в подвижное состояние и оставить помещиков центральной полосы без рабочих рук. Таким образом, безземельное освобождение, небезопасное и с политической стороны, грозило экономически потрясти не только крестьянское, но и помещичье хозяйство. Все эти обстоятельства побудили помещиков отказаться от идеи безземельного освобождения крестьян даже на черноземе.

Что касается северных помещиков, которые получали высокие оброки, выплачиваемые крестьянами не из земли, а из промыслов, то они были решительными сторонниками удовлетворительного наделения крестьян. Единственно путем достаточного наделения крестьян землей северным помещикам можно было обойти один из наиболее опасных подводных камней реформы, угрожавших их экономическим интересам. По политическим мотивам при проведении реформы пришлось принять принцип, что дворяне не получают вознаграждения за отмену крепостного права; формально было признано, что «души не выкупаются». Но северные помещики не могли, конечно, примириться с потерей получавшихся ими высоких оброков. Единственным источником для возмещения помещиков была поступающая в распоряжение крестьян земля. Но для того, чтобы переложить на землю прежние оброки, необходимо было дать крестьянам достаточные наделы. И даже при этих условиях задача переложения оброчных платежей на землю, как мы увидим, в конце-концов оказалась неисполнимой. Таким образом, если черноземные помещики стремились урезать крестьянские наделы, дать крестьянам столько, чтобы они только сохранили свой инвентарь и не разбежались, то нечерноземные помещики были в этом отношении гораздо либеральнее, они согласны были более или менее сносно наделить крестьян. Реформа прошла в виде компромисса между обоими течениями, причем результаты получились для русского крестьянства более благоприятные, чем в странах Средней Европы.

Считаясь с различными интересами дворянства в различных районах страны, закон установил весьма гибкую схему наделения причем исходным пунктом были взяты размеры крестьянского землепользования при крепостном праве. Страна была подразделена на большое количество местностей в зависимости от естественных и экономических условий. Для каждой местности был установлен «указ-

ной» надел, который удовлетворительно обеспечивает крестьян. В случае, если крестьяне пользовались землей свыше указного надела, помещик мог требовать отрезки у них земли, но крестьяне, вообще, не имели права требовать прирезки до указного надела; только в многоземельном степном районе крестьяне получали всегда полный указной надел при условии, что у помещика останется еще не менее половины земли. Вообще же для прирезки крестьянам земли существовала норма минимального надела, составлявшего одну треть указного. Если землепользование крестьян было ниже этой нормы, то они имели право требовать прирезки земли с тем, однако, чтобы за помещиками было оставлено не менее трети земли данного имения Однако помещику было предоставлено право договориться с крестьянами с тем, чтобы последние получили лишь четверть указного надела, но зато бесплатно. Такие наделы назывались дарственными. Наконец, дворовые при своем освобождении совершенно надела не получали.

В общем, главная масса крестьянства удержала за собой ту землю, которой она пользовалась в крепостное время. Крестьяне нечерноземной полосы в большинстве потерпели сравнительно небольшие отрезки земли. Однако, если таковые имели место, то они касались особенно ценных для крестьян приусадебных угодий или сенокосов. Помещики расчитывали, что крестьяне вынуждены будут эти отрезки арендовать, и что попутно удастся сдать крестьянам в аренду по выгодной цене и другие угодья. Более значительные отрезки имели место на черноземе, где помещики дорожили землей. Здесь крестьяне потеряли от $^1/_5$—$^1/_4$ своей земли. Дарственные наделы получили широкое распространение в юго-восточных губерниях, где крестьяне еще не привыкли к денежному хозяйству, боялись всяких платежей и надеялись, что землю можно будет всегда дешево арендовать.

Получая землю в постоянное пользование, крестьяне должны были отбывать за них нормированные законом повинности: в оброчных имениях—деньгами, в барщинных—работой, причем по истечении трех лет после реформы крестьяне могли требовать замены барщинных повинностей денежными. Крестьяне становились временно-обязанными, впредь до соглашения их с помещиками о полном выкупе своих наделов. Через 20 лет после реформы, если бы выкуп земли не состоялся, платежи за землю могли быть пересмотрены. Если условия наделения в нечерноземном районе были баагоприятнее, чем в черноземном, то зато в отношении платежей нечерноземные крестьяне были поставлены в невыгодные условия. При исчислении этих пла-

тежей были приняты во внимание размеры оброков, получавшихся от промыслов, и таким образом платежи, в общем, оказались совершенно не соответствующими доходности земли. Чтобы сделать эти платежи по возможности независимыми от размеров наделов, была придумана еще система «градаций», при которой размеры платежей сокращались непропорционально сокращению наделов. В нечерноземной полосе за первую десятину полагалась $^1/_2$ платежа, следуемого за указный надел, за вторую десятину $^1/_4$ платежа. На черноземе градация была выражена не так резко. Таким образом, как раз обделенные землей крестьяне оказывались наиболее отягченными платежами.

Радикальный характер реформы выразился ярче всего в том, что барщинная организация труда была ею оборвана почти одним ударом. Помещики сами поняли, что раз крепостной строй в своей основе разрушен, то невозможно держаться за его осколки. Хотя в рескрипте 1857 г. и предполагалось оставить за помещиками вотчинную полицию, но в конце концов от этой мысли отказались, и административное устройство крестьян построено было на более свободных началах. Мало того, после издания акта 1861 г. помещики очень скоро убедились, что при создавшихся новых условиях подневольный труд уже невозможен. Таким образом, хотя Положение 1861 г. и предоставляло сохранять барщинные повинности в прежних барщинных имениях в течение трех лет, а по желанию крестьян и дольше, сами помещики торопились окончательно ликвидировать крепостную организацию труда.

С большой осторожностью правительство подходило к вопросу об окончательном выкупе крестьянской земли у помещиков. Этот выкуп мог совершиться лишь при содействии казны, а правительство первоначально полагало, что эта финансовая операция является для нее непосильной. Но кроме того дворянство не допускало первоначально и мысли об обязательном выкупе. Оно еще не отказалось от того принципа, что крестьянские наделы принадлежат ему, и что следовательно через 20 лет удастся повысить крестьянские платежи. В связи с этим Положение 1861 г. признало только факультативный выкуп,—он был поставлен в зависимости от воли помещика. Государство выплачивало помещикам $^3/_4$—$^4/_5$ стоимости земли, причем о выплате остальной суммы помещики должны были сами договориться с крестьянами. Если крестьяне не согласны на выкуп земли, то помещики не в праве от них требовать дополнительного платежа. По выкупной ссуде крестьяне обязаны платить государству 6%—в течение 49 лет.

Несмотря на то, что выкуп был поставлен в зависимости от воли помещиков, он получил неожиданно быстрое развитие. Очевидно, помещики почувствовали, что их права на крестьянские наделы являются фиктивными, и что о повышении крестьянских повинностей, при предстоящем в 1881 г. их пересмотре, не может быть речи. В то же время экономическое потрясение, которое испытали помещики, заставляло их искать денежных средств, а правительственная выкупная ссуда могла быть единственным их источником, ибо земельный кредит был в России не организован. По истечении 20 лет после реформы, к моменту преполагаемой переоброчки платежей, $^6/_7$ всех крестьянских наделов уже оказались переведенными на выкуп, и притом в главной массе по требованию самих помещиков.

Так как правительство не оставило за крестьянами никаких сервитутных прав на помещичьи земли, то «великая цепь», связывающая крестьян с помещиками, оказалась окончательно порванной. Формально помещик и крестьянин противостояли друг другу, как люди в своей хозяйственной деятельности независимые.

Наиболее благоприятно сложились условия ликвидации крепостного права для крестьян в 9-и западных губерниях. Польское восстание 1863 г., к которому местное крестьянство отнеслось индифферентно, побудило правительство, для завоевания симпатий крестьян, пересмотреть условия их устройства по Положению 1861 г. Их наделы были увеличены, платежи уменьшены, и кроме того они получили ценные сервитутные права на помещичьи земли. Эти права должны были явиться в некоторой мере яблоком раздора между обоими классами и поддерживать их антогонизм. Самый выкуп крестьянских наделов был объявлен обязательным, чтобы, таким образом, сразу сделать крестьян более независимыми от помещиков. Аналогичные меры были предприняты в 1864 г. для улучшения положения крестьян в Царстве Польском.

Радикальная реформа экономического быта помещичьих крестьян должна была, конечно, отразиться и на судьбах других групп крестьян. Удельные крестьяне пользовались уже личными и имущественными правами с 1851 г., а с 1858 г. они получили все остальные права свободных сельских обывателей. В 1863 г, было урегулировано их хозяйственное положение на тех же принципиальных основаниях, как и помещичьих, с тем, однако, отличием, что выкуп земли был сделан для них с самого начала обязательным. Кроме того, и условия наделения землей, и выкупа ее для удельных крестьян были построены на значительно более выгодных условиях, чем для помещичьих. За

ними была зачислена вся надельная и запасная земля, которой они до того пользовались, причем, если бы за ними оказалось меньше земли, чем полагается по указному наделу, то они получали прирезку из удельных земель. Их оброк зачислялся в выкупной платеж с погашением в 49 лет. В случае, если оброк оказался бы выше оброков, установленных по указному наделу помещичьих крестьян, то он соответственно понижался.

Указом от 18 Января 1866 г. государственные крестьяне были изъяты из «попечительства» Министерства Государственных Имуществ и переданы в ведение общих учреждений. Их хозяйственное устройство началось еще при гр. Киселеве и было в дальнейшем урегулировано Положением 24 Ноября 1866 г. По поводу него предстояло решить несколько щекотливый вопрос,—должны ли государственные крестьяне выкупить ту землю, которой они пользуются? Многие группы государственных крестьян имели все основания считать эту землю собственной. Однако, имея ввиду психологическое воздействие на помещичьих крестьян, правительство считало невозможным признать земли, состоявшие в пользовании государственных крестьян, их собственностью. Земля государственных крестьян, поскольку она уже была отграничена из общего комплекса государственных земель, признана была состоящей в их постоянном пользовании, причем на дополнительное наделение они не могли больше расчитывать. Там, где их земли еще не были отграничены, им полагалось нарезать, в зависимости от населенности уезда, 8 или 15 дес. на душу мужского пола. Оброчные платежи соразмерялись с ценностью земли. Вопрос о выкупе земли не был в достаточной мере разработан, отчасти в связи со спорным характером землевладения государственных крестьян. Во всяком случае государственные крестьяне оказались хорошо наделенными, и их платежи были необременительны.

Если реформа 1861 г., в том виде, как она вошла в жизнь, привела к полному уничтожению юридической зависимости крестьян от помещиков, то все же она их не сделала вполне свободными людьми. Государство продолжало смотреть на крестьянина прежде всего как на платежную единицу; оно прежде всего заботилось об исполнении ими обязательств по отношению к помещикам и казне, и во имя их считало возможным ограничивать права крестьян и нормировать их жизнь. В этом резче всего сказалась незавершенность реформы 1861 г., имевшая роковые последствия в дальнейшем развитии социально-экономической жизни страны.

Для того, чтобы гарантировать исполнение крестьянами их повинностей, правительство признало необходимым утвердить институт круговой поруки, существовавший в быту государственных крестьян. А вместе с тем значительную часть власти помещиков решено было передать миру. Последний не только мог для обеспечения платежей налагать взыскание на движимое и недвижимое имущество недоимщика, отбирать надел, подвергать недоимщика телесному наказанию, он мог отдавать его даже в работу. Мир мог наблюдать за семейными разделами; получение паспорта зависело от мира; наконец, мир мог ссылать в Сибирь, признаваемых им порочными, членов. Отказ от надела и выход из общества были при этом крайне стеснены. Ликвидация крепостного права еще не обозначала ликвидации сословного строя. Крестьянство попрежнему представляло из себя низшее, податное сословие.

Утверждение института круговой поруки и власти мира над его членами предрешило и отношение закона к формам крестьянского землевладения. Вопрос о предпочтительности общинного или личного землевладения возбуждал разногласия. Община имела горячих сторонников и среди консервативных, и среди демократических элементов общества. Однако, многие влиятельнейшие руководители крестьянской реформы, как кн. Черкасский, Самарин и др., признавали, что частые переделы несовместимы с агрикультурным прогрессом. Дворянские губернские комитеты также относились к переделам в большинстве случаев отрицательно, и такие же настроения господствовали и в правительственных кругах. Но из признания круговой поруки уже вытекало утверждение общинного землевладения. Оно и было формально признано даже и по отношению и к таким группам помещичьих крестьян, которые никогда до того переделов не практиковали, да и после 1861 г. к ним не перешли. От введения общинного землевладения пришлось отказаться только в западных губерниях, где у крестьян уже совершенно не было соответствующих традиций.

Что правительственная политика по отношению к формам крестьянского землевладения не имела принципиального характера, а исходила исключительно только из фискальных мотивов,—можно усмотреть из того, что Положение 1861 г. признает тяготеющие над крестьянскими наделами ограничения лишь временными. Пока выкупной долг не выплачен, крестьянин не является полным хозяином своего надела, он не вправе ни продавать, ни закладывать земли. Но, когда выкуп закончен, крестьянин превращается в свободного собственника и получает полную свободу распоряжения своей землей.

Залогом этого свободного будущего являлась статья 165 Положения 1861 г. Она давала крестьянину возможность досрочно выкупить свой надел, и тогда общество обязано выделить крестьянину его землю по возможности к одному месту; этой землей крестьянин распоряжается уже свободно.

Закон 1866 г. в отношении государственных крестьян стоит еще с большей определенностью на основе общинного землевладения. Выдел земли отдельным членам здесь поставлен в зависимость от воли $^2/_3$ членов общины.

Для характеристики аграрной политики эпохи Великих Реформ остается только указать на некоторые второстепенные меры, с помощью которых правительство надеялось обеспечить помещичье хозяйство съемщиками земли и рабочими. Главные меры заключались, конечно, в самых основах реформы—в сделанных отрезках земли и в бремени возложенных на крестьянство платежей. Эти меры обеспечивали господствующий класс в том отношении, что во всяком случае большинство помещичьих крестьян не сумеют прокормиться на наделе и вынуждены будут обратиться к помещикам в поисках земли и работы. Однако, правительство боялось, что может произойти чрезмерный отлив рабочих рук из центра на окраины, который поставит помещиков центральной черноземной полосы в затруднительное положение,—оно боялось исконной подвижности русского крестьянина. При крепостном праве помещики были заинтересованы в надлежащем использовании рабочих сил своих крестьян, в связи с этим они сами заботились об их расселении, если на месте замечалось перенаселение. Теперь благосостояние крестьян менее интересовало помещиков, им прежде всего нужны были съемщики земли и рабочие. Идя навстречу этим стремлениям, правительство заняло совершенно отрицательную позицию по отношению к переселенческому движению.

Для урегулирования отношений найма сельскохо-зяйственных рабочих издан был в 1863 г. особый закон. Он не покушался восстановить в каком-либо отношении вотчинной власти помещика,—между последним и рабочим становился мировой судья, разрешавший их споры. Но все же закон этот трактовал нанимателей и рабочих далеко не как лиц равноправных.

Реформа 1861 г. вполне заслуживает названия великой,—она действительно явилась поворотным моментом в социально-экономической жизни России.

Опасения помещиков хозяев, что реформа потрясет их сельскохозяйственное производство, несмотря на многие включенные в ре-

форму коррективы, имевшие целью защитить интересы крупного производства, оправдались. Чтобы сделать прежнее барщинное хозяйство в известной мере самодавлеющим, независимым от крестьянского хозяйства, необходимо было прежде всего его оборудовать собственным живым и мертвым инвентарем. А затем надо было повысить и его технический уровень, ибо только в этом случае крупное хозяйство могло успешно конкуррировать в погоне за рабочими руками с крестьянским хозяйством. Но для выполнения этой трудной задачи в центральной России не имелось ни объективных, ни субъективных предпосылок. Расслабленное крепостным правом, погруженное в хозяйственную рутину, дворянство центральной России совсем не являлось классом, призванным к активному экономическому строительству. Кроме того оно не располагало для этого и достаточными средствами. Половина выкупных платежей пошла на погашение лежавших на имениях долгов, т. е. была прожита еще до реформы. Остальная часть была непроизводительно прожита в переходный момент. Земельных банков, из которых можно было бы почерпать средства для дальнейшего финансирования хозяйства, к моменту ликвидации крепостного права не было.

Если, таким образом, помещичье хозяйство не могло быть надлежащим образом оборудовано применительно к новым условиям, то реформа не могла его обеспечить и достаточной резервной армией труда. Численность освобожденных без земли дворовых была не велика, да дворовые совсем не тяготели к сельско-хозяйственному труду. Наиболее малоземельный элемент крестьянства—дарственники встречались в сколько-нибудь значительном числе лишь в юго-восточных губерниях. В общем, помещик имел рядом с собой население, которое владело наделами, не всегда достаточными для того, чтобы на них прокормиться, но всегда достаточными для того, чтобы обосновать на них собственное хозяйство. Чтобы побудить крестьянина работать в чужом хозяйстве, надо было работника надлежащим образом вознаградить, но помещичье хозяйство не могло предложить сколько-нибудь сносной заработной платы.

Роковое значение имел для крупного хозяйства резкий характер происшедшего перелома. Дворянство слишком долго оттягивало реформу, и именно поэтому ее не удалось разложить на ряд последовательных актов, как это было сделано, например, в Пруссии, с большой выгодой для тамошнего крупного хозяйства. Той перестройки хозяйства, которую прусские юнкера выполнили в течение первой половины XIX-го столетия, когда там тянулась осво-

бодительная реформа, русские помещики не смогли выполнить единовременно.

Внимание русских хозяев после ликвидации крепостного права направилось не на реорганизацию хозяйства, а на то, чтобы сохранить старую организацию труда при новых юридических условиях. «Между помещиками и соседними крестьянами», говорит Энгельгардт в своих знаменитых «Письмах из деревни», «идет постоянная борьба, главным образом, на почве необходимости для помещика мужицкой работы. Помещик хочет забрать мужика, надеть на него хомут, ввести в оглобли, а мужик не дается, выбивается... Все помышления помещика: сдать мужику в обработку землю за выгон, за отрезы, за деньги. Все помышления мужика—как обойтись без этого. Мужик, имеющий свое хозяйство, вовсе не хочет работать в чужом хозяйстве, и там, где мужик отбился, крестьянин поправляется, а где его обратал помещик, там царит бедность и пьянство». Эта борьба была для северного помещика в большинстве случаев безуспешной. Крестьянин там или работал в собственном хозяйстве, или если искал посторонних заработков, то промысловые заработки были для него выгоднее, чем сельско-хозяйственные. Распад северного барщинного хозяйства в первые десятилетия после ликвидации крепостного права шел так быстро, что крестьянское хозяйство не успевало использовать его наследства. Прежние помещичьи пашни превращались в зараставшие лесом пустоши и облоги, так как у крестьянства нехватало сил, чтобы их арендовать, обработать и удобрить.

Несколько иные были результаты указанной борьбы в черноземном центре. И здесь, все расширявшаяся накануне ликвидации крепостного права, помещичья запашка быстро пошла на убыль. Но все же распад помещичьего хозяйства не был здесь столь значительным, как на севере. При большей густоте крестьянского населения, при незначительности его наделов, спрос на землю оказался здесь настолько значительным, что помещик мог закабалить крестьянина и, благодаря этому, сохранить часть своей запашки. Крестьяне часто соглашались обработать помещичью пашню за аренду той самой земли, которая у них была отрезана при реформе, и тогда под новой оболочкой целиком сохранялась вся крепостная организация производства.

Благоприятнее шло развитие крупного хозяйства на окраинах. Что касается западного края, то, как уже было указано, крупное хозяйство здесь было уже вполне педготовлено к ликвидации крепостных отношений. В степном же хозяйстве уже раньше широко

применялся наемный труд. С проведением железных дорог цены на зерно здесь чрезвычайно повысились, здесь стали быстро распространяться улучшенные орудия, и местные хозяева могли, таким образом, оплатить труд приливавших к ним в изобилии из северных районов черноземной полосы рабочих рук.

Если в центральных районах России ликвидация крепостного права привела к упадку крупного хозяйства, то это еще не значит, что ее следствием было сокращение чисто рентных доходов. Этого не случилось даже в нечерноземной полосе. «Все те владельческие земли», говорит кн. А. Васильчиков [1]), «которые не были окончательно разорены до 1861 г. повысились с того времени в цене, и... на поросшие луга, навозные пашни открылся такой запрос, какого прежде не было, и какого не ожидали дворяне землевладельцы». Кроме того северные помещики извлекли большие доходы из эксплоатации лесов, доходность коих до проведения железных дорог была минимальна. Если благополучно обстояло с рентными доходами северных помещиков, то, конечно, помещики в черноземном районе оказались еще в более счастливых условиях для извлечения рентных доходов. Вот почему тот же автор, после некоторых оговорок, в конце-концов приходит к благоприятному выводу о значении реформы для дворянства. «Поместное сословие» [2]), говорит он, «которое при освобождении крестьян понесло значительные убытки и должно было, по мнению многих мнительных дворян-помещиков, погибнуть среди общего хозяйственного расстройства, *в действительности потерпело менее, чем прочие сельские сословия*... Постоянное *возвышение цен* как арендных, так и продажных, на все удобные земли, во всех краях России, *составляет, по нашему мнению, полнейшее доказательство того, что доходность землевладения возрастает, и что жалобы на упадок сельского хозяйства не имеют основания*».

При оценке этого вывода надо, однако, иметь в виду, что помещики выиграли в результате реформы в качестве получателей ренты. Общий подъем экономической жизни страны имел неизбежным следствием вздорожание земли. Но в качестве хозяев помещики центральной России проиграли. Эти прибыли и потери имели различное значение для различных слоев дворянства. Для крупных землевладельцев чисто рентная форма дохода имеет первенствующее зна-

[1]) Кн. А. Васильчиков. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. 1876 г. Т. I, стр. 509.

[2]) Там же, стр. 546—547.

чение, и они могли быть удовлетворены результатами реформы. Но для сидевших на земле средних и мелких помещиков, которые раньше самолично вели барщинное хозяйство, превращение из хозяев в рантьеров далеко не всегда было выгодным; их опасения за результаты реформы, таким образом, оказались обоснованными.

Не менее крупный перелом реформа 1861 г. вызвала в крестьянском хозяйстве. До реформы крестьянское земледельческое хозяйство имело по преимуществу продовольственный характер и находилось в слабом контакте с рынком. Реформа наложила на крестьянина большие тяготы. Он оказался обремененным платежами, его надел во многих случаях испытал урезку, и была порвана связь его хозяйства с хозяйством помещика: крестьянин уже не мог пасти скота на помещичьих полях, получать материал из помещичьего леса, пользоваться помощью помещика при неурожае и т. п.

„Порвалась цепь великая,
„Порвалась и ударила,
„Одним концом по барину.
„Другим по мужику".

Теперь надо было за все платить, и надо было во что бы то ни стало добывать деньги.

Но зато реформа дала крестьянину неоценимое благо—возможность относительно свободно располагать своей рабочей силой.

Вопрос состоял в том, откуда крестьянин добудет требуемые с него государством и помещиком деньги. И вот здесь решающим моментом явилось то обстоятельство, что русское крестьянство осталось при земле. Как бы скромно ни было хозяйство крестьянина, это было его хозяйство. Не в случайной продаже своей рабочей силы соседнему барину крестьянин мог видеть обеспечение своего будущего, а в развитии своего собственного хозяйство. И вот мы видим, что вся энергия русского крестьянства направляется на развитие собственного хозяйства путем усиленной распашки собственного надела и дополнительной к нему аренды помещичьих и всяких других земель. Если у крестьянина нет особенно выгодных промыслов, к числу которых никогда не относится работа у соседнего помещика, он стремится добыть деньги в собственном хозяйстве. Крестьянское хозяйство повсюду расширяется, притом в центральной России за счет помещичьего, и хозяйство это становится рыночным.

Государственные крестьяне, а также и удельные, не испытали столь резкого перелома в условиях своей жизни, как помещичьи

крестьяне. В связи с этим их приобщение к меновому хозяйству в большей мере диктовалось их собственными выгодами. Но все же и их вольному пользованию казенной землей, а на севере казенными лесами, был положен предел. Их прирост уже не мог расчитывать на прирезку земли или на переселение за счет казны. Умаление земельного простора делало и для них ведение натурального хозяйства все менее возможным.

Выполнение задачи перестройки хозяйства на меновой основе стало возможным для крестьянина благодаря тому, что проведение реформы, конечно не случайно, совпало с созданием русской железнодорожной сети. Паровой транспорт радикальным образом изменил постановку торговли сельско-хозяйственными продуктами,—она демократизовалась. Если раньше необходимо было вести хлеб за сотни верст в крупные торговые центры, то теперь скупщики появились на месте, хлеб можно было везти на любую железнодорожную станцию, армии комиссионеров наводнили и грады, и веси страны. Рынок был перед крестьянином открыт.

Совершившийся экономический переворот был чреват важными социальными и политическими последствиями. До реформы русское помещичье хозяйство являлось важнейшим устоем русского народного хозяйства. Это оно кормило города, армию, промысловое население севера, это оно работало на экспорт, регулируя торговый баланс страны. Дворянство состояло не только из получателей ренты; в аграрной стране оно исполняло важнейшую хозяйственно-организаторскую функцию, и в этом была важнейшая основа его политического преобладания.

Реформа повысила доходы дворянства, но чрезвычайно умалила его значение в качестве организатора сельско-хозяйственного производства. Его политическое преобладание становится в противоречие с его хозяйственной бесплодностью. Зато крестьянское хозяйство становится основой всей экономической жизни. Оно перенимает прежние функции помещичьего хозяйства, причем общий объем русского менового хозяйства начинает стремительно расти. Крестьянское хозяйство выступает на первый план, как поставщик сельско-хозяйственных продуктов, и на внутреннем, и на внешнем рынке, и от его состояния зависят и судьбы промышленности, которая для своего развития нуждается в обширном внутреннем рынке, а этот рынок может образовать только зажиточное крестьянство. Предстояло, таким образом, завершить начатую перестройку дворянской, крепостнической России на демократической основе. На этом пути встретились

громадные трудности, дорога шла не по торному пути, она шла peraspera.

Задача, поставленная крестьянскому хозяйству, была в данных условиях для него слишком тяжела, и скоро стало замечаться его общее недомогание. Северное крестьянское хозяйство было подавлено непомерными платежами, а на юге стали намечаться первые признаки общего аграрного кризиса, причины которого в русской экономической литературе были сведены к так наз. «малоземелью».

Одновременно с этим, к концу царствования Александра II среди интеллигенции возникло революционное движение, искавшее себе опоры в крестьянских массах. Начавшись в сравнительно мирных формах «хождения в народ», оно, под влиянием правительственных гонений, приняло террористический характер и завершилось актом I Марта 1881 г.

2. Эпоха реакции.

Революционная агитация интеллигенции не нашла отклика в массах крестьянства. Воспоминание об освобождении от крепостнического ига было среди него еще совсем свежо, и оно и в дальнейшем продолжало возлагать все свои упования на царскую власть. Крестьянство совершенно не могло себе представить, чтобы царь Александр II-й был убит в борьбе за народные интересы, оно скорее готово было приписать убийство царя мести дворянства за его освобождение. Правительство это поняло и после недолгих колебаний решилось остаться на почве автократии и укрепить реакционный курс.

Но все-же социальный момент революционной агитации находил некоторый отклик в крестьянстве. Помещичьи крестьяне были неудовлетворены размерами полученных наделов, особенно несправедливыми представлялись сделанные у них отрезки; они тяготились кроме того бременем возложенных на них выкупных платежей. В народе ширились темные слухи о предстоящей новой прирезке земли, и уже в 1877 г. Министр Внутренних Дел вынужден был разослать циркуляр, предлагавший властям разъяснить крестьянам необоснованность всякого рода слухов «о предстоящем будто-бы общем переделе земли».

Правительство нового царя, в своем стремлении укрепить существующей политический и социально-экономический строй, вынуждено было с означенным настроением крестьянских масс считаться. Оно нашло необходимым некоторыми частичными реформами в интересах крестьянства упрочить свою социальную базу. Таким образом, в начале 80-х годов правительство приводит ряд аграрных реформ, имею-

щих целью облегчить положение крестьянства, исправить кое-какие дефекты реформы 1861 г., сохранив и укрепив ее принципы. Проводя эти льготы, правительство в то же время самым определенным образом подчеркивает, что крестьянство не должно расчитывать на какие-либо новые коренные изменения в аграрном строе,—на новое наделение землей. Таковы общие идеи, которыми освещена аграрная политика начала 80-х годов.

К циклу указанных мер относится прежде всего состоявшееся в 1881 г. понижение выкупных платежей. Вопрос о несоответствии выкупных платежей средствам населения выдвинут был еще в начале 70-х годов фактом усиленного накопления недоимок по многим губерниям. Для исследования этого вопроса уже с начала 70-х годов организовались Комиссии в центре и в наиболее недоимочных губерниях. Эти комиссии собрали достаточный материал, свидетельствовавший о том, что во многих местностях выкупные платежи разоряют крестьянское хозяйство. В особенности это было установлено по отношению к многим промысловым нечерноземным районам, где в скрытой форме крестьяне вынуждены были в цене земли выкупать свои высокие оброки. Здесь замечалось усиленное стремление крестьян избавиться от надела—разорителя, уйти куда-нибудь на сторону. В 1877 г. вышло исследование Ю. Янсона, дававшее очень мрачную картину переобременения крестьян платежами. Положение представлялось тем более ненормальным, что помещичьи крестьяне часто жили бок о бок с государственными крестьянами, располагавшими гораздо большими наделами и не обремененными платежами. Однако, правительство не торопилось сделать надлежащие выводы из трудов своих комиссий. И только теперь, когда в связи с тревожным политическим положением, необходимо было какими-либо милостями закрепить за новым царем симпатии крестьянства, правительство, наконец, решилось на сокращение выкупных платежей. Это было тем более возможно, что выкупная операция была так рассчитана, чтобы давать значительные прибыли казне.

Понижение было общим для всех помещичьих крестьян, причем оно предусматривалось и для тех крестьян, которых еще предстояло перевести на выкуп, и специальным для тех селений помещичьих крестьян, хозяйство которых пришло в упадок. Понижение это было довольно значительно, достигнув по 39 губерниям без малого 11 милл., или 27% годового оклада. Оно сильнее всего коснулось нечерноземных губерний, где по 10 губерниям оклад был понижен на 30—45%, а по Олонецкой, губ. даже на 92%.

После понижения выкупных платежей правительство в 1883—5 г. решилось пойти и на другой акт финансовой политики большой принципиальной важности,—оно отменило подушную подать, которая когда то составляла основу русской финансовой системы. Представляя из себя весьма примитивную форму обложения, она большой тяжестью ложилась на низшие сословия, крестьянство и мещанство, отделяя их, как податные, от привилегированных. Эта реформа знаменовала собой совершающийся переход к новой системе—косвенного обложения населения. Когда, однако, в связи с отменой подушной подати, Министр Финансов Бунге предложил сделать еще один шаг к завершению раскрепощения крестьянства,—к отмене круговой поруки, то он уже не встретил сочувствия, и его предложение было Государственным Советом отвергнуто.

Податные реформы имели существенное значение преимущественно для крестьянства нечерноземной полосы. Эти реформы, в связи с общим экономическим прогрессом страны, выражавшимся в улучшении условий сбыта, уничтожили здесь прежнее несоответствие между доходностью надельной земли помещичьих крестьян и их обложением. Крестьяне нечерноземной полосы начинают больше дорожить своим хозяйством и в моменты промышленных кризисов в 80-ые годы возвращаются к земле.

Одновременно с этим правительство стремится скорее завершить земельное устройство крестьян, чтобы установлением прочного земельного правопорядка уничтожить всякую мысль о дополнительной прирезке земли. В этом отношении правительству с начала нового царствования предстояло решить один принципиальной важности вопрос.

Реформа 1861 г. была построена на том, что крестьянам земля не принадлежит,—что она принадлежит дворянам. Последние не легко помирились с тем, что часть земли пришлось отдать крестьянам в бессрочное пользование, но во всяком случае за дворянами осталось право решения вопроса, желают ли они своих бывших крепостных перевести на выкуп, или предпочитают оставить во временно-обязанных отношениях. Однако, в результате экономических условий, сложившихся после Реформы, само-дворянство стремилось путем выкупа ликвидировать обязательные отношения крестьян. Осталась небольшая часть крестьян, преимущественно в нечерноземной полосе, которая своих обязательных отношений еще не ликвидировала, и по истечении 20 лет после Реформы дворяне имели формальное право требовать переоброчки платежей, и даже с их повышением. Поскольку

дворяне имели дело с платежеспособными крестьянами, особенно в промысловых районах, они могли питать иллюзию, что переоброчка даст им возможность повысить крестьянские повинности. Во всяком случае выкуп земли, при котором правительство им выплачивало только 80% капитализированной ценности оброчных платежей, был для многих дворян мало привлекателен.

Однако, такие настроения отдельных дворян стояли в полном противоречии с намерениями правительства, которого задачей было точно разграничить права обоих сословий, окончательно разорвав между ними всякие принудительные связи. Таким образом, вопреки первоначальной идее Реформы 1861 г., что выкуп крестьянских наделов зависит от воли дворянства, в 1881 г. выкуп надельной земли был признан обязательным. В порядке милостей, связанных с коронацией, дворянам удалось в 1883 г. получить кое-какие денежные компенсации за потерю 20% капитализированного оброка.

После окончательного перевода на выкуп помещичьих крестьян, предстояло еще устранить элементы неопределенноети в землевладении государственных крестьян. Согласно общим принципам правительственной политики, земля могла быть представлена им в окончательной форме только путем выкупа, между тем как у некоторых групп государственных крестьян было много оснований считать землю, которой они пользовались, собственной. Однако, ликвидация подушной подати дала возможность правительству в 1886 г. незаметно совершить перевод государственных крестьян на выкуп, ибо та прибавка к собранным платежам, которая вызывалась их увеличением, в связи с переводом на выкуп, компенсировалась облегчением платежей в связи с отменой подушной подати. Вместе с тем в другой форме и казна получила частичное возмещение за отмену подушной подати.

Отвергая решительно идею о дополнительном наделении, правительство все же не могло не видеть, что известная часть крестьянства нуждается в увеличении размеров своего землепользования, и оно решилось сделать кое-какие шаги навстречу этой потребности. Реальное значение из мероприятий этого порядка имело создание в 1882 г. специальнного института для содействия крестьянам в приобретении земли,—Крестьянского Банка.

Мера эта была одинаково в интересах и дворянства и крестьян. По истечении 20 лет после Великой Реформы, с полной определенностью выяснилось, что дворянство не в состоянии удержать за собой всей той площади которую оно оставило за собой при наделе крестьян. Дворянские земли по сравнительно дешевым ценам перехо-

дили к представителям денежного капитала из других сословий. При таких условиях появление на земельном рынке в качестве покупателя массы крестьянства было для крупного землевладения весьма выгодно. Новые покупатели могли вызвать повышение земельных цен, и эта надежда вскоре оправдалась.

Однако, опасаясь постоянно того, чтобы в крестьянстве не возродились надежды на дополнительное наделение, а также не имея достаточно опыта в области земельного кредита для крестьян, правительство действовало с чрезмерной осторожностью, которая имела роковое значение для развития операций Банка в первый период его деятельности. Банк совершено не должен был играть какой-либо активной роли в сделке по купле-продаже земли, в которую вступают крестьяне и землевладелец. Как правило, Банк не производил специальной оценки приобретаемой земли, а исходил из цен, признаных нормальными для каждого района, и в связи с этим крестьяне вынуждены были вносить большие доплаты. Банк выплачивал свою ссуду продавцам земли наличными, выпуская $5^1/_2$%-ые государственные свидетельства Крестьянского Поземельного Банка. На расходы и возможные убытки Банк взимал с заемщиков 1%, так что кредит его обходился крестьянам в $6^1/_2$%, т. е. дороже, чем обходился кредит в любом акционерном земельном банке. Выплачивать ссуду приходилось в сравнительно короткий срок ($24^1/_2$ или $34^1/_2$ года), так что платежи достигали $7^1/_2$ или $8^1/_2$% капитальной суммы долга.

С благополучной для самодержавия ликвидацией политического движения, интерес правительства к экономическому положению крестьянства слабеет. Правительство устремляет свое внимание на поддержание дворянства и дворянского землевладения, как опоры власти, и на укрепление основ исконного сословно-тяглового строя России. Для достижения первой цели в 1885 г. создается Государственный Дворянский Банк, который должен был на особо льготных условиях оказывать дворянам земельный кредит. Этот Банк взимал 5% годовых и $^1/_4$% на расходы т. е. всего $5^1/_4$%. По тогдашнему времени это был дешевый кредит, существенно более дешевый, чем оказываемый акционерными банками. Так как Банк был при этом весьма снисходителен к своими недоимщикам, те дворяне спешили переводить свои имения, заложенные в акционерных банках, в Дворянский Банк. В 1889 г. Банку в целях облегчения его заемщиков представляется совершенно исключительная льгота,—право выпуска выигрышного займа, который продавался по 215 р. за 100 р. нарицательной цены. Благодаря этой операции, Банк увеличил свой капитал на 90 милл.

рублей и мог еще на $^1/_2$% уменьшить взимаемый с заемщиков процент. Конечно, неизбежный процесс ликвидации дворянством значительной части его землевладения не мог быть приостановлен деятельностью Банка, но во всяком случае Банк задержал этот процесс и сделал условия ликвидации гораздо более выгодными для дворянства.

Поскольку крупное хозяйство в России развивалось, оно все еще продолжало рассчитывать на минимальные траты на заработную плату. Постоянных рабочих в крупных хозяйствах держали в самом ограниченном количестве. Преобладал краткосрочный наем. На северном черноземе, где малоземельное крестьянство представляло обширный резервуар рабочей силы, помещики все еще стремились закабалить себе рабочего, путем сдачи земли за отработки, или выдачей задатков в зимнее время. В степях преобладал наем пришлых рабочих. В условиях кабальной наемки рабочие плохо исполняли, взятые на себя, обязательства. В степях пришлые рабочие, мало связанные с хозяйством, также не всегда были надежны. Отсюда постоянные жалобы со стороны нанимателей на недобросовестность и распущенность рабочих. Считаясь с этими жалобами, правительство издает в 1886 г. новый закон о найме на сельско-хозяйственные работы. Если уже соответствующий закон 1863 г. ставил нанимателя и нанимающегося далеко не в равноправное положение, то закон 1886 г. еще резче подчеркивает это неравноправие и введением рабочих книжек стремится в известной мере закрепить нанимающегося за нанимателем. Вводится даже уголовная ответственность нанимающихся за нарушение договоров или неисправное их исполнение. Однако, все эти репрессии по существу оказывались бесплодными. Время выгодности принудительного труда при данном соотношении социальных сил уже безвозвратно миновало, и сами хозяева не решались удерживать у себя рабочего, не желающего у них работать.

Но правительство Александра III все еще твердо верило в благодетельное влияние сильной власти. В связи с этим в 1889 г. создается институт земских начальников со смешанными адинистративными и судебными функциями и с большой дискреционной властью над крестьянами, с целью хотя бы частично вернуть крестьян под опеку дворянства. Земским начальникам вверяется надзор за органами крестьянского самоуправления.

В целях поддержания внутренней дисциплины и тягловой организации крестьянства, правительство стремится укрепить крестьянскую семью под патриархальной властью старшего домохозяина и общину под надзором земского начальника. В 1886 г. был издан закон о

семейных разделах, который чрезвычайно затруднял юридическое оформление таковых. Позже осуществление разделов было поставлено под контроль земских начальников. Закон 1886 г. оказался в слишком резком противоречии с возраставшими среди крестьянства, в связи с успехами менового хозяйства, индивидуалистическими течениями и не был в состоянии остановить разделов. В то же время правительство стало разрабатывать вопрос о дальнейшем укреплении общинного землевладения.

Между тем как правительство, подавив освободительное движение, шло по пути реакции, на горизонте социально-экономической жизни России скоплялись грозные тучи. На обширных пространствах черноземной полосы, где сосредоточивались главные массы русского земледельческого населения, назревал глубокий экономический кризис крестьянского хозяйства. Явления, намечавшиеся здесь, было гораздо более опасными, чем симптомы упадка в конце 70-х годов. Тогда затруднения испытывали, главным образом, помещичьи крестьяне нечерноземной полосы; в виду полного несоответствия их платежей доходности земли, они массами забрасывали хозяйство. Но у северного крестьянства был исход, оно находило заработки в различных кустарных и лесных промыслах и в промышленном отходе на сторону. Достаточно было смягчить тяжесть платежей путем реорганизации финансовой системы, и кризис крестьянского хозяйства в нечерноземной полосе смягчился. Само крестьянское хозяйство нечерноземной полосы хотя и медленно, но все-же шло вперед. Оно извлекало значительные денежные доходы из льноводства.

Совершенно иначе складывались условия в черноземной полосе. Не в легко устранимых дефектах обложения лежали здесь корни кризиса,—они лежали глубже.

Крестьяне причиной своего неудовлетворительного экономического положения считали недостаточность наделов. Подчиняясь этим настроениям народных масс, и русская интеллигенция, в лице господствовавших народнических течений, усматривала причину аграрного кризиса в недостаточности наделов, в «малоземелье». Это «малоземелье» признавалась необходимым устранить дополнительным наделением крестьян.

Однако, ближайший анализ понятия «малоземелья» приводит к убеждению, что оно бедно содержанием, и как способ объяснения такого сложного явления, как аграрный кризис, является несостоятельным.

Прежде всего земельные наделы, по их размерам и естественным свойствам равноценные, могут давать совершенно различный

доход, во-первых, вследствие различия рыночных условий и, во вторых, вследствие различных способов их использования. Рыночные условия определяются степенью налаженности связей с хотя бы отдельными потребительными центрами, т. е. развитием железнодорожной сети и торговой организации, или наличностью на месте состоятельного промыслового населения. И то, и другое определяется уровнем общего развития народного хозяйства. Наделы, которые при данном уровне развития народного хозяйства не могут прокормить населения, были бы достаточны при более высоком развитии народного хозяйства. Что касается способов использования наделов, то они зависят от форм землевладения и землепользования (община или частная собственность, чересполосица или сверстанные участки), от организации кредита, от общего уровня культуры населения. Русское крестьянство, благодаря историческим условиям, благодаря исключительно широким колонизационным возможностям, ему представлявшимся, не склонно своевременно переходить к более интенсивным системам хозяйства. А. А. Кауфман, вникая в происхождение русского аграрного кризиса, пришел к выводу, что его причиной является в значительном большинстве случаев «относительное малоземелье», под которым он разумел плохое использование наличного земельного фонда, и сравнительно редко «абсолютное малоземелье», под которым он разумел объективную невозможность прокормиться от данного надела.

Таким образом, значение надельного фонда определяется не только его размерами и естественными свойствами, а зависит от сложного комплекса экономических, социальных и культурных условий.

Однако, аграрный кризис нельзя вообще объяснять считаясь только с доходностью надельной земли, ибо благосостояние крестьянства может в сильнейшей мере зависеть от доходов, которые ему представляется возможность извлечь из окружающих вненадельных земель, а размеры фонда вненадельных земель по отношению к фонду надельной земли могут быть весьма различны, — они определяются густотой сельского населения. Вненадельные земли могут служить для крестьянства арендным фондом, и тогда важное значение имеют формы аренды (аренда натуральная и денежная, годичная или многолетняя) и соотношение между арендными платежами и доходностью. Если эти последние моменты складываются благоприятно, как это обычно бывает при редком населении, то крестьяне при самом скудном наделе могут не испытывать больших затруднений. Так, судя по земским исследованиям начала 80-х годов, экономическое положение

дарственников во многих районах восточной России было не хуже положения помещичьих крестьян на полном наделе, и даже государственных крестьян. Их выручала—дешевая аренда, на которую они и расчитывали, соглашаясь принять свои «нищенские наделы». Наоборот, если население значительно сгустилось, а его хозяйство находится в застое, то устанавливается несоответствие между земельными нуждами населения и предложением земли, и это дает возможность землевладельцам поднять арендные платежи выше ее доходности в крестьянском хозяйстве. Это и имело место, например, в центральной черноземной полосе.

Но на вненадельных землях может быть организовано и крупное хозяйство, и тогда оно имеет значение для крестьянства, как источник заработной платы, при этом это значение его может быть различно в зависимости от уровня интенсивности хозяйства и некоторых особенностей его техники. Какое большое значение может иметь крупное интенсивное хозяйство для соседнего крестьянства, можно судить по примеру Юго-Западного края. Даже учитывая благоприятные климатические условия Юго-Западного края, необходимо признать тамошнее крестьянство наименее обеспеченным землей, и тем не менее аграрный кризис коснулся его в гораздо меньшей степени, чем лучше наделенное крестьянство районов, лежащих на восток от Днепра.

Крестьяне могут извлекать доходы из сельского хозяйства, не только работая на соседних полях, но и работая в хозяйстве и более отдаленного района. Так, для крестьянства северного чернозема очень серьезное значение имел спрос на его труд со стороны хозяйства степной полосы.

Но крестьянин не обязательно должен быть только сельским хозяином. Даже в Западной Европе, где отделение сельского хозяйства от промышленности зашло дальше, чем в России, совмещение сельско-хозяйственных профессий с другими профессиями является обычным, тем более обычным оно является в России,—в стране экономически отсталой. В России крестьянская семья сплошь и рядом дополняет свои земледельческие заработки заработками промысловыми или на месте в, так называемой, кустарной промышленности, в лесных промыслах, или в отход. Крестьянство северной полосы несомненно получило менее удовлетворительные наделы, и было более обременено платежами, чем крестьянство черноземной полосы, но вследствие более широкого распространения в его среде промысловых занятий, оно было менее затронуто аграрным кризисом.

Необходимо при этом дополнительно заметить, что извлечение доходов вне собственного сельского хозяйства часто сопровождается упадком последнего, но нередко гармонично сочетается с его прогрессом, если оно не отрывает окончательно главных рабочих сил от сельского хозяйства.

Наконец «малоземелье» является неправильным способом объяснения аграрного кризиса и потому, что оно не входит в рассмотрение вопроса о тех причинах, которые определяют изменение в численности сельского населения. Оно признает эту численность данной. А между тем изменение в численности сельского населения является результатом действия двух слагающих: так называемого естественного изменения численности населения и его миграции. И так называемое, естественное увеличение населения не есть результат действия одних только естественных сил; оно зависит от всего комплекса социально-экономических и культурных условий. От них зависит высота брачности, рождаемости и смертности. Что же касается миграции сельского населения, то она в сильнейшей степени зависит от темпа промышленного развития страны, ибо разростающаяся промышленность обычно черпает свои рабочие силы из деревни.

Итак, объяснение неудовлетворительного экономического положения крестьянства «малоземельем» следует признать несостоятельным. Размеры надела с учетом данных естественных условий еще не предопределяют размеров извлекаемого из земли дохода; крестьянское хозяйство может расширяться на тех или других условиях за счет вненадельных земель; доход от собственного хозяйства может дополняться доходами, извлекаемыми вне собственного хозяйства, а самые размеры наделов меняются в зависимости от изменений численности сельского населения.

Предпосылкой всей теории «малоземелья» является натурально-хозяйственная концепция народного хозяйства. Согласно этой концепции, каждый должен кормиться из собственного сельского хозяйства, и притом добывая нужные ему продукты в натуре. Что русское крестьянское хозяйство медленно вовлекалось в обмен, — это верно. Но такое положение нельзя было признавать нормальным для настоящего, и нельзя было стремиться к его укреплению в будущем.

Термин «малоземелье» в западно-европейской научной литературе, чуждой идеализации натурального хозяйства, неизвестен; там существует другой термин аграрное «перенаселение», говорящий о несоответствии между численностью населения и источниками его существования. Термин этот охватывает кризис в целом, рассматри-

вает его, как явление, связанное со всем состоянием народного хозяйства, и не сводит его, как термин «малоземелье», к размерам наделов сельского населения.

Из предыдущего ясно, что кризис аграрного перенаселения и в России можно понять лишь в связи со всем социально-экономическим укладом страны, вообще, и черноземной полосы, где он ярко обозначился, в частности. И задача должна состоять в выделении наиболее существенных моментов этого уклада, вызвавших кризис.

Ликвидация крепостного права повсюду носила характер компромисса между интересами дворянства и крестьянства. В отношении распределения сельско-хозяйственной территории, она прошла для русского крестьянства более благоприятно, чем, например, для крестьянства стран средней Европы, Пруссии, Австрии, Венгрии, а также Царства Польского и Прибалтийского края. Не говоря уже о государственных крестьянах, которым государство представило почти всю территорию сельско-хозяйственных угодий, которой оно располагало в Европейской России, удельные крестьяне и крестьяне Северо.Западного края не потерпели ущерба в своем землепользовании. Потеряли известную часть своей земли помещичьи крестьяне, в особенности, на черноземе, и очень мало земли получили дарственники, но последние составляли только 6% общего количества крепостных душ. Во всяком случае в центральном черноземе и на среднем Поволжье, в главных очагах земельного кризиса, большая часть сельско-хозяйственой площади оказалась в руках крестьян, и следовательно, дальнейшее увеличение их сельско-хозяйственной площади можно было бы достичь лишь в ограниченной степени, даже при очень сильном уменьшении земельного фонда дворянства, и следовательно и его социального веса, с чем оно в 1861 г. не помирилось. Дворянство стремилось вознаградить себя не столько отрезкой земли, сколько наложением на крестьянство платежей.

При худших условиях наделения крестьян в Средней Европе, там аграрный кризис, аналогичный русскому, не наступил, главным образом, вследствие успешного развития промышленности, отвлекавшей население от земли, и вследствие возрастания интенсивности сельского хозяйства. Кризис был более или менее ликвидирован и в нечерноземной полосе России после уменьшения бремени платежей, а также в связи с развитием здесь промысловых занятий у крестьянства, и повысившейся, преимущественно благодаря росту льноводства, денежной доходностью его сельского хозяйства. Но русская промышленность не развивалась настолько успешно, чтобы привлечь к себе

избытки населения черноземной полосы. И вот мы видим, что здесь вовлекаются в кризис не только дарственники, не только вся масса помещичьих крестьян, но и значительная часть государственных, наделенных когда-то вполне удовлетворительно и не обремененных платежами. Уже это показывает, что условия наделения, совсем не являются решающим моментом в возникновении русского аграрного кризиса, как обычно утверждается в русской литературе.

Кроме указанной выше причины,—отсутствия достаточного отлива рабочих сил населения к промышленности,—для объяснения интенсивности кризиса необходимо принять во внимание условия размножения населения в русской деревне, вообще, и в черноземной, в особенности.

Уже накануне ликвидации крепостного права густота населения в центральной черноземной полосе была настолько значительна, что здесь уже господствовало трехполье, и стремления помещиков расширить их запашку сталкивались с затруднениями, возникавшими из-за недостаточности крестьянских наделов. Этим объясняется то, что, несмотря на сильное стремление помещиков урезать крестьянские наделы, им все-таки пришлось в 1861 г. уступить крестьянам большую часть культурной площади, и район этот характеризуется преобладанием надельного землевладения. Но кризис аграрного перенаселения при крепостном праве не мог наступить, ибо размножение крепостного населения регулировалось самими помещиками, и его численность за несколько десятилетий до реформы даже убывала. Увеличивалась быстро только численность государственных крестьян, более многоземельных и, вообще, живших в более благоприятных условиях. По скольку же и у них наделы дробились, само правительство заботилось об их переселении.

После реформы всякие внешние силы, регулирующие размножение населения, отпали. Психологическое влияние полученной воли было благоприятно размножению населения. Но, в особенности на черноземе, население не получало никаких директив для регулирования своего размножения. Хозяйство на черноземе, не связанное с расчисткой лесов и с удобрением полей, требует гораздо меньше затрат труда, чем на Севере. Здесь нет сил, сдерживающих распашку в определенных границах. В таких условиях крестьянству необходимо определенное сознание ограниченности своих пищевых рессурсов, как для того, чтобы сдерживать свое размножение, так и для того, чтобы стимулировать его энергию в труде. Между тем, еще в крепостническую эпоху государство и дворянство невыносимою тяжестью своего

тягла подавили всякую личную инициативу в крестьянстве, нивеллировали его и создали те условия, при которых в его среде возник и развился, неизвестный на Западе, институт передельной общины. Несмотря на сознание экономической несостоятельности общины, правительство и после Реформы для обеспечения тягла решилось укрепить этот институт. Но передельная община, подобно ирландской арендной системе, лишает крестьянство всякой возможности приводить свое размножение в соответствие с теми рессурсами, которыми оно располагает, и в то же время расслабляет его энергию; такой институт может не привести к кризису или в условиях земельного простора, или в условиях наличности внешней, крепостнической силы, регулирующей жизнь крестьянства. Перед каждым крестьянином-собственником проблема народонаселения стоит во всей ее отчетливости. Он и его дети знают, какой площадью земли они располагают. Они знают, какие сбережения надо скопить, чтобы увеличить эту площадь. Задача интенсивирования хозяйства для них опять-таки—реальная жизненная задача. Она их не может не интересовать, и они знают, в каких рамках интенсивирование хозяйства может быть при данных условиях осуществлено. Собственник знает, сколько его детей вынуждены будут питаться не с отцовского надела. И дети его заранее готовятся к эмиграции, к переселению в город, к промысловым профессиям. А при разделе наследства, скопленные упорным трудом, отцовские сбережения и ипотечный кредит дают средства, которые нужны для безболезненного отхода части сонаследников от земли.

Всех указанных проблем для крестьянина-общинника не существует. Он может безбоязненно размножаться, ибо община обязана обеспечить его потомство. А так как хозяйничать на крупном участке выгоднее, чем на мелком даже при пропорциональном увеличении семьи, то многосемейность в условиях общинного землевладения является выгодной. «Освобождая от ответственности за неумеренное размножение и даже назначая премию всем семьям, которые произведут на свет больше детей», говорит горячий апологет общинного землевладения А. А. Чупров, «она (община) должна вызывать в нас то или иное отношение, смотря по тому, разделяем ли мы мальтузианскую точку зрения на проблему народонаселения или нет». Однако, для того, чтобы отвергнуть социальный институт, освобождающий «от ответственности за неумеренное размножение», совсем не надо быть мальтузианцем, а достаточно считаться с двумя непреложными фактами действительности, — с тем, что земная поверхность не расширяется, и с тем, что интенсирование хозяйства

возможно при каждых данных условиях лишь в ограниченной степени. Если, таким образом, община устраняет все субъективные предпосылки для предупреждения перенаселения, то она ослабляет и объективные возможности для этого.

Отход от надела для перехода на новую землю, для переселения в город или хотя бы перемены профессии связан с известными затратами. Общинник не может получить нужных для того средств ни из продажи, ни из залога своей земли, а это понижает и ценность усадьбы и построек. Все это до чрезвычайности затрудняет и без того трудный, но для нормального экономического развития необходимый, процесс отхода от наделов избыточного населения.

При удержании тяглового строя крестьянства с властью над крестьянином мира, с круговой порукой и паспортной системой, даже временная отлучка общинника является стесненной. В черноземной России, где доходность земли, вообще, была выше лежащих на ней платежей, мир, правда, большей частью не был заинтересован в стеснении отлучек своих членов. Но в нечерноземной полосе, где платежи стоят в меньшем соответствии с ее доходностью, принудительная связь с деревней чувствовалась тяжело.

Подгоняемое условиями общинного землевладения размножение сельского населения шло в черноземной полосе гораздо быстрее, чем в нечерноземной полосе. Здесь встречается наибольшая брачность и рождаемость; несмотря на высокую смертность, коэффициент прироста остается высоким. На севере увеличение надела, требующего трудной разработки, менее соблазнительно, а потому община не могла здесь существенно стимулировать роста населения.

Промысловые заработки на черноземе не играли той роли предохранительного клапана, которую они сыграли на севере. Значение промыслового отхода здесь отчасти заменял отход на сельско-хозяйственные работы в степи.

В первые десятилетия после ликвидации крепостного права, не смотря на трудности приобретения земли в степях, инфильтрация туда пришлого из северного чернозема населения все-еще шла в довольно широких размерах. К 80-тым годам процесс колонизации степей был завершен, но все же временый отход в степи на заработки еще долго сохранял свое значение для более северных районов. Улучшение транспортных условий приводило к усиленной распашке степей, местное хозяйство не могло обойтись местными силами и вынуждено было в самом широком масштабе пользоваться трудом пришлых рабочих. Ежегодно значительно более миллиона сельско-хозяйственных рабочих

направлялись из северных черноземных губерний в степи. Хотя это движение имело известное значение для черноземного крестьянства, но будучи стихийным, завися от случайных колебаний урожаем, оно давало очень неверный заработок и подвергало здоровье рабочих большим опасностям. Тех обеспеченных заработков, которые давал промысловой отход нечерноземному крестьянству, отход в степи черноземному крестьянину, во всяком случае, не давал.

Что касается русской переселенческой волны, то она в 80-тых годах подходила к Уралу, за которым открывались обширные, вполне пригодные для заселения, лесо-степи Сибири. Но чем дальше район заселения отстоял от района выселения, тем менее переселение было посильно для самих крестьян, тем более оно нуждалось в организованной правительственной помощи. Однако, правительство на первом плане вида имело ввиду задачу обеспечения крупных землевладельцев арендаторами и рабочими, и не только не желало оказывать активного содействия переселению, но не желало даже облегчить переселенцам возможность разорвать те пути, которыми связывала их община. Правда, Правилами 1881 и 1889 гг. оно как будто создавало возможность легализации развивавшегося против его желания переселения, но редакция их и способ их проведения в жизнь были таковы, что даже и после 1889 г. переселенческое движение, поскольку оно шло, в своей главной массе оставалось нелегализированным, «самовольным», т. е. предоставленным собственным силам переселенцев.

При таких условиях уже к началу нового столетия сельское население на северном черноземе достигло такой густоты, которую мы наблюдаем в государствах Западной Европы, при чем русское сельское население не располагало ни богатыми рынками, ни обильными капиталами, ни высокой культурой Запада.

Вследствие того, что многоземельные группы крестьянства размножались несколько быстрее малоземельных, различия в обеспечении землей между группами, различно наделенными, например, между государственными и помещичьими крестьянами, в известной мере сглаживались.

В соответствии со своим возрастанием население могло искать дополнительных доходов или на своих наделах, или на вненадельных землях.

Нельзя сказать, что технический прогресс несовместим с общинным землевладением. Но во всяком случае ко всем тем трудностям, которые ставит сельско-хозяйственному прогрессу чересполосное владение, хотя бы основанное на частной собственности, при общинном землевладении присоединяются еще те трудности, которые выте-

кают из непостоянства пользования землей. Теоретически можно себе, конечно, представить, что община при переделах будет считаться с произведенными уже улучшениями, и на севере община действительно относится с некоторой осторожностью к переделу унавоженной земли, но в черноземной полосе такие традиции еще не выработались, и переделы являлись пока существенным тормазом для назревшего там применения навозного удобрения. Если не представлялась возможность сбыть навоз в соседнюю экономию, то черноземный крестьянин очень часто сваливал его в овраги. Таким образом, совершенно естественно, что общинное хозяйство, не допуская никакого проявления частного почина и культурной инициативы, после неумеренной распашки кормовой площади, заходило в глухой угол безнавозного трехполья, с очень поздним подъемом пара, совершенно не обеспечивавшим восстановления плодородия почвы.

К несчастью для черноземного крестьянства, оно не располагало какими-либо подходящими специальными культурами, которые могли бы ему обеспечить существенный добавочный доход. Культура сахарной свеклы развивалась только в крупных хозяйствах. Только культуры конопли и табака давали кое-где денежный доход. Но культура конопли клонилась скорее к упадку, чем к расширению, вследствие конкуренции джута, а цены на табак падали, и акцизная система затрудняла ее расширение.

Для технического прогресса не хватало и многих других предпосылок. Этот прогресс мог иметь место только на основе развития менового хозяйства, он предполагал покупку улучшенных семян, усовершенствованных орудий и машин, породистого скота; но для всего этого нужны были оборотные средства, которых у крестьян, конечно, не было в наличности, а мелкий кредит в русской деревне не был налажен, да и стоял в известном противоречии с юридическими положением опекаемого властью, неполнонравного населения. Общественной агрономии, которая руководила бы крестьянством, выводя его на новые пути, не существовало. Кое-какие культурные воздействия могли исходить только из передовых крупных хозяйств. Но таковые имелись только на западе черноземной полосы, преимущественно в Юго-Западном крае; их было очень мало на центральном черноземе и почти совершенно не было в Поволжье. Наконец, и низкий культурный уровень черноземного крестьянства, старательно оберегаемого от просветительных влияний, и не ходившего в города на заработки, был не последним препятствием для прогрессивного развития крестьянского хозяйства.

При чрезвычайно медленном росте урожайности надельных земель благосостояние сгущавшегося на черноземе крестьянства требовало надлежащего использования частновладельческой площади. Крупное хозяйство могло бы помочь крестьянству лишь постольку, поскольку оно развитием каких-либо трудоемких культур могло предъявить значительный спрос на накоплявшиеся на месте избыточные рабочие руки. Это имело место в районе свеклосахарной культуры. Последняя хотя и возникла первоначально в средней черноземной полосе, но в конце-концов главным центром ее стал Юго-Западный край; из губерний на восток до Днепра культура сахарной свеклы значительное развитие получила в Харьковской губернии и стала развиваться в Курской губернии. Только в этих районах весьма малоземельное крестьянство могло жить, если и не безбедно, то все же сводя концы с концами, благодаря значительным местным заработкам на плантациях сахарной свеклы и на сахарных заводах. Для развития крупного хозяйства восточнее, условия складывались менее благоприятно. Чем дальше на восток, тем климатические условия меньше подходят для культуры сахарной свеклы. Посевы озимой пшеницы здесь также мало ненадежны. Здесь преобладают посевы серых хлебов,—ржи и овса, для которых рыночные условия с конца восьмидесятых годах складываются наименее благоприятно. При таких условиях ведение крупного хозяйства являлось здесь мало выгодным. Да для этого и не представлялось особенной необходимости.

Сгущающееся на месте земледельческое население предъявляло все больший спрос на землю. Средств для покупки земли у рядового крестьянства не было; деятельность Крестьянского Банка до средины девяностых годов не получила существенного развития. Между тем земля совершенно необходима для крестьянина и для пропитания, и для содержания лошади, без которой крестьянское хозяйство теряет свою самостоятельность. Так как средняя черноземная полоса и среднее Поволжье являются районами преобладания надельного землевладения и значительного сгущения сельского населения, то спрос на землю по отношению к наличной частновладельческой площади оказывался весьма интенсивным. В этих условиях у крупных хозяев является соблазн окончательно забросить собственное хозяйство, не используя даже дешевого труда крестьян, готовых брать на себя непомерные отработки, не сдавать даже землю из доли, а ограничиться беспечальными функциями собирателей денежных доходов. Правда, крестьянин, ввиду его бедности, является не всегда надежным плательщиком, но риск здесь покрывается возможностью безгранич-

ного вздувания арендных плат, не за счет роста доходности земли, а пропорционально возрастанию нужды населения в земле. Таким образом, на черноземе получила преобладание погодная сдача земли в денежную аренду. Аграрное перенаселение вызвало здесь разложение крупного хозяйства и окончательное превращение прежнего дворянина-хозяина в эксплоататора крестьянской нужды. Указанная форма аренды, подобно тому, как это было когда-то в Ирландии, таила в себе большие опасности. Еще в меньшей мере, чем при пользовании надельной землей, хозяин может заботиться об улучшении арендуемой на год земли. Возрастание земельных цен здесь идет параллельно с истощением земли. Вот тот комплекс причин, который привел к возникновению аграрного перенаселения в черноземной полосе России.

При указанном плохом состоянии полевого хозяйства и на надельных, и на арендных землях, сильная засуха 1891 г. вызвала в 15 губерниях центрально-черноземной и юго-восточной полосы полный неурожай зерна, а крестьянское хозяйство, надорванное всем предшествующим ходом развития, оказалось неспособным выдержать его; не только население вынуждено было массами распродавать свой скот, но и само оно могло продержаться, только благодаря помощи государства.

Для правительства не в меньшей степени, чем для общества, было ясно, что голод не был случайным явлением, что неурожай лишь обострил хроническое недомогание крестьянства. Правительство возвращается к заботам о крестьянском хозяйстве. Но у него нет сознания всей грозности назревшего кризиса. Оно готово идти на некоторые частные улучшения при условии сохранения прежней сословной и тягловой организации крестьянства, оно попрежнему остается враждебным свободному развитию творческой деятельности самого населения, как коллективной, так и индивидуальной. В ближайшее за неурожаем 1891 г. время правительство приступило к пересмотру своей аграрной политики в трех направлениях, в отношении к переселению, к общине и к Крестьянскому Банку. Каждая из этих реформ назревала и сама по себе, но на способе разрешения соответствующих вопросов чувствуется влияние наступившего кризиса.

Проведение в начале 90-х годов великого Сибирского пути, в связи с новым положением аграрного вопроса, заставило правительство окончательно изменить свое отношение к переселеническому делу. Железную дорогу, в постройку которой был вложен громадный капитал, надо было питать какими-нибудь грузами, а для этого ее

район надо было заселить. К тому уже опасаться недостатка в рабочих руках в черноземном районе, спустя 30 лет после реформы, уже не приходилось, и вот, основанный в 1892 г., «Комитет Сибирской ж. д.» развил довольно широкую колонизационную деятельность. Переселенцам был облегчен проезд, выдавались ссуды на устройство, были ассигнованы средства для нарезки земельных участков и для удовлетворения других потребностей переселенцев. Благодаря этим мероприятиям, переселение в Сибирь разростается, и с 1895 г. за Урал ежегодно переходит значительно более 100 тыс. душ.

В тоже время перед правительством стал во всю ширину вопрос о будущности общинного землевладения. На общинное землевладение, не обеспечивающее крестьянину права длительного пользования своим участком, в значительной мере, возлагалась ответственность за технический застой крестьянского хозяйства. Неурожай 1891 г. только укрепил правительство в этом его убеждении. С учреждением должности земских начальников жизнь общины была поставлена под их надзор. Теперь необходимо было дать прочную основу для их деятельности. И вот, законом 8 июля 1893 г., желая ослабить вредное влияние переделов на сельское хозяйство, правительство устанавливает, что общие переделы должны производиться не раньше, чем через 12 лет, причем приговор о переделе подлежит утверждению земского начальника. Частные переделы совершенно воспрещаются. Таким образом, основная функция общины подвергается весьма существенным ограничениям. Хотя означенный закон несколько смягчал отрицательное влияние общинного землевладения на техническое развитие хозяйства, но центр тяжести вопроса об общине лежал не здесь, а в общине, как социально-экономическом институте.

Статья 165-ая о досрочном выкупе, несмотря на три десятилетия ее действия, не получила широкого применения; точно также было очень мало случаев перехода общин в полном составе к подворному владению. Однако, существовали опасения, что когда тягость лежащего на земле выкупного платежа уменьшится еще больше, то случаи досрочного выкупа земли получат массовое развитие, а вместе с тем наступит и распад общины. В связи с этим в земских сферах еще в 80-х годах подымался вопрос о мерах к укреплению общины. Уже в 1888 г. была учреждена комиссия, под председательством Плеве для рассмотрения вопроса «об отчуждении крестьянских земель». Мысль об отказе от основной идеи Реформы 1861 г., предусматривавшей превращение крестьян по заключении выкупной операции в

свободных собственников земли, встречала возражения со стороны немногочисленных либерально настроенных элементов бюрократии. Раздавались даже и из консервативных кругов голоса, что община совсем не является консервативным институтом, что в ней заложено зерно грядущего социального переворота. Однако, большинство консервативных элементов бюрократии считали необходимым сохранить общину и специфический характер надельного землевладения, как основу сословного строя России; правительство усматривало в общине гарантии против развития столь опасного, судя по опыту Западной Европы, пролетариата. И в этой своей положительной оценке общины, правительство вполне солидаризировалось с передовыми общественными группами, которые усматривали в общине гарантию особого, более счастливого по сравнении с Западом, пути развития России; община должна привести страну, минуя капитализм, непосредственно к социализму.

Законом 14 декабря 1893 г. правительство, несмотря на вполне назревший аграрный кризис, доказывавший, казалось бы, несостоятельность существующего в стране аграрного строя, решилось укрепить его основы. В этих видах досрочный выкуп земли и выдел из общины были поставлены в зависимость от согласия общины. Одновременно с этим подчеркнут был сословный и, вообще, специфический характер надельного землевладения тем, что надельные земли было воспрещено продавать лицам других сословий и совершенно запрещено закладывать.

Реорганизация деятельности Крестьянского Банка также стала на очередь. Деятельность Банка развивалась далеко не успешно. Недоимочность заемщиков возрастала. В то же время интерес правительства к Крестьянскому Банку во второй половине 80-х годов ослабел. Основание Дворянского Банка до некоторой степени облегчало нужду в средствах дворянства, и оно уже не торопилось с ликвидацией своих земель. Правительство стало смотреть на Крестьянский Банк не как на учреждение, преследующее известные социально-политические цели, а как на коммерческое учреждение земельного кредита. В связи с этим размеры требуемых доплат возрастали, Банк все меньше имел дело с малоземельными элементами и, в общем, сокращал свою деятельность.

За первый период своей деятельности от 1883—1895 гг. Банк помог крестьянам в приобретении 2.411 тыс. дес. Насколько эта цифра скромна, можно судить по тому, что помимо Банка крестьяне приобрели почти в три раза больше земли; они предпочитали обра-

щаться к содействию акционерных банков, предлагавших им, в общем, более выгодные условия кредита.

Теперь остро обозначившийся кризис крестьянского хозяйства вынудил опять резче подчеркнуть социально-политический характер деятельности Крестьянского Банка и породил его реформу. Расширение деятельности Крестьянского Банка соответствовало также интересам крупного землевладения, которое испытывало большие затруднения, ввиду падения цен на хлеб, и готово было теперь развязаться с частью своей земли.

Еще в 1894 г. проценты, взимаемые по ссудам, были понижены на 1%. В 1895 г. была произведена общая реформа Крестьянского Банка, причем был удлинен предельный срок выплаты ссуд до 51 3/4 лет, введена специальная оценка земель, сокращены доплаты. Вскоре, в 1898 г., условия выплаты сделались еще более льготными: процент был понижен до 4%, сбор на расходы до 3/4%; предельный платеж опустился до 5 1/4%. Кроме того, Банк стал играть активную роль при заключении сделок между помещиками и крестьянами; он заботился о том, чтобы сделка была произведена на условиях, для крестьян не разорительных. Банк получил также в свое распоряжение известные отчисления из выкупных платежей, которые он мог использовать для операций по покупке земли для крестьян за свой счет.

Реформа 1895 г. оказалась весьма успешной. Деятельность Крестьянского Банка быстро расширилась, и он стал важным фактором в мобилизации земельной собственности. За последнее десятилетие 1896 г.—3 ноября 1905 г. Банк помог крестьянам в приобретении 5,304,7 тыс. дес. земли т. е. площади в 2 1/2 раза большей, чем площадь, приобретенная за первые 13 лет его деятельности. Широкое развитие деятельности Банка имело своим последствием значительное повышение покупных цен на землю. Тем не менее, более рациональная постановка деятельности Банка привела к тому, что сделанные крестьянам, весьма скромные облегчения оказались достаточными для того, чтобы они могли справиться со своими обязательствами:— крестьянские платежи стали поступать аккуратно, и случаи отобрания у крестьян земли стали редки.

Из мер рассматриваемого времени, которые должны были повлиять на технический прогресс сельского хозяйства, необходимо еще указать на преобразование Министерства Государственных Имуществ в Министерство Земледелия и Государственных Имуществ. Последнее поддерживало начавшиеся в то время развитие земской агрономии.

В 1895 г. издается закон об учреждениях мелкого кредита, несколько ослабивший путы, лежавшие на русской кооперации, и привлекший Гос. Банк к насаждению в сельских местностях кредитных товариществ. В этих мероприятиях Министра Финансов С. Ю. Витте чувствовались первые проблески сознания правительства, что для устранения назревающего аграрного кризиса необходимо развить самодеятельность населения, индивидуальную и коллективную. Однако, принятию решительных мер в этом направлении противоречил общий резко реакционный уклон правительственной политики 90-х годов.

Аграрный кризис разрешается, конечно, не единственно в пределах сельского хозяйства. Решающее значение имеет и общее развитие народного хозяйства. Это развитие складывалось, казалось бы, благоприятно. Девяностые годы знаменуют собой период промышленного оживления. Усиленно развивается железнодорожное строительство, вовлекающее в круговорот менового хозяйства все большие районы. Удачно проведенное восстановлениие золотого обращения, укрепляет экономические связи России с Западной Европой. Происходит прилив из заграницы иностранного капитала, содействующий разработке естественных богатств России. Наиболее существенное значение для крестьянства черноземной полосы имело чрезвычайно быстрое развитие горной и металлургической промышленности в Донецком бассейне, где избытки крестьянского населения могли искать заработков.

Хотя отдельные аграрные мероприятия правительства развивались успешно, хотя общая экономическая конъюнктура складывалась благоприятно, но этого было далеко недостаточно для ликвидации аграрного кризиса. Социально-экономические болезни, имеющие глубокие корни, не вылечиваются в несколько лет и весьма частичными реформами. Самые основы сословно-тяглового строя правительство по прежнему оберегало, как свой палладиум. По прежнему у правительства не было настоящего доверия ни к общественной, ни к индивидуальной самодеятельности, и существовала определенная боязнь просвещения.

Социально-экономический процесс привел к тому, что в огромной стране, правительство которой при этом желало играть одну из первых ролей в мировой политике, основное производство, на котором зиждилось все благосостояние страны, лежало в руках крестьянства. А между тем отрицались все предпосылки, которые дали бы крестьянам возможность покончить с пережитками натурального хозяйства и стать культурными сельскими хозяевами.

Наряду с положительными успехами экономического развития воздействия временно причинили черноземному крестьянству и существенный ущерб. Распространение сельско-хозяйственных машин в степях вызвало в 90-тых годах резкое понижение спроса на труд пришлых рабочих. Число направляющихся на юг рабочих по необходимости должно было сильно сократиться, но, несмотря на это сокращение, прежние высокие заработки рабочих отошли в прошлое. Какие бы ни были конечные результаты этого процесса для русского народного хозяйства в целом, моментальное воздействие его на черноземное крестьянство не могло не быть весьма болезненным. Спрос на рабочих со стороны промышленности Донецкого бассейна не мог вознаградить черноземное крестьянство за резкое падение его заработков в сельском хозяйстве степного района.

Таким образом, аграрное перенаселение стало чувствоваться еще острее. При общем весьма плохом состоянии сельского хозяйства, каждая случайная засуха вызывает неурожай. После совершенно исключительного неурожая 1891 г., неурожаи потрясают расшатанное крестьянское хозяйство черноземной полосы в 1892 г., в 1897 г. в 1902 г. При полном отсутствии сбережений, каждый неурожай вызывает голод и необходимость, для спасения населения, в продовольственной помощи со стороны правительства.

Упорное стремление крестьянства черноземной полосы сохранить, во чтобы ни стало, свою хозяйственную самостоятельность заставляло его держать гораздо больше лошадей, чем их было необходимо для практикующейся здесь примитивной обработки полей. И вот, неурожай 90-тых годов вызывает значительное сокращение численности лошадей и наростание численности безлошадных дворов.

Таким образом, искусственно подталкивая размножение крестьянства, нивелируя его, расслабляя его энергию, и задерживая отход избыточного населения от надела, община в конце-концов была бессильна предупредить пролетаризацию значительной его части. Во многих губерниях центральной черноземной полосы численность безлошадных дворов превысила к средине 90-тых годов $^1/_3$ всех дворов. Пролетаризация значительной части крестьянства не сопровождалась здесь созданием значительного кадра дворов, богатых инвентарем и ведуших улучшенное хозяйство. Община не создавала условий для культурного хозяйства. Масса черноземного крестьянства оставалась, не без влияния общины, мало дифференцированной. Но поскольку выделение небольшого количества более состоятельных дворов имело место, таковое совершалось только на почве экономиче-

ского хищничества, на дешевой концентрации во руках наделов обессиленных соседей.

Наличность аграрного перенаселения разлагало и крупное хозяйство, склоняя землевладельцев к беспечальному собиранию рент. Однако, с наступлением в 90-х годах глубокого кризиса крестьянского хозяйства, разоренный крестьянин, истощавший в конец арендуемую землю, окончательно становился ненадежным плательщиком. Между тем условия для ведения капиталистического хозяйства улучшались, благодаря распространению сельско-хозяйственных машин и расширению железнодорожной сети. В соответствии с этим крупные землевладельцы, параллельно с обеднением крестьянства лошадьми, увеличивают свой инвентарь, расширяют свои запашки и если не заводят своего хозяйства, то начинают предпочитать крупных капиталистических арендаторов, обеспечивающих им хотя бы и невысокий арендный платеж, крестьянским арендаторам с их высокими, но ненадежными арендными платежами. Особенно быстро идет сокращение арендного фонда крестьян в Новороссии. В Харьковской и Курской губ. усиленно расширяются экономические посевы сахарной свеклы, которые, хотя и в целом повышают доходы крестьянства, но, параллельно с этим, лишением арендного фонда подрывают соседнее крестьянское хозяйство.

Развитие капиталистического сельского хозяйства на прежнем крестьянском арендном фонде во многих случаях действует аналогично концентрации ферм в Ирландии, сопровождавшейся изгнанием мелких фермеров (evictions); это—последний толчок, окончательно подрывающий едва-едва поддерживаемое равновесие крестьянского хозяйства. Голодное и бесправное крестьянство черноземной полосы подходило к пределу своего терпения.

Нельзя сказать, чтобы правительство не почувствовало, наконец, остроты аграрного кризиса. В 1899 г. в составе Министерства Финансов, под председательством сенатора Поленова, была создана „Комиссия для исследования причин оскудения центра“. Несколько позже, в начале 1902 г. под, председательством министра Финансов С. Ю. Витте создано было „Особое Совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности“, которое перенесло обсуждение аграрного вопроса на широкую общественную арену в своих уездных и губернских комитетах. Хотя в этих комитетах крестьянство, и вообще, демократические элементы были слабо представлены, и комитеты могли считаться выразителями взглядов преимущественно местных землевладельцев и чиновничества, все-же они пришли к заключению,

что частичными и чисто техническими мероприятиями аграрного кризиса избыть нельзя, что русская жизнь нуждается в коренных преобразованиях. Один из важнейших выводов, который, согласно формулировке председателя „Особого Совещания" С. Ю. Витте, сделали Комитеты, состоял в том, что „преуспеяние сельско-хозяйственной промышленности ближайшим образом зависит от такого улучшения правового положения нашего крестьянства, которое содействовало бы развитию в нем хозяйственной предприимчивости и самодеятельности; вне этого, а также просвещения крестьянской среды, всевозможные меры в области экономии и техники сельского хозяйства принесут лишь ничтожную пользу, не оправдывающую значительных затрат, которые потребуются с этой целью из народных же средств".

Однако, правительство все еще не могло пойти на решительный разрыв со старыми традициями. Одновременно с Особым Совещанием вопрос о реформе законодательства о крестьянах разрабатывался в комиссии Министерства Внутренних Дел, под председательством Стишинского, и эта комиссия продолжала настаивать на необходимости охранять сословный строй и общину. Правительство беспомощно колебалось между различными течениями, пока не разразилась аграрная революция.

Русский аграрный строй не только вел к глубокому кризису крестьянского хозяйства, но он создавал в крестьянстве и настроения, благоприятные для аграрного переворота. Община, нивеллируя крестьянство, сплачивала его во-едино. Если в среде крестьянства появлялись экономически сильные единицы, то они внутри нее редко находили достаточный простор для своей сельско-хозяйственной деятельности, они стремились ее перенести на частновладельческие земли, покидали деревни. Общинное крестьянство сплоченно противостояло крупным землевладельцам, которые в очень малой степени были хозяевами, а главным образом, рентополучателями. При всем различии в экономическом положении, между сельскими хозяевами,—капиталистами и крестьянами,—наряду с антагонистическими интересами все же могут возникнуть и отношения солидарности. И те и другие имеют некоторые общие интересы и в деле экономической, и в деле технической организации производства. Но для русского крестьянина помещик был в большинстве случаев лишь эксплоататором его нужды. Помещик почему то владел землей, которую он чаще сам не обрабатывал ни в качестве трудящегося, ни в качестве даже капиталистического предпринимателя,—той землей, которой было так мало у крестьян. И вот, когда жить стало не в моготу,

гнев крестьянства стихийно направился против усадьбы землевладельца.

Первым предвестником социальной бури были крестьянские беспорядки, вспыхнувшие весной 1902 г. в Константиноградском уезде Полтавской губернии,—одном из немногих уездов этой губернии, населенном помещичьими крестьянами,—общинниками. Беспорядки быстро перекинулись на соседние уезды. Они начались с разбора хлеба из экономических амбаров и кончались полными разгромами экономий. С тех пор среди крестьян черноземной полосы брожения не прекращались, вспыхивая местами, в виде массовых разгромов имений, как, например, в феврале 1905 г. в пограничной полосе Курской, Черниговской и Орловской. Наконец, политические события осени 1905 г. явились сигналами для волнений, разлившихся по очень обширным районам деревенской России,—городская революция провоцировала деревенскую.

Все это брожение, проявившееся в более или менее бурных формах, обычно объединяют под названием аграрного движения. Однако, не только формы движения, но и сущность его в различных районах были различны, и далеко не везде движение, хотя-бы и захватившее сельское население, можно с достаточным основанием назвать аграрным. Таковым оно было преимущественно в черноземной России.

Наиболее грозные формы движение приняло на среднем Поволжье и в Средней черноземной полосе, где повсюду господствует общинное землевладение, где крестьянское хозяйство находилось в полном застое, и где крупные землевладельцы большую часть своей земли сдавали в аренду, главным образом денежную или также натуральную, за отработки, чтобы обеспечить денежным трудом и крестьянским инвентарем свою сравнительно ограниченную запашку. Здесь крестьяне стремились так или иначе ликвидировать крупное землевладение,—«выкурить помещиков». Неорганизованные, они доходили до разгромов и поджогов экономий. Если, лучше организованные, они применяли мирные приемы борьбы, то все же их целью не было выработать какой-либо, приемлемый для обеих сторон, modus vivendi с помещиками; при забастовках, арендных или рабочих, предъявлялись явно неисполнимые требования. Цель забастовок была та же, что и погромов,—удалить землевладельцев, чтобы забрать их землю. Движение захватило здесь далеко не одних только помещичьих крестьян,—в нем приняли широкое участие и государственные крестьяне. Сравнительно многочисленные на востоке, села дарственников являлись очагами наиболее резких погромных выступлений.

Довольно бурный характер приняли волнения и среди немногочисленных помещичьих крестьян Новороссии. Завися в своем хозяйственном благосостоянии от аренды помещичьей земли, они в последние годы сталкивались с фактом быстрого расширения экономической запашки за счет их арендного фонда. Однако, часто движение здесь выливалось и в более мирную форму рабочих забастовок. Во всех этих случаях крестьяне добивались устранения найма пришлых рабочих, как конкуррентов при продаже труда.

Поскольку мы движемся на запад,—туда, где крестьянское хозяйство находится бок о бок с высоко культурными свекло-сахарными хозяйствами, обеспечивающими его значительными заработками, аграрное движение теряет свой погромный характер. Только в Курской и Харковской губернии, где быстро шло расширение экономических запашек на бывшем арендном фонде крестьян, оно выливается местами в бурные формы и имеет целью разрушение крупного землевладения. Но там, где крупные свеклосахарные хозяйства давно организованы, где аренда земли крестьянами развития не получила, в особенности, в Юго-Западном крае, там крестьяне уже в значительной мере помирились с крупным хозяйством. Там главный метод борьбы—рабочие забастовки, и цели этих забастовок—не разрушение крупного хозяйства, а обеспечение себе в нем лучших условий труда. Как раз беднейшие элементы, наиболее малоземельные, настроены здесь мирно, в то время как более зажиточные элементы крестьянства чаще отстаивают более резкие требования, подрывающие существование крупного хозяйства.

В нечерноземной полосе, где крупное землевладение, если располагало сельско-хозяйственными угодьями, то чаще само же их использовало в порядке интенсивного хозяйства, или располагало почти только лесными землями, волнения далеко не всегда носили аграрный характер. Очень часто движение являлось политическим и выражалось в смене властей, в неплатеже податей. Особенно бурный характер такое политическое движение получило в Прибалтийском крае, благодаря некоторым особенностям его социального строя. Там же равно, как и в Царстве Польском, очень широкое развитие получило забастовочное движение среди существующего здесь многочисленного класса сельско-хозяйственных батраков. Очень широкое распространение получили на севере лесные порубки, отчасти и потому, что полунатуральное крестьянское хозяйство трудно мирится с вздорожанием леса. Лишь в немногих местностях, например в Псковской губ., встречаются случаи борьбы против расширения культурного помещичьего

хозяйства за счет арендной крестьянской площади. Наконец, во многих обширных районах брожение среди сельского населения получило лишь слабое выражение, как, например, в губерниях Северо-Западного края, на севере, или в Приуралье.

Аграрная политика позднейшего времени призвана была так или иначе решить те грандиозные вопросы, которые выдвинула революция 1905 г., вообще, и аграрная революция в частности.

3. Эпоха контр-революции.

Солидарное выступление громадных масс крестьянства во время аграрных беспорядков показало борющимся политическим партиям, что они могут на него опереться, как на реальную политическую силу. Само правительство, редактируя избирательный закон для созыва Государственной Думы после более или менее успешного подавления аграрных волнений, тем не менее признало неизбежным обеспечить за крестьянством известное влияние на состав этого учреждения.

Все враждебные дворянской автократии партии в этих условиях выделяли аграрный вопрос, как важнейший, в своих программах. Наибольшим успехом пользовались среди крестьянства народнические течения, ибо они давали формулы, санкционировавшие стремления объединенного в общинах, крестьянства к бесплатному завладению соседними вненадельными и прежде всего частновладельческими землями. В народнических программах основы общинного пользования землей возводились в принцип, клались в основу нового земельного права, имеющего всеобщее значение, независимо от своеобразия местных условий. Это новое земельное право, как вытекающее из потребностей трудящихся, погашало всякое другое право, а следовательно погашало и право частной собственности на землю. Частная собственность на землю тем самым ликвидируется без всякого вознаграждения. Задачей нового аграрного строя, прокламируемого народническими партиями, является обеспечение за каждым гражданином «права на землю»—права на пользование долей земли из общегосударственного фонда. Народники стремились осуществить этот, провозглашенный еще Герценом, принцип, который должен повести социально-экономическое развитие России по особой дороге в обход капитализма, приведшего на Западе к господству в жизни духа «мещанства». Без компромиссов и без всякого учета местных особенностей, указанная точка зрения проводилась социалистами-революционерами, наиболее последовательными идеологами, погруженного в натуральное хозяйство, крестьян-

ства. Другие, опиравшиеся на крестьянство, более умеренные народнические партии готовы были итти на те или другие компромиссы, в зависимости от соотношения общественных сил, оставаясь на почве непреклонной защиты «права на землю».

Однако, крестьянство является классом, который по всем условиям своего быта менее других способен выражать в организованной форме свою волю. Благодаря этому, после того как правительству удалось сломить организованные выступления пролетариата, ему пришлось считаться преимущественно с конституционно-демократической партией, выражавшей взгляды не самого крестьянства, а русской интеллигенции. Эта партия пользовалась поддержкой и просвещенной части русской городской буржуазии,—класса, не имевшего глубоких корней в русской жизни и не успевшего сорганизоваться в самостоятельную политическую силу.

Конституционно-демократическая партия стремилась согласовать широкую аграрную реформу, которая могла бы успокоить крестьянство, с сохранением народного хозяйства. Признавая принцип принудительного отчуждения частновладельческих земель, она предполагала необходимым вознаграждение за отчуждаемую землю «по справедливой оценке». Постольку эта реформа теряла характер социального переворота. Имелись ввиду изъятие из принудительного отчуждения образцовых хозяйств и постепенность в отчуждении земли, связанной с техническими предприятиями; этим программа стремилась ослабить вредное влияние реформы на сельскохозяйственную культуру. Все-же программа партии народной свободы не ушла из-под влияния натурально-хозяйственной идеологии, и имеется грань, отделяющая аграрную реформу, ею предложенную, от радикальных мероприятий, которые в некоторых, правда довольно редких случаях, осуществлялись в последнее время на Западе. Партия народной свободы указывала, что в осуществлении принципа принудительного отчуждения частновладельческой земли нельзя еще усмотреть социального переворота, что и на Западе допускаются в известных условиях серьезные нарушения свободы распоряжения землей. Но, если на Западе правительства изредка в социальных интересах нарушали право земельной собственности, то—в строгом соответствии с интересами производства и народного хозяйства. Закон об ирландской аренде 1881 г. представляет из себя самый выдающийся такой случай массового ограничения права свободного распоряжения землей. Но это ограничение сделано в пользу уже организованных на земле хозяйств; оно не только не потрясало производства, наоборот, оно давало ему

более благоприятные условия развития. Законы некоторых австралийских колоний и 2-й английский Small Holdings Act (закон о мелких участках) от 1907 г., предусматривающие принудительное отчуждение и принудительную аренду земли, преследуют определенные производственные задачи,—более интенсивное использование в мелких хозяйствах слабо эксплоатируемых земель крупного владения.

Эта производственная народно-хозяйственная точка зрения в аграрной программе партии народной свободы была довольно слабо выражена, ибо она задавалась целью осуществить принцип права на землю, правда только для наличного сельско-хозяйственного населения. И эта реформа, в соответствии с народническим мировоззрением, утверждала приоретит продовольственного хозяйства над рыночным; для обеспечения этого права отчужденную землю не предполагалось продавать в собственность ни отдельных хозяев, ни общин, а она должна была составить постоянный государственной земельный фонд. Осуществление права на землю для удовлетворения потребительных нужд, хотя бы только сельско-хозяйственного населения, определяло собой громадный размах реформы—почти полную ликвидацию крупного землевладения. Но в то же время не имелось сколько-нибудь серьезных гарантий того, что производительные силы народного хозяйства, после испытанного потрясения, повысятся. Зато имелись все основания думать, что в стране, пересыщенной аграрными интересами, признание индивидуального права каждого трудящегося на орудия труда в области сельского хозяйства не может не иметь влияния на все соципльные отношения, а вне сельского хозяйства этот принцип имеет еще более разрушительное значение, чем в пределах сельского хозяйства.

Однако, по политическим условиям аграрная программа партии народной свободы не могла претвориться в жизнь. Осуществление ее означило бы окончательное лишение правящего дворянства его социальной базы, на что оно, конечно, не могло пойти. Такая реформа требовала перехода власти в другие руки, а этой предпосылки в данном случае не было,—революция не сумела выбить власти из рук дворянства. Зато при победе революции шансы на успех имела только программа без компромиссов.

Тем не менее аграрная политика эпохи контр-революции резкой гранью отделяется от аграрной политики эпохи реакции. Пережитые государством, грандиозные потрясения заставили господствующий класс с известной энергией взяться за развитие производительных сил русского сельского хозяйства, и, в поисках путей в указанном направле-

нии, оно решилось отказаться от коренной основы его прежней аграрной политики,—от его стремления, во что бы то ни стало, поддерживать сословную и тягловую организацию крестьянства. Правительство считалось в некоторой степени и с требованиями крестьянства, но лишь в той мере, в какой они, по его мнению, могли быть согласованы с интересами господствующего класса,—дворянства. Бурные условия политической жизни заставляли правительство во время борьбы с революцией и в первые годы после революции прибегать к резким приемам для осуществления своей программы, эти приемы смягчались лишь постепенно, по мере того как наступало успокоение, и самые реформы пускали корни в жизни. Правительственная аграрная программа, состоявшая из ряда согласованных между собой частичных мероприятий, была в процессе ожесточенной политической борьбы противопоставлена программе русского передового общества, которое в дополнительном наделении усматривало единое и более или менее исчерпывающее решение аграрного вопроса. В этих условиях она не могла получить сколько-нибудь беспристрастной оценки. В русской литературе усиленно подчеркивалась несомненная связь реформы с классовыми интересами дворянства, осуждались насильственные приемы ее проведения, отмечались технические дефекты дела, но она мало вникала в исследование народно-хозяйственного значения реформы. Впрочем, развитие реформы было скоро прервано нагрянувшей войной, а затем революцией, а потому она еще не успела вполне выявить своих результатов.

Правительство не отрицало необходимости и экономической целесообразности увеличения крестьянского землевладения. Был даже момент, когда под впечатлением аграрных волнений, разразившихся после Манифеста 17 Октября, оно готово было пойти на систематическое увеличение крестьянских наделов путем принудительного отчуждения частновладельческих земель. Но после укрепления своего положения правительство отошло от этого принципа—тем более, что оно убедилось, что и на основе добровольных сделок крестьянство может приобрести значительный фонд частновладельческих земель. Аграрные волнения вызвали сильное замешательство среди землевладельцев. Многие из них спешили скорей ликвидировать свои имения. Таким образом, фонд для увеличения крестьянского землевладения имелся налицо. В то же время имелся уже и испытанный орган, который мог дать надлежащее направление мобилизационному процессу,—Крестьянский Банк. За предшествующее событиям 1905 г. десятилетие его деятельность развилась широко и успешно.

Однако, задача не могла состоять единственно только в расширении посреднических операций Банка. В то время, как помещики усиленно предлагали к продаже свою землю, крестьяне, надеясь на грядущую прирезку земли, не предъявляли на нее соответствующего спроса. Можно было в этих условиях ожидать резкого падения земельных цен; можно было опасаться, что значительная часть земли попадет задешево в руки спекулянтов, которые извлекут наибольшие выгоды из такой конъюнктуры. Таким образом, задача состояла в том, чтобы развить активные операции Крестьянского банка по скупке предлагаемой к продаже земли. До сих пор Банк мог приобретать земли исключительно только за наличные из отчисляемой для этой цели части выкупных платежей, что ставило эти операции в определенные рамки. За десятилетие 1896—1905 г. Банк приобрел всего 945 тыс. дес. Такой темп закупок не соответствовал условиям момента, и в целях их расширения 3 ноября 1905 г. Банку было разрешено для пополнения средств собственного капитала производить реализацию своих свидетельств по мере действительной потребности в суммах для покупки Банком земли. При неустойчивом состоянии государственного кредита в момент революции, такая реализация была, конечно, невыгодной, ибо свидетельства котировались ниже их нарицательной стоимости. Ввиду этого 21 марта 1906 г. приобретение земли Банком за наличные было прекращено, и Банк стал платить продавцам 5% государственными свидетельствами по нарицательной их цене. Таким образом, при реализации продавцами земли свидетельств Банка на них перекладывались убытки от падения цены государственных кредитных бумаг,—убытки от падения государственного кредита. Землевладельцам приходилось при реализации свидетельств терять сначала от 15 до 30% их номинальной цены. В последующие годы, однако, эти потери были меньшими. Для того, чтобы не загромождать денежного рынка своими обязательствами Банк платил также 6% именными свидетельствами, не подлежавшими продаже.

В дополнение к приобретенным частновладельческим землям, в августе 1906 г. были проданы в земельный фанд Банка все пригодные для сельскохозяйственного пользования, исключая следовательно лесные угодья, земли Удельного Ведомства. К этому побуждало правительство, кроме желания увеличить земельный фонд Банка, главным образом, то соображение, что при возможном подъеме революционной волны как раз землям Удельного Ведомства грозила опасность безвозмездной конфискации в первую очередь, а потому представлялось благоразумным заблаговременно продать их Банку,

хотя бы и не по высокой цене. Наконец, законом от 27 августа 1906 г. предназначены к продаже через Крестьянский Банк казенные оброчные статьи в Европейской России, по мере прекращения на них арендных договоров, а также и те из лесных угодьев, отчуждение которых окажется возможным без ущерба для нужд местного населения и интересов лесоохранения и правильного лесного хозяйства.

Таким путем Банк составил себе громадный земельный фонд. В общей сложности Банком было приобретено по закону от 3 ноября 1906 г. до ликвидации его деятельности 4.735 тыс. десятин, из коих большая половина, 2.664 тыс. дес., приобретена в 1906 и 1907 г., когда помещики под влиянием панического страха усиленно распродавали свои земли. От Уделов Банк получил 1.245 тыс. дес.; казенной земли он получил в распределение 675 тыс. дес. Таким образом, Банк располагал громадным земельным фондом, который он спешил реализовать. На ряду с этим продолжалась посредническая деятельность Банка по приобретению крестьянами земли.

Для успешного развития своих операций Банк получил возможность расширить кредит крестьянам и удешивить его, даже не считаясь с состоянием денежного рынка. Согласно Указу от 3 ноября 1905 г. Крестьянский Банк, правда, с особого каждый раз разрешения двух министров, получал право выдавать крестьянам ссуды в полной сумме без доплат. А Указом от 14 октября 1906 г. платежи крестьян по ссудам были понижены, так что при сроке погашения в $55^1/_2$ лет они опускались до 4 р. 50 к. с сотни. Так как Банк платил бо́льший процент по своим обязательствам, чем платили ему крестьяне, то казна вынуждена была покрывать разницу в платежах; эта субсидия Банку за период 1906—17 г. выразилась в сумме 145,5 милл. рублей. Благодаря этим новым условиям, Банк получил возможность оказать крестьянам содействие в приобретении значительного комплекса земель. В общей сложности, за восьмилетний период времени от 1906 г. до 1913 г. включительно, он перевел в руки крестьян из собственного фонда и в порядке посреднических операций 8.460,4 тыс. дес., что составляет в среднем 1.057,5 т. дес. в год, между тем как за предшествующее десятилетие, когда деятельность Банка развивалась весьма успешно, он переводил в руки крестьян в среднем 586,4 тыс. дес., т.-е. интенсивность мобилизационного процесса при содействии Банка почти удвоилась. Банк перевел в руки крестьян за указанное восьмилетие больше земли, чем за все 23 года его предшествующей деятельности (8275,9 тыс. дес.). В общем от 1906 г. до революции в руки крестьян перешло при содействии Банка

около 10 милл. дес., из них несколько менее 4-х милл. из собственного фонда Банка, а большая часть в порядке посреднических операций. По громадности своих операций Крестьянский Земельный Банк занимал безусловно первое место среди аналогичных учреждений в современном мире.

Мобилизационный процесс особенно сильно захватил Средневолжский и Центрально-черноземный районы, наиболее потрясенные аграрными волнениями; так, в руки крестьян перешло через посредство Крестьянского Банка за 1906—15 г. в Саратовской губ. 725,7 т. д.. в Самарской 657 т. дес., в Уфимской 468,3 т. дес., в Тамбовской 441,9 т. дес. и больше 300 тыс. дес. в Воронежской, Пензенской и Симбирской. На западном черноземе, где крупное хозяйство более организовано, процесс ликвидации крупного землевладения шел медленнее, и еще слабее он был в нечерноземной полосе, где в руках землевладельцев мало сельскохозяйственных угодий, кроме, впрочем, Белорусских губерний (в Смоленской перешло к крестьянам даже 348,6 тыс. дес.).

Наряду с широким содействием крестьянству в деле приобретения земли в Европейской России, правительство для борьбы с малоземельем решило довести до возможного максимума переселенческое движение. Закон о переселении от 6 июня 1904 г. издан уже под впечатлением нараставшего аграрного движения. Целью его является не столько колонизация Сибири, «сколько улучшение, при помощи переселения, условий землепользования и хозяйства крестьянского населения внутренних губерний». Закон этот принципиально стоял на точке зрения свободы переселения, но в своем стремлении наилучшим образом с указанной точки зрения использовать земельный фонд, ограничиваемый недостаточным розмахом землеотводных работ, он фактически не осуществлял этой свободы. Для того, чтобы получить право посылки ходоков и зачисления за ними земли, переселенцы должны были иметь «удостоверения» от земских начальников, и таким образом переселение было поставлено под контроль дворянства, ибо переселенцы, не имеющие «удостоверений», оказывались в весьма тяжелом положении.

С обострением аграрного кризиса от этой системы пришлось отказаться, и уже указом 10 марта 1906 г. было дано право переселения и без предварительной посылки ходоков всем желающим, без всяких ограничений. Однако, и в последующие годы у правительства появляются известные попытки к регулированию выселений, несмотря на его стремление по возможности не суживать его размеров; эти

попытки связаны с затруднениями, возникавшими с нарезкой земли для переселенцев.

Правительство делало все возможное для расширения колонизационного фонда и, по утверждению знатоков переселенческого дела, заходило в этом направлении слишком далеко. Большое значение для успехов переселения имело открытие доступа для переселенцев в Алтайский Округ—на земли, числившиеся за кабинетом царя. Другим важнейшим районом колонизации стали киргисские степи, которые также были до того закрыты для переселенцев, хотя фактически они туда проникали в качестве арендаторов киргисских земель. Эти степи нельзя было считать незаселенными, ибо на них кочевали киргизы. Предстояло ограничить их землепользование, определив размеры тех земельных наделов, которые им необходимы для продолжения их кочевого хозяйства, и признав остальные земли свободным колонизационным фондом. Эта работа была первоначально выполнена известным статистиком Ф. А. Щербиной. Но, в связи с обострением нужды в земле для переселения, в степи была командирована вторая экспедиция В. К. Кузнецова, которая признала возможным примерно на 40% урезать нормы киргизского землепользования, установленные Ф. А. Щербиной, и таким образом переселенческий фонд в степях был определен в 22 милл. десятин. Также ригористически приходилось правительству определять и размеры землевладения старожилого населения.

В своем стремлении по возможности поощрить переселение правительство не жалело на него средств. Смета переселенческого Управления, которая еще в 1903 г. измерялась 3,1 милл. руб., быстро расширялась, и к 1910 г. превысила 25 милл. рублей. Эти суммы ассигновывались на ссуды по устройству на новых местах, на врачебно-продовольственные нужды, на общественные нужды переселенцев, на прокладку дорог и т. п. Землеотводные работы были расширены и ускорены; так, за 13 лет, с 1893 по 1905 г., было отведено под переселение $11^1/_2$ милл. дес., за пятилетие с 1906 по 1910 г. было нарезано почти вдвое больше—22 милл. дес. В то же время для всего общинного крестьянства появился новый момент, облегчавший переселение,—переселенцы получили возможность продавать свои наделы, и в этой продаже почерпали они большую часть нужных им для переселения средств. Таким образом, малосостоятельные элементы находили средства для переселения.

Все эти условия в связи с тем, что правительство, в целях отвлечения крестьян от их аграрных вожделений на месте, некоторое

время рекламировало переселение, вызвало громадный подъем переселенческой волны, как можно судить по следующим цифрам, касающимся семейных переселенцев, за исключением ходоков:

Годы.	Число семейных переселенцев в тыс. душ.
1906	139,1
1907	427,3
1908	664.8
1909	619,3
1910	316,2
1911	189,8
1912	201,5
1913	234,8
Итого	2.792,8

Между тем за предшествующее десятилетие 1896—1905 г. за Урал переселилось 1.041,3 тыс. душ, и ни за один год цифра переселенцев не достигала 200 тыс. душ (максимум в 1896 г.—177,2 т. душ). Компетентные лица полагали, что разместить в Сибири в течение года более 200 тыс. переселенцев, вообще, представляется невозможным. Тем не менее в течение 4 лет (1907—1910 гг.) этот предполагаемый максимум был далеко превзойден, и в среднем за 8-летие численность переселенцев измерялась в 350 тыс. душ в год. В переселение оказались вовлеченными новые районы, которые им раньше мало затрагивались, а именно Заднепровье.

Неожиданно большой наплыв переселенцев вызвал не малые замешательства и затруднения на месте; тем не менее процент обратных переселенцев, который за десятилетие 1896—1905 гг. равнялся 18%, опустился в период 1906—13 гг. до 12%. Однако, на высоких цифрах 1908/9 гг. переселение, за недостатком легко колонизуемого земельного фонда, не могло удержаться, и само правительство вынуждено было опять вступить на путь «регулирования», т.-е. некоторого сдерживания переселения.

Все-же, ни в увеличении крестьянского землевладения, ни в широком развитии переселения правительство не усматривало еще решения аграрного вопроса. Таковое оно стало искать в выделении инициативных элементов крестьянства из под власти косного крестьянского мира. Целый ряд предшествовавших правительственных мероприятий, диктуемых назревшими практическими нуждами страны,

уже подводили правительство к вопросу об освобождении крестьянина, как субъекта хозяйства, от пут общинного землевлаления. К числу таких мер следует отнести и отмену подушной подати, и ограничение переделов.

Другие из этих мероприятий являются уже откликом обострения аграрного кризиса. В 1899 г. правительство отменило круговую поруку по платежу податей для подворного крестьянства, а несколько лет спустя, по Манифесту от 12 марта 1903 г., круговая порука была отменена и для общинников. Отмена эта вытекала из процесса дифференциации крестьянства, делавшего институт круговой поруки крайне тягостным для него, и в то-же время правительству не зачем было на нем настаивать, ибо организация взимания налогов к тому времени уже настолько усовершенствовалась, что правительство могло обойтись без этого архаического института, который в конце концов плохо обеспечивал безнедоимочный сбор податей.

Ликвидация круговой поруки обозначала для крестьянства существенный шаг вперед на пути освобождения личности из под давления мира,—путы общины становились свободнее. В то-же время у правительства, которое в 1861 г., прежде всего, по фискальным мотивам укрепило общинное землевладение, этот мотив консервирования этого института отпал. Этим расчищался путь для новых реформ.

Уже давно в правящем дворянстве намечалась и такая точка зрения, что в общине напрасно усматривают консервативный институт. Еще в 1893 г. в записке по законопроекту о земельных переделах видный представитель дворянства и высшей бюрократии, Воронцов-Дашков, писал, что община в России может когда-нибудь вызвать стихийные движения народных масс. Местные Комитеты о нуждах сельско-хоэяйственной промышленности в своем большинстве с хозяйственной точки зрения осуждали общину. На точку зрения не только хозяйственной несостоятельности, но прежде всего политической опасности общины становятся в 1905 г. в Особом Совещании два влиятельнейших представителя и левого, и правого течения в бюрократии,—Витте и Горемыкин. Первый, который в 1893 г. был апологетом общины, теперь в патетической речи на Особом Совещании заявляет: ...«Горе той стране, которая не воспитала в населении чувства законности и собственности, а, напротив, насаждала разного рода коллективное владение, которое к тому же не получило никакого определенного выражения в законе, а регулируется то неизвестным обычаем, то просто усмотрением. В такой стране могут рано или

поздно произойти такие горестные события, подобных которым, может-быть, нигде не было».

Выражением того, что течение, неблагоприятное общинному землевладению, получило в правящих сферах преобладание, явился многознаменательный факт, что после неожиданного закрытия «Особого Совещания о нуждах сельско-хозяйственной промышленности» под председательством Витте, и при открытии нового «Особого Совещания о мерах к укреплению крестьянского землевладения» под председательством Горемыкина, в Рескрипте последнему, данном 30 мая 1905 г., указывалось на необходимость принять меры к тому, чтобы крестьяне получили возможность пользоваться своими наделами в большем соответствии с изменившимися хозяйственными условиями. Главной задачей предстоящих реформ признавалось облегчение крестьянам условий выделения из общины и представление им их надела в собственность.

К окончательному решению вопроса о судьбах общины правительство подводилось стихийным течением развивавшихся событий.

Манифестом от 3 ноября 1905 г. правительство в целях дать какое-нибудь реальное удовлетворение волнующемуся крестьянству, решилось на отмену выкупных платежей. С 1 января 1906 г. они уменьшались на половину, а с 1 января 1907 г. взимание этих платежей вовсе прекращалось. Этим правительство отказывалось от последнего наиболее существенного пережитка старых форм обложения, характерных для сословного государства. Представляя из себя, по существу, отвлекаясь от его происхождения, прямой налог размером без малого в 100 милл руб., он отличался чрезвычайной неравномерностью, ложась наибольшей тяжестью на наименее обеспеченных в их хозяйственном благосостоянии помещичьих крестьян. Являясь существенным облегчением для значительных масс крестьянства, отмена выкупных платежей вместе с тем знаменовала собой наступление того момента, когда, согласно Положению 1681 г., крестьяне должны были стать свободными собственниками своих наделов.

Трудно сказать, спешило ли бы правительство сделать этот вывод; но его принудили к этому чрезвычайные обстоятельства. Аграрные волнения и враждебный правительству состав первой Государственноой Думы, на формирование которой крестьянство имело возможность оказать существенное влияние, окончательно убедили правительство, что крестьяне, объединенные в общинах и в них противопоставленные классу крупных землевладельцев, не только не

являются консервативным элементом, а, наоборот, являются весьма опасным элементом с точки зрения аграрной революции.

Это убеждение заставляет правящее дворянство, нашедшее в лице П. А. Столыпина в грозный момент революции своего смелого и талантливого руководителя, энергично добиваться того, чтобы разбить классовое единство, спаянного общиной, крестьянства, чтобы выделить из его среды более хозяйственные, предприимчивые элементы и в этих элементах найти себе опору в борьбе против социальной революции. Эта боевая тенденция ярко окрашивает всю аграрную политику правительства контр-революции, резко выступая в первые годы борьбы с не утихшим еще революционным движением. Но эта классовая точка зрения перекрещивается и сливается с народно-хозяйственной,—с убеждением, что путь развития личной инициативы, личной предприимчивости есть единственный, который ведет к прочному преодолению аграрного кризиса. Правительство даже высказывало убеждение, что в утверждении института частной земельной собственности лежит единственный залог грядущего свободного развития России: «нельзя», говорил тогдашний руководитель правительства, «только на верхах развешивать флаги какой-то мнимой свободы». На очереди стояло создать «граждан», а потом будет и «гражданственность»; этим, едва-ли искренне оправдывалась отсрочка осуществления свободного режима.

Указанные две точки зрения, классовая и народно-хозяйственная, причудливо перекрещивались, покрывая друг друга, и нашли свое общее выражение в известном лозунге, гласившем, что правительство поставило «ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных».

Для русского передового общества классовая окраска реформы предрешала ее отрицательное хозяйственное значение. А между тем только стихийный процесс аграрной эволюции страны, а не намерения власти, мог окончательно выяснить вопрос, приведут ли новые мероприятия к выделению из крестьянства незначительной кучки крепких хозяев, которые станут политической опорой дворянства и построют свое хозяйственное благополучие на деградации остальных масс крестьянства, или они глубоко всколыхнут самые массы крестьянства, выведут их из вековой спячки и послужат ферментом для успешного развития сельского хозяйства, прежде всего, а затем и всего русского народного хозяйства в его целом.

Выражением совершившегося поворота в воззрениях власти и его вступления на путь рещительного проведения новой программы

явился знаменитый указ 9 ноября 1906 г., изданный после роспуска Государственной Думы. Согласно этому указу, каждый крестьянин мог выделить свою надельную землю из общины, не считаясь с ее волей. Под выделом здесь разумелось прежде всего количественное закрепление земли в тех чересполосных участках, коими выделяющийся раньше пользовался, с сохранением участия в пользовании общими угодьями. Выделенною землей можно было свободно располагать. При этом, однако, предстояло, решить сложный вопрос, сколько земли выходящий из общины имеет право взять с собой, оставляя общину. В общинах, не производивших переделов, вопрос этот не представлял трудностей. Но справедливо решить этот вопрос по отношению к выходящим из общин, в которых производились переделы, было очень трудно. Указ 9 ноября, который хотел создать побольше стимулов к выделению из общины, задавался целью закрепить за выходящим по возможности всю ту землю, которой он к моменту выдела пользовался. Лишь в том случае, если в его семье сократилось число разверсточных единиц, по которым земля разверстывалась при последнем переделе, соответствующая доля земли признавалась избыточной, и только за эту землю выходящий обязан был платить, но и то лишь по оценке к моменту выхода на выкуп, т. е. по оценке, значительно пониженной против современной.

Далее Указ 9 Ноября решительно порывает, в тех же целях развития личной инициативы и личной ответственности, с принципом семейной собственности, которую до сих пор поддерживало законодательство. Выделенная земля принадлежит не семье, а есть личная собственность домохозяина. Таким образом, всякие узы коллективности с личного собственника снимались.

Однако, целиком от старого понятия сословного землевладения, имеющего особое назначение, не отказывалось и новое законодательство, несмотря на весь его радикализм. Надельные земли попрежнему могли переходить только в руки крестьян. А во избежание концентрации надельной земли было установлено, что один домохозяин не может владеть надельной количеством земли и свыше шести указных наделов по положению 1861 г.

Создав разрешением выдела из общины возможности продажи надельной земли, правительство, совершенно последовательно, вынуждено было признать, что надельная земля может стать и объектом залога. Оно это сделало в последовавшем вскоре Указе от 15 Ноября 1906 г. Но, если оно не решилось объявить полной свободы продажи земли, то еще меньшую решительность оно проявило в этом случае.

Крестьянский банк был признан единственным институтом, призванным заниматься этой операцией. Самый залог надельных земель был разрешен лишь для определенных целей — для уплаты за наделы, оставляемые переселенцами, для пополнения той части покупной цены за земли, приобретаемые с содействием Крестьянского Банка, которая не покрывается ссудой Банка, и, наконец, на покрытие затрат, вызываемых землеустройством.

В указе 9 Ноября 1906 г. правительство выдвинуло еще новый принцип, который стал отныне руководящим в его деятельности, а именно землеустройство [1]). Недостаточно было освободить крестьянина от общины юридически, надо было дать ему возможность вести на своей надельной земле хозяйство так, как ему заблагорассудится, надо было освободить его от принудительного севооборота. В этих видах каждый выделяющийся из общины мог требовать и притом во всякое время, а не только при общем переделе, чтобы его земля была выделена к одному месту. Если только этот выдел не являлся для общины неудобным или невозможным, (а этот вопрос разрешался не самой общиной, а администрацией), просьба выделяющегося должна была быть удовлетворена. Этот пункт закона имел для общины особенно опасное значение, ибо, при пристрастии администрации к выделяющимся, он мог вести к лишению общины наилучших земель. Указ 9 Ноября 1906 г. впервые также легализовал процесс разверстания у подворных крестьян, среди которых уже раньше распространялось разверстание при отсутствии для него легальных форм. Теперь подворники могли производить общее разверстание, если за него высказывались не менее $^2/_3$ членов сельского общества.

К моменту издания Указа 9 Ноября 1906 г. уже существовали на местах административные органы, которые могли руководить землеустройством; это были учрежденные Указом 4 Марта 1906 г. землеустроительные комиссии, которым первоначально была поставлена на первый план задача оказания помощи Крестьянскому Банку в его задаче по облегчению покупки крестьянами земли, собственно же землеустроительные задачи были намечены во вторую очередь. Указ 9 Ноября ставил перед этими комиссиями широкие задачи в области землеустройства, в собственном слысле слова, т. е. в области реорга-

---

[1]) Вопросы землеустройства подробно рассмотрены в одной из последующих статей, и здесь мы их касаемся лишь постольку, поскольку это представляется необходимым для освещения всей правительственной аграрной реформы в ее совокупности.

низации территории хозяйства, и они определили главную сферу деятельности комиссий.

Издавая Указ 9 Ноября 1906 г., правительство подчеркивало, что оно считает его завершением освободительной реформы 1861 года. Этому указу предшествовал другой указ от 5 Октября 1906 г. „об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц бывших податных состояний", который следует признать действительно решительным шагом к уничтожению неполноправного положения крестьянства и, следовательно, к ликвидации всего сословного строя. Полноправный гражданин должен был стать свободным собственником своей земли. Указ 9 Ноября 1906 г., как бы вытекал из указа 5 Октября.

Новые указы, коренным образом реорганизующие земельные отношения крестьянства, были изданы после роспуска 1-ой Государственной Думы в порядке чрезвычайного законодательства, в момент обостренной политической борьбы правительства против требования принудительного отчуждения частновладельческих земель. Их предстояло еще превратить в закон, проведя через Государственную Думу и Государственный Совет. Так как демократические элементы усматривали в принудительном отчуждении земли единственный правильный путь для решения аграрного вопроса, а общину брали под свою защиту, то правительство могло выполнить эту задачу лишь после того, как оно актом 3 июня 1907 г. изменило избирательный закон и, таким образом, обеспечило себе Государственную Думу, в которой большинство принадлежало представителям господствующих классов.

Выход из общины был, таким образом, окончательно нормирован законом 14 июня 1910 г. Этот закон представляет собою разработку Указа 9 Ноября, но в одном отношении он значительно расширил принципы этого Указа: согласно ему во всех тех сельских обществах, в которых с момента наделения землей общих переделов не было, домохозяева признаются владеющими землей на праве частной собственности. Достаточно, чтобы один член такого общества потребовал выдачи ему соответствующего удостоверительного акта, чтобы его действие распространилось на все общество в целом.

Землеустройство было подробнее нормировано законом 29 Мая 1911 г. Закон этот распространял свое действие на все земли крестьянского типа владения, а в известных случаях его действие могло быть распространено и на иные земли, включение которых в совместное с крестьянскими землями разверстание необходимо для целесообразного устройства этих последних. Он обнимал также и груп-

повое землеустройство, т. е. правильное отмежевание целых групп хозяйств, не касаясь непосредственно устройства отдельных хозяйств, напр., размежевание однопланных селений, выделение выселков из состава крупных селений, правильное отмежевание крестьянской земли из чересполосицы с крупным землевладением.

Наконец, Указ 15 Ноября 1906 г. был переработан в Закон 5 Июля 1912 г., несколько расширивший его действие в том смысле, что он резрешил выдачу ссуд под залог всякой приобретаемой заемщиками надельной земли.

Несмотря на утверждение передовой печати, что новое правительственное законодательство, нормирующее крестьянские земельные отношения, является канцелярской выдумкой и не будет принято жизнью, оно не только не осталось мертвой буквой, а наоборот, сейчас же пустило глубокие корни в жизни.

О развитии процесса выхода из общины можно судить по следующим цифрам:

Годы.	Число домохозяев, заявивших требования, об укреплении земли в собственность. В тысячах.	Число домохозяев, окончательно вышедших из общины. В тысячах.
1907	211,9	48,3
1908	840,1	508,3
1909	649,9	579,4
1910	341,9	342,2
1911	242,3	145,6
1912	152,4	122,3
1913	160,3	134,6
1914	120,3	97,9
1915	36,5	29,9
Итого	2.755,6	2.008,4

Таким образом, за очень короткий срок заявили о своем желании выйти из общины более 25% всех дворов, считавшихся общинниками, и 20% из них действительно выделились, закрепив за собой 14.122,8 тыс. дес. земли. Как только закон стал известен, он немедленно нашел самый широкий отклик; максимум заявлений приходится на 1908 г., т. е. на второй год действия закона. В последующие годы число заявлений о выделе быстро падает под влиянием двух причин. Прежде всего все, у кого уже давно назрело желание выделиться из общины, поспешили использовать свое право в первые

же годы, а затем Закон 14 Июня 1910 г. сделал для значительной части крестьянства излишними требования о выходе из общины, а именно для тех, которые лишь формально числились общинниками, а фактически никогда переделов не производили. По определению администрации численность дворов в таких общинах, которые никогда не производили переделов, определялась в 3,5 милл., т. е. составляла около $^1/_3$ всех дворов, числившихся общинниками. Сюда подошло большинство помещичьих крестьян нечерноземной полосы России. Из их среды к 1 января 1916 г. получили удостоверительные акты 469,8 тыс. дворов, коим принадлежало 2.796,4 тыс. десятин./

Редакция Указа 9 Ноября 1906 г. была такова, что выделение из общины было выгодно для всех, кто мог опасаться, что ближайший передел сократит их землепользование. Сюда могли относиться не только те семьи, в составе коих число разверсточных единиц сократилось, но и те семьи, в которых оно осталось неизменным или даже недостаточно по сравнению с другими семьями возросло. И действительно, одним из мотивов выделенения из общины было желание закрепить за собой побольше земли. Но этот мотив совсем не имел преобладающего значения. Ближайшее исследование процесса выделов показывает, что в среднем выделяющиеся из общины скорей владели меньшими наделами на хозяина, чем большим, по сравнению с односельчанами, оставшимися верными общине. Это связано с чрезвычайной разнородностью мотивов, которые склоняли крестьян выходить из общины. В общем, к выходу тяготели наиболее дифференцированные элементы. С одной стороны, спешили выделиться наиболее состоятельные, инициативные и культурные элементы, нередко прежние руководители освободительного движения. Их наиболее тяготила зависимость их хозяйственной деятельности от малоподвижного мира. Едва ли не в большинстве случаев, они стремились устроить свою землю, собрать ее к одному месту, и это свое намерение они осуществляли или немедлено, или спустя некоторый промежуток времени. Но на другом полюсе из общины выделялись хозяйственно-слабые элементы или элементы, предполагавшие порвать со своим прежним местожительством. Слабые хозяева, поскольку они с сельским хозяйством не желали порывать, имеют ввиду продать часть своего надела, чтобы тем лучше наладить свое хозяйство на оставшейся части надела. Многие из них окончательно ликвидируют свое хозяйство, имея другие профессии, а иногда просто по болезни, пьянству или расточительности. Очень значительный контингент выделяющихся на севере представляли городские рабочие, уже срос-

шиеся с городской жизнью и спешившие с продажей земли окончательно ликвидировать свою связь с деревней. Землю продавали переселенцы, добывавшие себе, таким образом, средства для устройства на новых местах. Ее продавали также хозяева, приобретавшие землю от крестьянского банка, которым представлялось более выгодным переселиться на вновь приобретенную землю, ликвидировав прежнюю надельную землю и использовав полученные средства для лучшего оборудования нового хозяйства. Распад общины особенно стремительно шел там, где, как, напр., в Белорусских губерниях, в Приозерных, она не имела исторических корней, и можно сказать, была населению навязана законодательством, а также в степных районах, где население было наиболее дифференцировано.

По официальным данным к 1 января 1913 г. 581,0 тыс. дворов продали 2.153,4 милл. ее надельной земли. Ввиду того, что значительная часть сделок ускользает от официальной регистрации, означенные цифры, вероятно, должны быть увеличены раза в $1^1/_2$. Самый процесс мобилизации имел тенденцию разростаться. Хотя среди продавцов преобладали продающие сразу весь надел, тем не менее средний размер продаваемого участка, 3,71 дес., был очень мал, и это показывает, что ликвидировали землю малоземельные, которые все равно не могли-бы вести на нем нормального хозяйства. И действительно, из ликвидировавших землю значительно большая часть и раньше не вела земледельческого хозяйства.

Процесс мобилизации надельной земли происходил в том отношении в мало благоприятных условиях, что, несмотря на действие указа 15 Ноября 1906 г., кредит под мобилизованные надельные земли остался неорганизованным. Крестьянский Банк оказался слишком громоздкой централизованной организацией, чтобы наладить подобный кредит. Это могло иметь последствием концентрацию, поступающих на рынок, надельных земель в немногих крепких руках, могущих сразу выложить за землю деньги. Это, однако, все же не имело места. По официальным данным на 100 продавцов приходится 95,6 покупателей. Если даже принять во внимание возможную неточность официальных данных, то все же приходится признать, что о какой-нибудь заметной концентрации надельной земли на основе ее мобилизации не может быть и речи. Земля переходила преимущественно в руки малоземельных односельчан. Только в некоторых юго-восточных губерниях, где крестьянство сильно дифференцировано, как, напр., в губ. Самарской и в особенности в Ставропольской, можно было констатировать концентрацию мобилизованной земли в крепких руках.

Если, таким образом, процесс разложения общины под влиянием нового аграрного законодательства пошел весьма интенсивно, то все же известная часть крестьянства, в особенности в центре России и на среднем Поволжье, и сплошные массы крестьянства северо-востока, поскольку они еще не успели сильно вовлечься в меновые отношения, продлжали держаться за общину, и новое законодательство было пока бессильно ее расстроить. В этих общинах даже и после имевших место выделов, переделы, как показала анкета Вольного Экономического Общества от 1911 г., продолжали практиковаться [1]).

Если выход из общины существенно изменял сложившийся социально-экономический строй крестьянской жизни, то еще более глубокую революцию производило землеустройство в его хозяйственной жизни. Даже выделение пахотной земли к одному месту, сопровождаемое обычно прекращением пользования общим пастбищем, обозначает собою коренной перелом в прежних хозяйственных порядках, и еще более глубокий перелом обозначает переход на хутора. Однако, и эта правительственная реформа, которую передовое общество признавало совершенно надуманной, совершенно искусственной, имела исключительный успех. К 1 января 1916 г. имелось уже 1.221,5 тыс. дворов, устроенных отрубами и хуторами на 11.882,2 тыс. дес. надельной земли, причем $^2/_3$ указанного числа дворов приходится на разверстанных в составе целых селений и, одна треть приходится на групповые и одиночные выделы. Почти столько же дворов, 1139,0 тыс. с 8107,0 тыс. дес. земли, были затронуты групповым землеустройством. Этот колоссальный, принимая во внимание новизну и сложность дела, размах землеустроительных работ стимулировался запросами самого земледельческого населения, требованиям коего правительство не могло удовлетворить за отсутствием у него достаточного кадра технических сил.

Политика поощрения частной собственности и освобождения от принудительного севооборота на надельных землях должна была, конечно, окрасить соответствующим образом и деятельность крестьянского банка. Наибольшей свободой в устроении крестьян по своему усмотрению Банк располагал при распродаже им своего земельного фонда. Еще в 1906 и 1907 г.г. единоличные покупки не играли ни-

[1]) И. В. Чернышев. Община после 9 ноября 1906 г. (По анкете Вольного Экономического Общества). Петроград 1917 г.

какой роли при распродаже земельного фонда Крестьянского Банка, в 1908 г. единолично было распродано более трети земли, в 1909 г. уже слишком $^3/_4$, а в последующие годы без малого $^9/_{10}$ распродавалось в единоличную собственность. В общем, за период с 1906 г. по 1 Июля 1913 г. было передано в единоличную собственность ровно 75% всего распроданного фонда. Земли, передаваемые единоличным покупщикам, предварительно разверстывались на отруба и хутора, иногда на них производились кое-какие мелиорации, и Банк стремился поощрить покупщика к переселению на новые земли.

Труднее было воздействовать на формы землевладения при приобретении крестьянами земли от землевладельцев при посредничестве Банка. В этих случаях имело значение, то обстоятельство, что для крестьян, согласных приобрести землю в единоличную собственность, Банк соглашался понизить доплаты ниже 10%, а при условии переселения на вновь приобретаемую землю, Банк совершенно освобождал покупщиков от доплаты. С 1912 г., благодаря этим мерам и, может быть, благодаря успехам идеи землеустройства среди крестьян, и по посредническим операциям Банка более $^1/_3$ земли переходила к крестьянам в единоличное владение. За весь период с 1906 г. по 1 июля 1913 г. из общей площади земли перешедшей к крестьянам при посредичестве Банка, без малого $^1/_6$ часть (15,7%) перешли в единоличную собственность. А из всей земли перешедшей к крестьянам, измеряемой площадью в 8.025 тыс. дес., на единоличную собственность приходится 3.205 тыс., т. е. почти ровно 40%.

Какое бы существенное значение ни имел упорядоченный аграрный строй для успешного развития сельского хозяйства, но все же он является только прочной основой для этого развития; для него необходимы еще другие предпосылки, в том числе капитал, материальный и духовный.

Переселенцам на новых местах, покупщикам земли у Крестьянского Банка, крестьянам, переверстывающим свою землю, правительство выдавало некоторые ссуды. Но они были, конечно, недостаточны Только на основе кооперации можно было действительно обеспечить крестьянское население кредитом. Это правительство понимало. Но боясь ослабить свою власть, опасаясь всякой организации демократии, правительство занимало двойственную позицию по отношению к кооперации. Оно, с одной стороны, считало необходимым не только поддерживать сельско-хозяйственную кооперацию, но и ее активно развивать, но, с другой стороны, оно стремилось ее

удерживать под своей опекой, ставя препятствия к ее внутренней консолидации.

Новое Положение об учреждениях мелкого кредита, изданное 7 июня 1904 г., когда революционное движение еще не получило достаточного развития, нельзя назвать либеральным. Оно оставило разрешительный порядок для возникновения новых учреждений мелкого кредита. Но предоставив вновь учреждаемым Губернским Комитетам по делам мелкого кредита право утверждать уставы вновь возникающих товариществ, оно значительно ускорило и облегчило их устройство. С своей стороны правительство сильно стимулировало кооперативное движение созданием значительного кадра инспекторов мелкого кредита (400 человек к 1912 г.) и ассигнованием значительных кредитов из Государственного Банка прежде всего на первоначальные займы кредитным товариществам к моменту их основания, а затем и на последующие займы учреждениям мелкого кредита. Деятельность инспекторов мелкого кредита падала теперь после умственного движения, вызванного в народе событиями 1905 г., на благодарную почву. Рост русской кооперации после 1905 г. даже на западно-европейский масштаб следует признать необычайным. К 1 января 1914 г. число учреждений мелкого кредита превысило 13 тыс., а численность членов в них 10 милл.; подавляющая масса этих учреждений были сельскими, ибо городские товарищества, кроме западных окраин, развивались в России слабо.

В Западной Сибири и в многоземельных северных губерниях сельско-хозяйственная кооперация находит себе специфический базис в маслодельных артелях, причем и здесь первые артели были созданы по инициативе правительственных инструкторов и с правительственными ссудами.

В широком росте кооперативных учреждений, возникавших часто хотя бы и не по местной инициативе, не было ничего искусственного. Об этом можно судить по тому, что правительственные средства являлись для сельских кредитных товариществ важной поддержкой в первый момент жизни, но в дальнейшем они быстро пускали свои корни на месте и умели привлечь местные средства. К середине 1912 г. Государственный Банк ассигновал на 100,9 милл. рубл. ссуд учреждениям мелкого кредита, сверх того из средств государственных сберегательных было ассигновано 19,6 милл. и из средств Управления по делам мелкого кредита 2,1 милл.; использовано было фактически 69 милл. Хотя эта цифра значительна, но суммы, собираемые товариществами на местах, во много раз ее превосходят, как можно су-

дить по данным о суммах местных вкладов и займов в товариществах, по которым имеются отчетные данные:

	На 1-ое января.		
	1912 г.	1913 г.	1914 г.
	Миллионы рублей.		
Ссудосберегат. тов.	154,3	173,2	224,7
Кредитные тов.	87,9	135,0	199,2
	242,2	308,2	423,9

Мы видим, что не только ссудо-сберегательные товарищества, которые возникают в среде более состоятельного крестьянства окраин или в городах, но и кредитные товарищества, которые возникают исключительно в сельских местностях и в среде малосостоятельного крестьянства, и последние даже в более быстром темпе, чем первые, концентрируют у себя местные средства, далеко превышающие правительственные ссуды.

К 1 июня 1914 г., т. е. накануне войны, по рассчету на одного члена средства русских учреждений мелкого кредита распадались следующим образом:

	Руб.	В %-ах.
Собственные средства	10,6	12,5
Правительственн. средства . . .	16,2	19,2
Привлеченные »	53,3	63,1
Прочие . . .	4,4	5,2
Итого . . .	84,5	100,0

Эти данные показывают, что накануне войны правительственные средства составляли несколько менее $^1/_5$ части оборотных средств кредитной кооперации. Значение правительственных займов для товариществ шло на убыль. Еще менее зависела от правительственных займов богатая маслодельная кооперация.

При оценке воздействия правительства на кооперацию необходимо иметь ввиду две стороны. Правительственные займы, в особенности первоначальные кредитным товариществам, и контроль инспекторов делали эти учреждения зависимыми от чиновников. Это подгоняло живое дело под известный шаблон и тормазило новые начинания. Эта отрицательная сторона правительственного воздействия на кооперацию обращала на себя внимание и кооператоров, и общества и вызывала против себя постоянные протесты.

Но была и другая сторона правительственного воздействия на сельскую кооперацию, которую общество не оценивало. То обстоятельство, что кредитные товарищества основывались сначала на казенные средства, а часто и по инициативе инспекторов мелкого кредита, т. е. чиновников, создавало у каждого крестьянина презумцию, что он имеет право быть включенным в состав его членов. Правительственная помощь была важнейшей причиной, почему, в противоположность предшествующей эпохе, русская кредитная кооперация перестает быть достоянием деревенских верхов, почему она демократизируется по составу своих членов, вбирая в себя всю толщу не только среднего, но и малосостоятельного крестьянства, поскольку последнее еще владеет собственным хозяйством.

Так как кредитная кооперация является в бедной капиталами стране, подобной России, необходимым позвоночным столбом всей сельско-хозяйственной кооперации, правительство упорно стремилось не выпускать ее из под своей опеки. В этих видах оно крайне не охотно разрешало союзы учреждений мелкого кредита и во всяком случае не разрешало этим союзам финансовых операций; этим оно задерживало внутреннюю консолидацию кооперации. Ввиду того, что потребность в созданий центральных институтов кооперацией остро чувствовалось, правительство предложило Всероссийскому Кооперативному Съезду 1908 г. создать правительственный банк для учреждений мелкого кредита с 80-и милл. основным капиталом. Но русская кооперация уже к тому времени сознала свою силу и отказалась продать за эту подачку свою независимость. Конкуррируя с правительством, некоторую опору сельской кооперации давали в некоторых губерниях земские кассы мелкого кредита. Но, после нескольких лет борбы, правительство вынуждено было признать, что детище, в значительной мере им вскормленное, невозможно больше держать в пеленках. С 1911 г. оно начинает разрешать открытие местных союзов учреждений мелкого кредита с финансовыми функциями и утверждает устав Московского Народного Банка, ставшего финансовым центром всей русской кооперации.

На первые годы войны падает недолговременный высший расцвет, ставшей вполне самостоятельной русской кооперации. Сибирские маслодельы еще раньше создали свой союзный центр и вскоре выступили под его эгидой даже на международный рынок.

Кроме материального капитала для успешного развития крестьянского хозяйства необходим известный духовный капитал, в виде сельско-хозяйственных знаний, базированных на известном умствен-

ном развитии. Общественная агрономия, в виде организации агрономической службы, сети показательных полей, лекций и курсов является наиболее прямым путем для того, чтобы заставить работать крестьянскую мысль и пробудить инициативу крестьянства в сфере сельского хозяйства. В этой области размах работы и земства, и правительства в эпоху контр-революции исключительно широк, так что во многих отношениях ему не соответствовали имевшиеся в России в наличии культурные силы. И земство, и правительство стремились как бы наверстать свое, десятилетиями длившееся, невнимание к развитию крестьянского хозяйства. Так, численность правительственного агрономического персонала повысилась за пятилетие от 1907 г. до 1912 г., с 141 до 1.365, земского персонала с 593 до 3.266. До 1905 г. земства имели губернских агрономов, некоторые имели уездных агрономов. После революции ставится вопрос об организации близкой к крестьянству участковой агрономии, и к 1913 г. существовало уже 1.726 агрономических участков. Деятельность агрономов падала теперь уже на более благодарную почву, ибо население уже получило известную организацию в кооперативах, а также в обществах сельского хозяйства мелкого района. Численность этих последних обществ, еще недавно совершенно ничтожная, уже к 1913 г. достигла 3.347 (считая в том числе лишь обнимающие территорию меньше уезда) и продолжала быстро расти. О развитии системы внешкольного сельско-хозяйственного образования можно судить по следующим данным: в 1905 г. число слушателей на сельско-хозяйственных курсах было 2 тыс., а в 1912 г. 58 тыс., в те же годы посетили сельско-хозяйственные чтения 31,6 тыс. человек и 1.046,0 тыс.

Инициатива в агрикультурных мероприятиях, в большинстве случаев, принадлежала земству, но она активно и щедро поддерживалась правительством. Однако, в одной сфере правительство взяло инициативу на себя. Оно решило создать отдельную агрономическую организацию для помощи устроенным хозяйствам, и некоторое время развивались две параллельные агрономические организации, земская и правительственная, между которыми возникали трения. Этот параллелизм, связанный с некоторой лишней растратой сил, однако, шел к ликвидации; убедившись в достаточно внимательном отношении земства к устроенным хозяйствам, правительство стало передавать соответствующие кредиты непосредственно в руки земств, и уже к 1912 г. большая половина средств передавалась земствам.

Агрикультура связана с общей культурой,—это в конце-концов правительство поняло. В соответствии с этим прежние обскурантские

течения в правительстве после 1905 г. слабеют, и оно уже шло на утверждение в России всеобщего начального обучения.

Система аграрных мероприятий правительства встречала к себе враждебное или, во всяком случае, недоверчивое отношение со стороны демократического русского общества, искавшего опоры у крестьянства. Народнические партии были убеждены, что аграрный кризис может быть решен, и решен окончательно, лишь одним путем,—путем бесплатного распределения земли среди всех в ней нуждающихся; в общинном землевладении они усматривали палладиум русского крестьянства, в котором в зародыше таятся высшие формы социалистического строя, и своим призванием они считали оберегать этот палладиум. С известными оговорками и ограничениями ту же позицию занимала и конституционно-демократическая партия.

Для тех и других единая земельная реформа не могла разрешиться в систему аграрных мероприятий. Они хотели и были уверены, что могут «решить» аграрный вопрос, в то время, как правительство его предполагало возможным только «решать».

Более объективную оценку правительственная политика находила в русской марксистской литературе и со стороны русской социал-демократии. Последняя была очень далека от мысли, чтобы в распределении земли среди крестьян в соответствии с его потребительными нуждами усматривать решение аграрного вопроса, и лишь в пылу политической борьбы в целях завоевания симпатии крестьянства, она санкционировала его революционные аграрные выступления. Согласно своей программе, если социал-демократия и высказывалась за экспроприацию земли у высших классов, то не в целях ее распределения среди нуждающихся крестьян, а в целях наилучшего её использования в интересах народного хозяйства.

Отношение социал-демократии к общине совпадало с правительственным,—она считала его пережитком старого строя, тормазящим развитие производительных сил страны.

Тем не менее не могло быть речи о том, чтобы правительство могло найти в социал-демократии не только общую поддержку своей аграрной политики, но даже поддержку его отдельных конкретных начинаний, ибо между взглядами правительства на значение вновь создающегося слоя крестьянских частных собственников и взглядами социал-демократии не было ничего общего. Широка или узка должна была быть та социальная база, на которую пыталось опереться правительство, во всяком случае оно представляло себе мелких крестьянских собственников, как прочный, консервативный элемент. Напро-

тив, социал-демократия рассматривала процесс их выделения из толщи однородного крестьянства, как начинающийся процесс дифференциации. Она его приветствовала и была уверена, что этот процесс пойдет безостановчно и скоро приведет к образованию немногочисленного класса деревенской буржуазии, на одном полюсе, и многочисленного класса деревенского безземельного пролетариата, на другом полюсе. Играть активную роль в консолидации первого класса, конечно, не было в задачах социал-демократии, — её задача была организация сельского пролетариата во имя грядущего социального переворота. Таким образом, известное объективное отношение к правительственной аграрной политике не делало, конечно, русской социал-демократии ни в каком отношении союзником власти.

Для того, чтобы правильно оценить с народно-хозяйственной точки зрения правительственную политику, необходимо прежде всего выяснить, имели ли народнические партии действительный ключ для решения аграрного кризиса в своей аграрной реформе. Исходным пунктом народнической программы является вера в то, что земли в России много, и что, если её правильно поделить, то её хватит для безбедного житья всех в условиях натурального хозяйства. Отсюда проистекает крайне беззаботное отношение народнических партий к судьбам народного хозяйства. Вера в русское многоземелье подкреплялось примитивными арифметическими расчетами. Брали цифры о размерах земельной площади всей Европейской России и сопоставляли их со всем наличным сельским населением; ввиду многоземелья окраин результаты получались удовлетворительные, в особенности, если считать, что и леса могут пойти под крестьянские наделы. Далее ссылались на общественный факт, что в России население гораздо реже, чем в Западной Европе, следовательно земли в России много.

Однако, фактически превратить Россию во всероссийскую общину и переверстывать её во всероссийском масштабе нельзя даже при воплощении этой идеи в законе, хотя бы потому, что для этого пришлось бы сдвинуть с места десятки миллионов людей. В действительности каждый район, каждая губерния и даже каждый уезд должен на месте же решать свой аграрный вопрос. Переселения возможны лишь в самом ограниченном масштабе и лишь по направлению к окраинам. Аграрный вопрос фактически стоит остро только в определенных, хотя и весьма обширных районах,—это, главным образом, на северном черноземе между Днепром и Волгой. Об этом крестьянстве следовало бы конкретно и говорить. Обширные степи алекого юго-востока, а там менее северные леса и болота не могут

быть непосредственно использованы для увеличения наделов этого малоземельного черноземного крестьянства.

Что же касается того, что Россия повсюду является страной со сравнительно редким населением, то это само по себе ничего не говорит о её многоземелье. Население Западной Европы весьма густо— за счет её многочисленного городского и, вообще, промыслового населения; в России же общая густота населения не велика, именно потому, что малочисленно её городское и промысловое население. Мы иллюстрируем это следующим примерным исчислениями, относящимися ко времени до начала войны:

	Иностранные государства.	
	Число жителей на квадр. версту.	Десятин посевной площади на 100 душ сельскохозяйствен. населения.
Дания	80,4	126
Франция	83,4	105
Германия.	142,5	104
Венгрия	73,1	82
Австрия	109,8	66
Бельгия	294,7	58
Нидерланды	210,1	39

	Районы России.	
	Число жителей на квадр. версту.	Десятин посевной площади на 100 душ сельскохозяйствен. населения.
Средне-Волжск. губ. . . .	43,3	80
Средне-Черноз.	69	67
Малороссийск.	76,2	63
Юго-Западн.	92,4	48

Сопоставляя районы, где в России аграрный вопрос стоит остро, со странами средней Европы мы видим, что, хотя общая густота населения в этих районах и невелика, но, так как на Западе (кроме Австро-Венгрии) сельское население составляет меньшинство в составе всего населения, а в России оно составляет подавляющее большинство, в особенности в интересующих нас районах, то количество десятин посевной площади, приходящейся на 100 душ населения в Рос-

сии, на масштаб центральной Европы не велико, и это несмотря на то, что распашка в этих районах доведена до крайних пределов.

То обстоятельство, что в этих условиях сельское население Центральной Европы находится в удовлетворительном положении, между тем как в России оно бедствует, объясняется тем, что там народное хозяйство стоит на высшем уровне развития, и что сельское население умеет наличные рыночные условия хорошо использовать. Массы промыслового населения, конечно, не ухудшают, а улучшают положение сельского населения, ибо их наличность обусловлена широким развитием обрабатывающей промышленности и торговли, обслуживающих не только местные, а также широкие внешние рынки, и промысловое население является богатым потребителем производимых на месте, более ценных сельско-хозяйственных продуктов, дополнительно к зерну, подвозимому обычно со стороны.

Очевидно, что и рассматриваемые районы России не могут рассчитывать на дальнейшее обеспечение своего будущего на основе натурального хозяйства с сохранением примитивной техники, обеспечивающей лишь ничтожные урожаи, и при оставлении одной трети пашни не засеянной. Но интенсифицирование хозяйства возможно только с развитием народного хозяйства, с улучшением транспорта, с оживлением торговли, с ростом промышленности и городов в пределах тех же районов или в пределах соседних районов, с которыми первые находятся в тесном контакте. Уже это обязывает при аграрной реформе иметь прежде всего ввиду народно-хозяйственную точку зрения. Даже сравнивая различные русские районы, нельзя не заметить, что аграрный вопрос стоит менее остро как раз в самых густонаселенных юго-западных губерниях, выделяющихся за то хорошей постановкой сельского хозяйства и широким развитием сахарной промышленности, между тем как распределение землевладения для крестьян здесь менее благоприятно, чем в более восточных районах.

Внимательное отношение к народному хозяйству, как целому, тем более обязательно, что увеличение крестьянского землевладения за счет земли частных владельцев, как раз в районах обостренного аграрного кризиса, в лучшем случае не может быть столь значительным, чтобы оно могло компенсировать потери крестьянства от потрясения, а тем более от разрушения народного хозяйства.

Районы эти отличаются недостаточными размерами крестьянского землевладения не потому, что крестьяне там получили в надел малую часть земельной площади, а несмотря на то, что они по-

лучили большую часть земельной и в особенности пахотной площади, как можно судить по следующим данным:

Районы:	% площади, состоявшей в наделе от Всей земли.	Всей пашни.
Средне-Волжский	54,4	69,3
Средне-черноземный	56,5	63,6
Малороссийский	53,2	57,1

Таким образом, несмотря на усиленные стремления помещичьего класса удержать за собою побольше земли на северном черноземе ему пришлось большую часть культурной площади предоставить крестьянам, ибо крестьянское население уже в 60-ых годах было здесь довольно густо. За 45 лет до начала первой революции крупное землевладение заметную часть земли потеряло в пользу крестьян, и к тому времени соотношения были таковы (см. таблицу на след. стр.).

Мы видим, что в районе острого земельного кризиса вненадельная площадь за вычетом лесов к 1905 г. не была особенно значительна, составляя несколько более $^1/_8$ до $^2/_5$ от площади надельной земли.

Кабальная отработочная система могла здесь долго держаться, арендные цены могли здесь стоять на уровне, не соответствующем доходности земли в рамках крестьянского хозяйства, и все это губительно отражалось на благосостоянии крестьян, именно, потому что общая земельная площадь этого района уже не соответствовала густоте крестьянского населения при застое его хозяйства на чрезмерно низком уровне интенсивности.

Никакого коренного переворота в жизни крестьянства данных районов передача ему вненадельной земли вызвать не могла. Но без громадного вреда для народного хозяйства ликвидация всего частного землевладения, включая и ту ее часть, на которой было организовано рационально поставленное крупное хозяйство, было бы невозможно. Ликвидация свеклосахарных хозяйств Харьковской, Курской и соседних губерний не могла не обозначать и ликвидации важнейшей здесь свеклосахарной промышленности, от которой в сильнейшей степени уже теперь зависело благосостояние крестьянства, и от успешного дальнейшего развития которой оно зависело в будущем. Конечно, опыт впоследствии доказал, что трудности по перенесению свеклосахарной культуры на крестьянские поля не непреодолимы, но во

всяком случае эта задача может быть разрешена лишь долгой и систематической культурной работой, а не в порядке чисто механической перерезки земли. Но и ликвидация хотя бы менее интенсивных, но рационально организованных крупных хозяйств была бы существенным ударом для русского народного хозяйства, ибо эти хозяйства являлись важными источниками сельскохозяйственных продуктов для внутреннего и внешнего рынка и часто оказывали известное культурное влияние на соседнее крестьянское хозяйство.

РАЙОНЫ:	Свободная от леса площадь в тыс. десят.				В тыс. десят.			На 100 десят. надельн. приходится вненад. 5:8
	Частновладельческая	За вычетом земель трудов. владен.	Казенная и удельная.	Всего вненадельной земли.	Надельная	Купчая [2]	Всего 6+7	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Средне-Волжские (без Уфимск. [1])	5.318,4	4.027,0	692,7	4.719,7	11.996,9	1.291,4	12.583,3	37,5
Средне-Черноземный	7.657,0	5.705,1	163,6	5.868,7	14.294.5	1.951,9	16.246,3	36,1
Малороссийский .	4.644,1	3.491,2	102,7	3.593,9	7.187,8	1.152,9	8.340,7	40,7

Скорейший переход в руки крестьянства земель, сдававшихся в погодную аренду и обрабатываемых в порядке отработков крестьянским инвентарем, был с народно-хозяйственной точки зрения настоятельным. Но для того, чтобы эта сложная реформа, всегда дорогая, ибо она, во всяком случае, связана с ожесточенной и потому разо-

[1]) Оффициальная статистика включает в состав Средне-Волжских губ. и Уфимскую, но мы предпочли здесь ее исключить, как губернию, где площадь частного владения сравнительно слабо развита, и где крестьянство исключительно многоземельно.

[2]) Из общей крестьянской частновладельческой площади мы на круг одну треть, согласно данным земельной статистики, относим на крестьянское единоличное владенье площадью свыше 50 дес., а $^2/_3$ относим к трудовому владению. единоличному и коллективному; их мы считали свободными от леса. Трудовое владение других сословий оставлено в составе частно-владельческой земли. Об увеличении крестьянской пашни за счет лесов в рассматриваемых районах не может быть речи.

рительной классовой борьбой, могла вывести народное хозяйство на путь преуспеяния, должна была бы иметься гарантия, что земля попадет в руки тех, которые ее используют в соответствии с интересами народного хозяйства, Реформа ни в коем случае не должна была противоставляться крайне назревшему процессу интенсивирования крестьянского хозяйства. и крестьянское землепользования должно было быть реформировано для предупреждения дальнейшего развития перенаселения. Народническая реформа, основанная на «праве на землю», стоявшая на потребительской, а не производственной точке зрения, совершенно указанных гарантий не давала. Сплошная прирезка всех земель частного владения к наличным сельским обществам делала возможным лишь самое экстенсивное их использование—более экстенсивное, чем даже наличного фонда надельных земель. А укрепление общинного принципа, в связи с созданием государственного земельного фонда, обеспечивало дальнейший рост крестьянского населения без соответственной перестройки народного хозяйства, т. е. дальнейшее развитие перенаселения.

Аграрная реформа конституционно-демократической партии при смягчении некоторых деталей народнической программы, особенно вредных для народного хозяйства, по существу оставалась на той же основе.

Переходя теперь к оценке очерченной выше правительственной аграрной программы, мы прежде всего должны подчеркнуть, что положительное или отрицательное народно-хозяйственное значение ее не предопределяется еще ее связью с классовыми интересами, защищаемыми властью. Эта связь не подлежит сомнению, и русская передовая публицистика тратила слишком много сил на ее выявление. Странно было бы думать, что дворянство так жадно цеплялось за власть в целях принесения своих интересов в жертву интересам крестьян, а не в целях обороны своих интересов. Но дворянство, стоя у власти, ведь всегда блюло свои интересы. Оно их защищало и тогда, когда в течение 45 лет упорно оберегало в неприкосновенности тягловую организацию крестьянства в общине, и только в увеличении политической борьбы можно было правительственную аграрную политику до 1906 г. противопоставлять, как государственную, его последующей политике, как классовой. Субъективно политические деятели почти всегда считают и искренно считают себя представителями государственных и народных интересов, и на силе этого морального убеждения зиждется сила их влияния на окружающих, но тем не менее их убеждение является всегда отражением самосознания тех

классов, которые они сознательно или бессознательно представляют. Если дворянство в свое время защищало общину, а в последующую эпоху резко повернулось против нее, то, очевидно, что оба направления политики, оставаясь классовыми не могут быть одинаково согласованными с интересами народного хозяйства или одинаково им противоречащими.

Точно также, с точки зрения экономиста, то обстоятельство, что известное направление экономической политики продиктовано демократией, нисколько не предрешает ее согласованности с интересами народного хозяйства, а следовательно и с интересами этой самой демократии. И руководители демократической политики могут искренно и убежденно ошибаться и вести демократию по ложному пути, для нее опасному.

Мы не будем здесь оценивать также аграрной политики правительства с точки зрения тех приемов, с помощью которых она проводилась. Правительство, проводя ее, многократно нарушало или явно извращало смысл им же октроированной конституции; многие мероприятия проводились старыми полицейскими приемами, далеко не благоприятствовашими укреплению в населении духа законности, который следовало-бы упрочивать в русской деревне, а не расшатывать. С точки зрения политической это дало свои горькие плоды. Но в наши задачи не входит оценка провительственной политики с этой стороны наша задача состоит в оценке реформы с экономической точки зрения.

Нельзя также придавать решающего значения при оценке реформы дефектам в технической ее организации. При грандиозности размаха реформы и при бедности России культурными силами, эти дефекты не могли не быть, но все же они не могли аннулировать значения реформы, если общее ее направление мы признали бы правильным.

Исходя из сказанного, попытаемся прежде всего оценить результаты правительственной политики в сфере мобилизации земли. С точки зрения народного хозяйства было-бы желательно, чтобы весь фонд арендных земель перешел в руки того крестьянского населения, которое им пользовалось. Только тогда создались бы нормальные условия для его использования в порядке более нормального хозяйства, и в то же время землевладельцы лишились бы возможности в своих интересах эксплоатировать земельную нужду окрестного крестьянского населения. Такая задача могла быть достигнута или прямым путем принудительного отчуждения, или косвенным путем ре-

гулирования аренды,—путем, которым четверть столетия назад пошло в Ирландии английское законодательство. Эти пути были для правительства неприемлемы, ибо они не согласовались с интересами дворянства. Правительство признало возможным лишь придти на помощь крестьянству в приобретении той земли, которую крупные землевладельцы добровольно соглашались продать. Этим в классовых интересах ставились известные границы мобилизационному процессу.

Тем не менее мобилизационной процесс без внешнего давления со стороны власти, но под сильным внешним давлением революционных событий, получил большой размах. В руки крестьян при содействии Крестьянского Банка перешло в период 1905 г. до второй революции около 10 миллионов десятин земли, не считая значительной площади, перешедшей в руки крестьян помимо Крестьянского Банка, хотя и в последнем случае покупатели бывали часто трудовые элементы. Означенные 10 миллионов десятин обнимают более 20% вненадельной культурной площади. Этот мобилизационный процесс в первые годы после революции получил большой размах. Но позже он стал замирать еще до того, когда, с точки народно хозяйственных интересов, его надо было считать завершенным.

Спрашивается теперь, какие земли продавались, в чьи руки они попадали, и на каких условиях?

Что касается характера продаваемых земель, то все данные говорят за то, что свободный мобилизационный процесс действовал, вообще, в полном соответствии с интересами народного хозяйства. Кабальные формы аренды и сами собой изживались уже накануне революции. Истощение арендных земель хищнической культурой и разорение арендаторов делали ненадежной всякую дальнейшую попытку к поднятию арендных цен. Если арендатор на повышенный платеж и соглашался, то получить условленную арендную плату становилось все труднее. Обработка помещичьей земли крестьянским инвентарем, и в особенности в порядке отработков, исключает всякий технический прогресс. А между тем, с повышением в текущем столетии цен на сельско-хозяйственные продукты, создались условия, благоприятныя для перестройства хозяйства на более интенсивной основе, для извлечения из земли повышенной ренты. Поэтому и до революции владельцы имений, которые обладали известным запасом капитала, знаний и энергии, перестраивали свои хозяйства на новый лад, заводили собственный инвентарь и переходили к обработке земли с помощью постоянных рабочих. Другие передавали свои имения капиталистическим арендаторам, могущим вести подобное хозяйство.

Поскольку-же не представлялось возможности повысить ренты указанными путями, было выгоднее продать землю, чем продолжать расхищение ее естественных сил погодной арендой. Революционное движение направилось с особенной силой против имений, практиковавших кабальные формы аренды, и именно они стали массами ликвидироваться. Этим объясняется и указанное выше географическое расположение мобилизованной земли. Мобилизационный процесс оказался наиболее интенсивным в районах господства кабальной аренды, где в то-же время крестьянское движение имело погромный характер.

В вопросе о надлежащем подборе покупщиков свободная мобилизация земли имеет несомненные преимущества, по сравнению с передачей земли из рук в руки в порядке государственно-правового акта, в целях удовлетворения потребительных нужд. В первом случае покупщик, обязуясь платежем, тем самым дает гарантию того, что он использует землю в соответствии с наличными условиями народного хозяйства. Земля есть орудие производства, имеющееся у общества в ограниченном количестве, а потому гарантия надлежащего ее использования при ее мобилизации должна быть дана, и в пределах свободного менового строя другой гарантии, кроме обязательства платежа не может быть. Бесплатная раздача земли допустима только во вновь колонизуемых районах, где земля лежит еще втуне и не имеет ценности, но она не допустима при внутренней колонизации. Можно отрицательно относиться к тому, что земельные платежи присваиваются лицами, не имеющими никакого отношения к организации производства, но это еще не дает основания отрицать целесообразность взимания платежа, соответствующего данным условиям народного хозяйства. В соответствии с этим сторонники национализации земли на Западе были сторонниками взимания с пользователей землей в пользу общества платежа, соответствующего условиям народного хозяйства. На том же принципе строилась программа муниципализации земли русской социал-демократии. Наоборот, программа народнических партий предусматривала бесплатную раздачу земли, а программа дополнительного наделения, если и имела ввиду взимание платежей, то без всякого соотношения с нормальной при данных условиях народного хозяйства доходностью земли. Постольку правительственная политика, основанная на возмездной передаче земли крестьянству, давала гарантии надлежащего использования земли, которых народнические программы совершенно не давали.

И так, мобилизационный процесс привел к переходу земли из рук плохих хозяев не в руки всякого случайного крестьянина, а в

руки тех, кто брался отвечать перед народным хозяйством за надлежащее ее использование. Но, теперь является вопрос: были ли эти хозяева, выделившиеся из среды крестьянства, богатые единицы, или это были рядовые крестьяне? Содействовал ли Крестьянский Банк созданию средней крестьянской буржуазии или трудовых крестьянских хозяйств? Каковы-бы ни были сокровенныя желания власти, но стихийный процесс аграрной эволюции вел к укреплению трудового хозяйства. О земельном обеспечении покупщиков Банка в различные периоды его деятельности можно судить по следующим данным [1]):

Периоды.	% покупателей. Безземельных.	Имеющ. до 3-х дес. на мужск. душу.	Свыше 3-х десят.
1855—1903	10,9	61,5	27,6
1906—1908	8,9	70,6	20,5
		до 9 десят. на двор	свыше 9 дес. на двор
1906—1912	16,3	68,4	13,3

В частности по данным 1912 г. среди покупщиков земли было безземельных—19%, имевших до 3-х десятин на двор—30%, имевших от 3—6 десят.—23%, от 6—9 десят.—12%, от 9—15 десят.—11% и свыше 15 десят.—4%. «С течением времени», говорит сторонник народнической программы решения аграрного вопроса и горячий противник правительственной политики, Н. П. Огановский, «в их (покупщиков) среде все большее значение приобретает без- и малоземельные, в особенности первые» [2]). Очевидно, эпоха «ставки на сильных» ничего в этом стихийном процессе устремления малоземельного крестьянства к земле изменить не могла». Еще определеннее выражается более умеренный противник правительственной политики: «Банк делал именно то, что следовало, — помогал в приобретении земли, главным образом, менее обеспеченным землей элементам» [3]).

---

[1]) Н. П. Огановский. Индивидуализация крестьянского землевладения. Москва, 1917, стр. 51.

[2]) Там же.

[3]) А. Кауфман. Аграрный вопрос, ст. 114.

К созданию какого же типа хозяйств привела деятельность Банка? Большая часть земли перешла к крестьянам в порядке коллективных покупок. В этом случае покупщики за период 1908—1912 г. владели в среднем 5,8 десятин и приобретали в среднем 5 десят. на двор. Следовательно, в их среде в результате покупки получаются лишь обычные трудовые хозяйства. У единоличных покупщиков, которые сильно преобладали среди крестьян, раскупивших земельный фонд Банка, было в среднем только 3,4 десят. на двор, приобретали же они в среднем 12,9 десят. После покупки у большинства из них (55,6%) имелось все-таки менее 15 десят. на двор, но у 30,3% получалось уже 15—25 десят., а у 14,4% даже больше 25 десят. Из этого Н. П. Огановский делает вывод, что «после покупки почти половина их (44,4%) сразу превращается в многоземельную, «мелкую буржуазию» (свыше 15 десят. на двор)» [1]). Этот вывод, относящийся к значительному меньшинству единоличных покупщиков земли, нельзя признать правильным. Необходимо заметить, что большинство их через некоторое время продают свою надельную землю и переселяются на вновь приобретенные участки, вследствие чего их землевладение сокращается. А затем хозяйства, располагающие 15 и более десятинами, в большинстве случаев к наемному труду не прибегают, а если меньшинство их и прибегает, то в очень ограниченной степени [2]). Решительность заявления Н. П. Огановского вытекает из народнического взгляда, что земля должна быть возможно более равномерно распределена. Между тем с народно-хозяйственной точки зрения целесообразным является развитие хозяйств, не полу-пролетарских, а способных вполне использовать труд семьи, дающих избытки продуктов для рынка и создающих рынок для продуктов промышленности. Даже 25 десятин—небольшая земельная норма для таких хозяйств, а с более широким распространением пользования сельскохозяйственными машинами, эта норма должна возрасти. Таким образом, и эту небольшую часть, вновь возникающих при содействии Банка, многоземельных хозяйств нельзя исключать из числа трудовых, как это и думает А. А. Кауфман. «Ясно», говорит он, «что при содействии банка создавались, в самом деле, *крестьянские*, *трудовые* (курсив А. А. Кауфмана) владения, при чем большая часть их по своим размерам приблизительно отвечает «трудовой

[1]) Индивидуализация землевладения, стр. 53.

[2]) См. Труды Коммиссий по подготовке земельной реформы. Вып. III. Доклад И. Д Кондратьева. О крупно-крестьянских хозяйствах.

норме» крестьянского участка». С этим мнением необходимо согласиться.

Крестьянскому Банку ставится в упрек, что он своим активным вмешательством в мобилизационный процесс в целях создания собственного земельного фонда поддержал в годы, последовавшие за революцией, земельные цены на известной высоте, между тем как без его вмешательства они несомненно бы упали. Утверждение это, вообще, правильно, но есть все основания сомневаться в том, чтобы в то переходное время крестьяне в сколько-нибудь значительной степени сумели бы использовать выгодные конъюнктуры земельного рынка, и чтобы своим вмешательством Банк принес им существенный вред. Подобно тому, как при распродаже национальных имуществ во время Великой Революции во Франции, наибольшие выгоды от подобного, протекающего в ненормальной обстановке, мобилизационного процесса извлекли бы представители денежного капитала — те, кто сразу могут выложить деньги за землю. Вмешательство Крестьянского Банка фактически предупредило лишь нездоровую спекулятивную горячку. К тому же, с введением, согласно указа 21 марта 1906 г., порядка платежа продавцам земли свидетельствами Банка, последние вынуждены были нести значительные убытки, обусловленные падением государственного кредита.

Крестьянский Банк в своем управлении был объединен с Дворянским Банком; в соответствии с этим он, конечно, соблюдал интересы продавцов земли во всяком случае не в меньшей мере, чем покупателей ее. Он был, как выражались в оппозиционной литературе, «двуликий Янус». В отдельных случаях при покупке земли имели значение и личные влияния. Тем не менее нет основания утверждать, что Банк, в общем, платил за приобретаемую землю свыше ее действительной, вытекающей из данной экономической конъюнктуры, ценности. В начале столетия в России не было экономических оснований для падения земельных цен. Цены на сельско-хозяйственные продукты повернули прочно в сторону повышения, железнодорожная сеть расширялась и улучшалась, пути технического процесса намечались все определеннее. Для падения цен имелись только политические причины, но никак не экономические. С отливом революционной волны экономические основания для поднятия земельных цен должны были себя дать знать. И действительно, в том, что повышение земельных цен вытекает из экономической конъюнктуры, а не из произвольной деятельности Банка, можно убедиться из сопоставления средних цен, по которым он продавал землю из своего фонда,

и средних цен, по которым крестьяне приобретали землю от помещиков при посредничестве Банка:

Годы.	Цены одной десят., купленной из имений Банка.	по посредническ. операциям.
1907	109	133
1908	117	139
1909	136	144
1910	123	140
1911	115	141
1912	121	145
1913 (6 мес.) . .	111	151
	121	141

В тех случаях, когда крестьяне приобретали землю непосредственно у помещиков, и когда рыночные конъюнктуры влияли независимо от Банка, цены определялись не низшие, а даже высшие, чем при приобретении земли из фонда Банка, который продавал свои земли с известной надбавкой в возмещение как произведенных мелиораций, так и своих убыточных операций.

Переходя теперь к условиям продажи земли, приходится сказать, что, поскольку речь шла о приобретении земли в условиях гражданской сделки, а не политического акта, крестьяне ее получали на льготных условиях. Крестьяне платили низший процент, чем сам Банк платил по своим обязательствам; возникавшие отсюда для Банка убытки покрывало казначейство. Срок выплаты был достаточно длинный. Таким образом, государство приносило некоторые жертвы в интересах укрепления крестьянства, — жертвы, которые конечно, в будущем должны были себя оправдать. Доплаты были сведены к минимуму или даже совершенно не имели места. В некоторых случаях выдавались ссуды на обзаведение. Даже если земельные цены при покупке могли казаться высокими, то улучшавшаяся экономическая конъюнктура делала оценку земли через несколько лет не чрезмерной. Этим объясняется, что все предсказания оппозиционной прессы о грядущем экономическом крахе Банка не оправдались.

Благодаря чрезвычайной дешевизне банковского кредита и его долгосрочности, платежи Банку стояли всегда значительно ниже арендных платежей. «Для тех, кому удалось купить землю при содействии банка, это было благодеянием: покупка значительно облегчила их положение — недаром клиенты банка проявляют такую изумительную

исправность в платежах»,—к такому выводу пришел цитированный уже противник правительственной аграрной политики, в результате объективного исследования развития деятельности банка [1]).

Таким образом, мы вынуждены признать, что правительству удалось в рамках свободного оборота организовать мобилизационный процесс значительного размаха в направлении, вполне соответствовавшем интересам народного хозяйства, и при том в интересах не привилегированной группы крестьян, а рядовых масс последних.

В течение трех десятилетий после освобождения крестьян правительство, располагая громадными запасами свободных земель в Азиатской России, не заботилось об использовании этих земельных богатств и всячески, в угоду дворянству, тормазило развитие туда переселения крестьян. Первое отступление от этой политики «собаки на сене» было сделано в 90-ых годах, и наконец, под впечатлением бури 1905 г., правительство приступило к серьезной организации переселенческого дела в полном соответствии с интересами и метрополии, и окраины. Тем не менее и эта политика, которую следовало считать одним из достижений революции, являлась предметом суровой критики. С одной стороны, утверждалось, что подъем переселенческой волны является искусственным, является результатом правительственного «рекламирования» переселения, и, с другой стороны, доказывалось, что переселение, вообще, не имеет существенного значения для ликвидации аграрного кризиса.

В действительности, переселенческому делу после 1905 г. кроме технических дефектов, вызванных быстрым ростом его, можно поставить в вину лишь одно: правительство в поисках переселенческого фонда слишком безцеремонно распоряжалось землями инородцев, в особенности киргиз. Земли, необходимые последним для того, чтобы получить возможность перейти от кочевого быта к земледельческому, у них отрезались. Это в революционную эпоху имело свои печальные последствия.

Что касается «рекламы» переселения, то правительство, действительно, пыталось отвлечь внимание крестьянства от его земельных вожделений на месте, но, конечно, самой важной «рекламой» были не зазыванья, а та реальная помощь, которую правительство стало оказывать пореселенцам. Она повела к тому, что, несмотря на непомерный подъем переселенческой волны, результаты переселенческого движения были благоприятнее прежних, что и отразилось на

[1]) А. А. Кауфман, стр. 121.

уменьшении процента обратных переселенцев. Что касается «рекламы», то если она имела какое-нибудь значение, от нее пришлось сейчас же отказаться, ибо правительство оказалось не в состоянии удовлетворить спросу переселенцев на участки.

Умаление значения переселения основывается на том, что размеры его сопоставляют с годичным приростом сельского населения и показывают, что даже при длительном удержании переселенческого движения на уровне $^1/_2$ милльона душ в год (чего в действительности не удалось осуществить), все же таким путем можно удалить из Европейской России лишь какую-нибудь $^1/_4$ ежегодного прироста сельского населения.

Эта критика исходит опять-таки из предположения, что будто бы существует единый способ решения аграрного вопроса, устраняющий необходимость во всяких частичных мероприятиях. А затем он предполагает, что будто бы в России имеется всеобщий аграрный кризис. Аграрный вопрос был повсюду поставлен в России в связи с политическим движением, тем не менее аграрный кризис существовал лишь в определенных районах России. Даже «рекламирование» переселения не могло вовлечь в переселенческое движение крестьянства очень широких районов России, как например, центральной промышленной полосы, севера и приозерного района. Переселение развивалось там, где в этом чувствовалась внутренняя потребность, а она существовала в центральной черноземной полосе и в Приднепровьи, но в этих районах его размеры были таковы, что они могли иметь уже существенное значение. За период с 1905—1910 г. переселение унесло из 10 губерний, наиболее им захваченных, без малого половину (44%) естественного прироста сельского населения.

За период с 1900—1910 г. в Полтавской губ., наиболее сильно захваченной переселением прежде всего в Сибирь, а затем и на земли Крестьянского Банка восточных губерний, прирост сельского населения против предшествующего десятилетия сократился почти в четыре раза, опустившись до 4,6%. Но переселение никогда не захватывает равномерно даже целых губерний, оно захватывает население гнездами—там, где кризис аграрного перенаселения чувствуется особенно остро,—где города и промыслы не оттягивают к себе избытки населения. Так, за трехлетие 1906—1908 г. переселение увлекало весь прирост сельского населения северных уездов Черниговской, а например в 1907 г. из Суражского уезда выселилось 5,9% населения, что слишком в три раза превышает годичный прирост.

Далее переселение увлекает наиболее нуждающихся в земле. Среди переселенцев сильно представлены безземельные элементы, и в среднем их землевладение втрое ниже нормы.

Какое же влияние оказала новейшая переселенческая политика на состав переселенческой массы? Льготы, представляемые переселенцам, и облегчения в пути дали возможность двинуться в Сибирь крестьянам далекого Приднепровья, для которого оно раньше было непосильно. А затем оно еще более усилило участие в составе переселенцев наиболее нуждающихся в земле элементов. По данным Челябинской и Сызранской регистрации за 1907—11 г. процент безземельных в составе переселенцев достиг 24,5%, переселенцы с наделами до 3-х десятин составляли 38,6%, с наделами от 3—6 десятин 21,0%. Таковы были результаты «ставки на сильных» в переселенческом деле.

Однако, мы признаем крайне односторонним господствующий способ оценки переселенческого движения исключительно только с точки зрения его воздействия на уменьшение избыточного населения в районах аграрного перенаселения. Переселение в очень короткий срок более $2^1/_2$ миллионов крестьян следует рассматривать, как важнейший шаг к использованию богатств русских окраин, к строительству внешнего рынка для русской промышленности.

Промышленность успешнее всего развивается, если она располагает внешними рынками. Под последними следует разуметь районы экстенсивного хозяйства, в которых труд и капитал в сфере сельского хозяйства и, вообще, добывающей промышленности отличается максимальной производительностью. Население этих экстенсивных районов отличается большой покупательной силой, эти районы являются богатыми покупателями товаров и выгодными поставщиками сырья для промышленности метрополии. Этот обмен промышленных районов метрополии с экстенсивными районами создает благополучие и тех, и других,—так творится народное хозяйство и так создаются в метрополии богатые городские рынки для более ценных продуктов местного сельского хозяйства, для продуктов животноводства и специальных культур для сахара и проч. Россия находится в этом отношении в счастливых условиях. Этих рынков не надо приобретать за кордоном хитроумными торговыми договорами, их не надо было завоевывать за океаном, их можно было создать у себя,—надо было только уметь вскрыть богатства окраин. В конце истекшего столетия Россия к этой работе только еще приступила, и это было не последнее средство для ликвидации ее аграрного кризиса, во всяком

случае не менее действительное и радикальное, чем дележ земли. С конца столетия стали развиваться экономические силы Кавказа с его нефтью, Туркестана с его хлопком, а Сибирь стала превращаться в много-обещающий район экспорта сельско-хозяйственных продуктов, как только его прорезала железная дорога. Вспомним стремительное развитие сибирского маслоделия.

Переброска миллионов крестьян в Сибирь имеет значение не только в том отношении, что эти миллионы, голодные в России, в Сибири будут сыты. Экономическое значение этого явления больше. Труд переселенцев на сибирском просторе становится во много раз производительнее, и эта высокая производительность их труда не безразлична для метрополии: переселенцы на новых местах становятся более ценными участниками русского народного хозяйства, чем они были на старых местах. Этого не дооценивали русские аграрные экономисты, ибо крестьянское хозяйство они иначе, как натуральным, себе не мыслили, а русского народного хозяйства, как единого целого, они себе не представляли.

Из всех мероприятий правительства наибольшие нападки вызывала его общинная политика. Картина рисовалась такая, что прежде правительство занимало по отношению к общине нейтральное положение, а теперь оно объявило ей войну. Если второе положение было правильно, то этого нельзя сказать, про первое. Политика, враждебная общине, сменила политику не только покровительства, но и ее искусственного закрепления. Положение 1861 г. юридически оформляло общину для помещичьего крестьянства Белоруссии, Приозерного района, значительной части промышленной полосы, где общинные переделы не производились. Крестьянство мариновалось в общине. Теперь правительство перегнуло палку в другую сторону. В деликатном вопросе о разграничении прав личности и общины, оно не заняло беспристрастной позиции. Вообще, правительство не стремилось смягчать неизбежные антагонизмы интересов между остающимися в общине и выделяющимися из нее, а наоборот, в первые годы после революции как бы разжигало эти антагонизмы, чтобы разбить, сплоченное прежде в общине, крестьянство. В этом состоит самая отрицательная сторона правительственной реформы, имевшая свои печальные последствия в позднейший период второй революции.

Редакция как Указа 1906 г., так и Закона 1910 г. таковы, что всем крестьянам, которым передел грозит уменьшением размеров землепользования, выгодно выйти из общины, причем община совершенно бессильна воспрепятствовать выделу. Кроме того, почти вся-

кий выходящий из общины мог добиться того, чтобы земля его была выделена к одному месту. Землеустроительные комиссии, в которых администрация и крупное землевладение имели решающее значение, отстаивали всегда интересы выделяющихся и отрезали им лучшую часть общинных земель. Пользование землей общинников, в связи с этим, становилось ненадежным, вследствие опасности передвижек земли для удовлетворения требований выделяющихся членов общины. Одновременно с этим община теряла прежнее значение для своих членов, так как с выходом многоземельных элементов малоземельные лишались надежды на увеличение своего землепользования в результате общего передела. Таким образом, та община, в которой выделы уже начинались, иногда против своего желания вынуждалась к переходу к частному владению. Наконец, в первые годы после издания указа 9 ноября администрация стремилась провоцировать выходы из общины.

Все эти факты правильно констатировались оппозиционной печатью. И тем не менее только в пылу политической борьбы можно было утверждать, что грандиозный процесс распада общины, вовлекший в свой круговорот более 2 миллионов дворов, является искусственным или даже вынужденным. Для всякого объективно мыслящего экономиста не может не быть очевидно, что в данном случае правительство опиралось на разрушительные силы, развившиеся в недрах общины еще задолго до создания нового законодательства, но встречавшие препятствия для своего проявления в прежнем законодательстве [1]).

Правительство указывало на связь Указа 9 ноября 1906 г. с актом 1861 г. Мы уже указали на преемственность, действительно связывающую оба законодательные акта. Но теперь мы должны указать, что между ними имеется еще более глубокая—экономическая связь. Они являются выражением, последовательными ступенями непрерывно идущего процесса превращения земли в частнохозяйственный капитал.

Освобождение крестьян в России, да и в других странах Европы, не было достигнуто одним только давлением снизу. Господствующий землевладельческий класс согласился на отказ от принудительного труда в тот момент, когда он убедился, что, не располагая принудительно народным трудом, он фактически будет располагать им или

[1]) Писатели марксистского лагеря это правильно оценивали. См. А. Е. Лосицкий, Распадение общины. Труды Вол. Экон. Общ. 1912 г. № 1—2.

продуктами его, если он закрепит за собой в значительной части важнейшее орудие производства—землю. Для того, чтобы такая уверенность существовала, население должно достичь определенной густоты, производительность и напряженность его труда — определенного уровня и потребности народа — определенной высоты. Тогда только земля превращается с частно-хозяйственной точки зрения в капитал, ибо только тогда труд придет искать ту землю, к которой ему надо приложиться; только тогда и стоит закрепить за собой землю без принудительного труда. Этот момент едва-едва наступил в средней полосе России для частного землевладения в 1861 г., и вот почему на освобождение крестьян большая часть дворянства шла с большими колебаниями, под давлением бюрократии, меньшинства дворянства, заинтересованного в реформе, и других классов.

Превращение в капитал надельных земель было искусственно задержано несоразмерными платежами, легшими на них. Но постепенно эти платежи уменьшались, и, в конце-концов, они были ликвидированы, а со сгущением населения появлялись рентные доходы от надельной земли. С вздорожанием цен на сел.-хоз. продукты эти рентные доходы значительно возросли, надельная земля окончательно уподобилась капиталу, и ее стало выгодно за собой закрепить; а когда правительство стало на сторону тех, кто стремился за собой закрепить землю, частичный распад общины стал неминуем. Итак, один и тот же хозяйственный процесс уподобления земли капиталу породил в своем последовательном развитии освобождение крестьян от помещиков и через 45 лет освобождение крестьян от мира.

Этим объясняется и география выходов из общины. Особенно быстро этот распад пошел на западе России, где община еще в 1861 г. была навязана крестьянству, а также на севере-западе России и в степной полссе, где, несмотря на юридические препоны, экономическая эволюция уже вложила частнохозяйственное содержание в общинные формы.

Что процесс разрушения общины был стихийный, а не искусственный, можно судить не только по громадному и стремительному эффекту указа 9 Ноября, но и по размерам землевладения, выходящих из общины. Если бы важнейшей причиной выхода из общины явилась представившаяся возможность унести из общины лишки земли, то из общины, преимущественно, выделялись бы многоземельные элементы. Между тем в действительности размеры землевладения выходящих были в среднем ниже нормы, и следовательно другие мо-

тивы выхода из общины играли, на ряду с указанным искусственным мотивом, первенствующую роль.

Попытаемся с народнохозяйственной точки зрения оценить процесс выхода из общины. Как мы видели, к выделу тяготели обе стороны дифференцировавшейся деревни: и те, кто тяготел к ликвидации хозяйства на месте, и те, кто стремился лучше укрепиться на месте. Что касается народнохозяйственной оценки выдела первой группы, то она зависит существенным образом от того, как мы оцениваем совершавшийся в связи с ним процесс мобилизации надельной земли. В результате выдела около 3 милл. дес. надельной земли переменили хозяина. Продавали землю обширные кадры переселенцев в Сибирь. Для них продажа земли являлась главным источником средств, которые нужны для устройства на новых местах. Если правительственная помощь явилась одной из причин неимоверного подъема переселенческой волны, то другой причиной явилась данная указом 9 Ноября возможность путем ликвидации надела сколотить средства на переселение. Нельзя не признать целесообразным, чтобы остающиеся участвовали в финансировании переселенцев; это выгодно для обеих сторон. Продавали землю также и покупщики земли у крестьянского Банка. Благодаря этому устранялось вредное хозяйничанье в двух местах, и вместо двух плохих создавалось одно хорошее хозяйство. Продавали землю городские рабочие, которые считали свое положение в городе достаточно прочным, чтобы ликвидировать свое сельское хозяйство. Благодаря этому сокращался тот ублюдочный класс полукрестьян-полурабочих, который столь характерен для России: грань между сельским и городским населением проводилась резче. И это было в интересах народного хозяйства. В России было достаточное предложение неквалифицированного труда, но чувствовалась всегда острая нужда в квалифицированных рабочих А достаточные кадры квалифицированных рабочих не могли создаться в стране, где дети рабочих воспитывались, большею частью, в деревне, а не в городе. Вопрос о том, представляет ли право на землю для рабочего ценность, пора было уже предоставить решению самого рабочего. Европейская жизнь уже выработала способы страхования рабочих, и помимо пресловутого права на землю, и даже отсталая Россия с 1912 г. вступила на этот путь.

Но едва-ли не большую часть продавцов составляли лица, не способные вести хозяйства, по отсутствию ли работников, по лени, по пьянству. Некоторые продавали часть земли, чтобы тем лучше укрепиться на остальной части надела.

В общем, в результате мобилизации земли исчезают те наделы, которые в порядке аренды ежегодно переходят из рук в руки, до тех пор, пока окончательно истощенные хищнической культурой, они не будут заброшены. Исчезают хозяйства слабых дворов, хозяйства сидящих на земле жен рабочих,—наиболее рутинные, являющиеся одним из важнейших тормазов для прогрессивного развития общинного хозяйства.

Но, может быть, именно при этой мобилизации надельных земель и осуществилась пресловутая „ставка на сильных"? Не происходило ли при этом концентрации земельных участков в крепких руках? Необходимо признать, что ликвидация надельной земли происходила в условиях неблагоприятных для продавцов и благоприятных, казалось бы, для богатых покупщиков. В вопросе об организации кредита под залог надельных земель правительство шло очень нерешительными шагами. Крестьянский Банк оказался учреждением недостаточно гибким для организации кредита под надельную землю, и мобилизация надельной земли шла, в общем, без организованного кредита. От опасностей ипотечного кредита, таким образом, надельная земля, в полном соотвествии с желаниями народнических партий, осталась избавленной. Зато при необходимости ликвидировать землю, в особенности, если эту ликвидацию надо было производить быстро, как напр., переселенцам, продавцы земли встречали не малые трудности [1]).

Однако даже и в этих ненормальных условиях „ставка на сильных" в одиозном смысле не была выиграна. За исключением юго-востока мобилизация надельной земли не имела следствием ее концентрации. Численность покупателей мало уступает численности продавцов, и рекрутируются они совсем не из многоземельных, а из малоземельных элементов деревни. Очевидно, что те мелкие чересполосные участки (в среднем 3,7 дес.), которые предлагались внутри общины, мало соблазняли ее состоятельные элементы, когда представлялась широкая возможность приобретать округленные участки вненадельной земли. «Итак», говорит Н. П. Огановский, «мобилизация наделов, несмотря на свое поступательное развитие, не может

[1]) Даже народнические писатели, встречаясь с подобными фактами, высказывают по их поводу правильные суждения, хотя и плохо согласуемые с их доктриной. «Эти и другие факты представляют длинную цепь аргументов в пользу организации ссуды малоземельным переселенцам под залог их наделов» Н. Огановский. Обновление земледельческой России и аграрная политика. Вып. I. Население и Переселенческий вопрос. Стр. 106.

внушать особых опасений, ибо она касается, с одной стороны, преимущественно, тех слоев крестьянства, которые земледелием не занимались и самостоятельного хозяйства не вели, с другой стороны, за исключением юго-восточных районов, не приводит к заметной концентрации надельной земли, путем скупки в немногие руки» [1]).

Если мобилизация надельной земли, перед которой с таким ужасом останавливалась народническая мысль, в действительности ничего страшного из себя не представляет, а наоборот, вполне соответствует интересам народного хозяйства, то тем более нормальным и согласованным с интересами народного хозяйства следует признать выдел крепких хозяев, стремящихся освободить себя из пут принудительного хозяйства. Правда, выделом земли в чересполосице эта цель не вполне достигается. Но значительная часть хозяев одновременно с выходам из общины выделяли свою землю к одному месту, а если значительная часть этого не сделали, то потому, что землеустроительные комиссии не успевали с этой огромной задачей справиться.

Землеустройство не только обеспечивает свободу хозяйственной инициативы, но ставит перед хозяином определенную задачу создания новой, не рутинной организации хозяйства, применительно к совершенно новым условиям. Волей-неволей землеустроенные хозяева должны были стать пионерами новой хозяйственной жизни. Таково было влияние землеустройства во всей центральной Европе, таковым оно было и в России, несмотря на короткий срок существования землеустроенных хозяйств. Если в России народнические писатели утверждали, что $1^1/_2$ миллиона дворов вышли на хутора и отруба, не из сознания выгоды, а лишь по принуждению начальства, то и это можно объяснить лишь крайним увлечением политической борьбы лишившим их способности объективно оценивать факты действительности.

Выходы из общины и землеустройство расстраивали жизнь общины. Однако, поскольку она на востоке еще соответствовала потребностям среднего, малововлеченного в обмен крестьянства, она еще держалась и даже исполняла свои передельные функции. Если бы община оказалась способной перестроиться в соответствии с тресами менового хозяйства, то пути жизни и для нее еще не были бы закрыты.

---

[1]) Землеустройство Новый Энциклоп. Слов. Брокгауз—Ефрона, т. XVI.I, стр. 563.

Итак, если не касаться форм проявления правительственного законодательства об общине, а лишь его существа, то результаты его следует признать для русского народного хозяйства благоприятными.

Об отношении правительства к кооперации мы указали выше. Отрицательный момент этой политики,—стремление к ее опеканию, стоял в теснейшей связи с активной помощью ей и с вовлечением в круг ее действия всего рядового крестьянства. Точно также и стремление правительства к усилению агрономической помощи землеустроенным хозяйствам явилось новым стимулом для расширения агрономической организации на благо всего русского крестьянского хозяйства.

Каковы бы ни были намерения правительства, но все развитие аграрной реформы показывает, что она была использована не какими-либо привиллегированными группами, а широкими массами крестьянства. И это нисколько не должно нас удивлять, ибо позиция трудового крестьянства, раз оно только пользуется известной культурной поддержкой, а не намеренно ее лишается, и раз кооперативному объединению его не ставятся препятствия, является незыблемой. Никто больше крестьянина не может выработать ценностей из земли, а при правильно организованном кредите земля тяготеет именно, к трудовому крестьянству. Дифференциация крестьянства неизбежна, но она при нормальном развитии народного хозяйства, идет совсем не в том направлении, в котором ее усматривают марксисты. Речь идет не о выделении из трудового крестьянства небольшой группы крепких хозяев и деградации остальной массы трудового крестьянства на ступень полупролетариев. При нормальном развитии народного хозяйств значительная часть прироста населения необходимо должно оставлять сельское хозяйство и даже оставлять деревню. Свободная продажа земли и хорошо налаженный ипотечный кредит этот процесс профессионального разделения облегчает. Но главная масса трудового крестьянства сохраняет свои наделы, улучшает свои орудия производства, отстаивает при помощи кооперации свою самостоятельность в рыночных отношениях и даже отвоевывает землю от сложившегося в свое время на почве политического преобладания дворянства, крупного землевладения, по скольку последнее не в силах путем очень высокого технического прогресса оборониться от наступления на его землю трудового крестьянства. Этот процесс демократизации земли проявляется в настоящих экономических и политических условиях во всем мире, проявился он и в России.

Каковы-бы ни были намерения правительства, его политика все-же способствовала ускорению процесса завоевания сельского хозяйства крестьянской демократией. Противопоставленная революции, эта политика была все-таки ее детищем, и резкой гранью она отделяется от политики предшествующей эпохи.

Правительственная политика стремилась поддержать экономические силы дворянства, связав его интересы с общими интересами народного хозяйства, и на этой почве сохранить за дворянством всю полноту власти. Но в конце-концов речь могла быть не о расширении социально-экономической базы землевладельческого класса, а лишь о выгодной ее ликвидации. Еще до 1905 г. дворяне потеряли без малого половину своей земли, после 1905 г. процесс ликвидации дворянского землевладения шел еще стремительнее. Для наиболее консервативных элементов дворянства было ясно, что, параллельно с этим стихийным процессом сокращения дворянского замлевладения, безнадежны попытки сохранить за дворянством всю полноту политической власти. Аграрная реформа была продиктована страхом революции, и когда он миновал, то также, как и в 80-ых годах, стал намечаться новый действительно реакционный поворот правительственной политики. Из земельного фонда Крестьянского Банка начинают нарезаться цензовые участки. Переселенческий фонд предполагается раздавать большими площадями в частные руки, и к этой передаче правительство уже приступило, не дожидаясь проведения соответствующего законопроекта через законодательные учреждения. Чрезвычайно характерным является также появление правительственного законопроекта о недробимости крестьянского землевладения, в смысле коего русское общество плохо разбиралось; этим законопроектом предполагалось искусственно превратить землеустроенных единоличных хозяев в экономически привиллегированную группу. Для достижения этой цели законопроект не останавливался перед внесением глубокого разлада в самые недра крестьянской семьи. Однако этот реакционный поворот не успел получить развития и не имел реального влияния на аграрную эволюцию.

Весь процесс развития русского народного хозяйства и в частности русского сельского хозяйства подтверждает указанную положительную оценку аграрной политики эпохи контр-революции. Россия пережила тяжелую войну и еще более тяжелое внутреннее потрясение. Если бы аграрные реформы правительства, которые проводились с большим размахом и большим упорством, представляли из себя то «землерасстройство», о котором так много писала передовая

пресса, то положение русского народного хозяйства и русского сельского хозяйства, в частности, представлялось бы совершенно безнадежным. В действительности же русское народное хозяйство поразительно быстро оправилось от потрясений, и в частности русское сельское хозяйство вступило накануне войны в полосу невиданного до той поры прогресса. Даже неурожай 1911 г. был сравнительно легко перенесен и не мог остановить прогрессивного развития сельского хозяйства.

В русском сельском хозяйстве определенно намечались процессы интенсивирования, в развитии коих оно так нуждалось. Заметно возрастали урожаи хлебов, особенно яровых. Еще важнее увеличение значения трудоемких культур. В 50 губ. Европейской России средняя площадь под картофелем была за 1901—05 г. 1.115,6 тыс. дес., а за 1909—13 г. она достигла 1.4335 тыс. дес., т. е. возросла на 317,9 тыс. дес. или на 28,5%. Посевы сахарной свеклы, в развитии которых так заинтересованы западные черноземные районы, также расширились: за 1901—1905 г. засевалось в среднем в России 506,4 тыс. дес., а в 1911—13 г. 698,8 т. е. на 192,4 тыс. дес. или на 38% больше. Стремительный рост культуры свеклы замечался в губерниях, особенно сильно страдавших от перенаселения, так в Курской губплощади под свеклой возросла с 52,4 тыс. дес. до 82,7, в Харьковской с 54,7 тыс. дес. до 73,3 тыс. дес., в Полтавской с 8,6 тыс. дес. до 29,6 тыс. дес. Особенно быстро разрастаются посевы свеклы на крестьянских полях: в 1904—5 г. крестьяне высеяли 67,4 тыс. дес. сахарной свеклы, и это составляло 15,4% всей площади этой культуры, в 1911/12 г. они высевали уже 336,0 тыс. или 23% общей площади. Параллельно с разрастанием культуры картофеля и свеклы росло винокурение и сахароварение.

Быстро развивались и другие пропашные культуры, дающие и ценные урожаи и во всяком случае подымающие хозяйство на высший уровень. Так быстро расширялась культура подсолнуха на юго-востоке, культура кукурузы на юго западе, культура табака в центральных черноземных губерниях.

Что касается азиатских окраин, то здесь посевные площади под зерновыми культурами стремительно росли: в 4 степных губерниях засевалось в среднем в 1901—1905 г. 997,1 тыс. дес., в 1911—13 г. было засеяно 2234,8 тыс. дес., в 4 западно-сибирских губерниях в 1901—05 г. было засеяно 3398,2 т. дес., в 1911—13 г. было засеяно 5352,2 тыс. дес.

Вывоз многих сельскохозяйственных продуктов быстро возрастал в количестве, а еще больше в ценности. Так вывезено в среднем за трехлетие:

	Милл. пуд.		Милл. рубл.		% возростание	
	1903–5	1911—13	1903—5	1911—13	колич.	ценности.
Яиц	2,9	3,6	55	86	24	56
Молочные продукты (преим. масло) . .	3,0	5,7	32	73	90	128
Вывоз волокна льна	18,5	22,1	81	114	14	41

Первый из указанных продуктов вывоза происходит преимущественно с северного чернозема, второй из Западной Сибири и третий из нечерноземной полосы.

Вывоз основного продукта зерна остановился в росте, в связи с разростанием внутреннего рынка. Так, за годы 190$^{0}/_{1}$—190$^{4}/_{5}$ вывозилось в среднем 591 милл. пуд., а в годы 191$^{1}/_{2}$—191$^{2}/_{3}$—597 м. пуд., но ценность вывезенного зерна была за первый период 447 милл. рубл., а за второй 567 милл. руб. Таким образом, русское народное хозяйство платило по своим обязательствам дорогими продуктами, что давало ему возможность тем шире использовать богатые средства Западной Европы для оплодотворения своего производства, вообще, и и сельского хозяйства, в частности. Так, за трехлетие 1903—05 г. в России ввезено в среднем 4,3 милл. пуд. сельскохозяйственных орудий и машин, ценой в 22,9 милл. р., а за трехлетие 1911—13 г. ввезено в среднем 9,8 милл. пудов ценностью в 54,6 милл. руб., и это при быстром росте собственного производства сельскохозяйственных орудий и машин; землеудобрительных веществ ввезено за первое трехлетие 7,1 милл. пуд. ценностью в 3,6 милл. руб., а во второе 3-летие 31,6 милл. пуд. ценностью в 13,8 милл. руб.

Возрастали не только внешние связи русского сельского хозяйства, возрастал внутренний рынок, имеющий еще большее значение для сельского хозяйства, и это относится и к таким продуктам, вывоз коих имел второстепенное значение. Так, в 1905 г. по русским железнодорожным путям было передвинуто 967 милл. пудов зерна, в 1913 г. 1.297 милл. пудов, т. е. больше на 330 милл. пудов; растительного масла за те же годы передвинуто 14,5 милл. пудов и 26,6 милл. пуд., свежих овощей 116 милл. пудов и 244 милл. пудов. Потребление сахара, спирта, табака возрастало значительно быстрее возрастания численности населения.

При преобладающем значении в России крестьянского хозяйства, не может быть и речи о том, что этот прогресс относится исключительно или даже главным образом к помещичьему хозяйству. Рост экспорта яиц, масла, льна, возрастание транспорта овощей,— все это имеет своим источником исключительно крестьянское хозяйство. Оно же стало приспособляться к исполнению даже таких функций, которые до того являлись специальной функцией крупного хозяйства, как культура сахарной свеклы, снабжение городов первосортным молоком.

Что крестьянское хозяйство с начала текущего столетия и в особенности с эпохи революции вступило на путь технического прогресса, есть факт общепризнанный. Его одинаково констатируют как в оффициальных изданиях [1]), так и в трудах компетентных оппозиционных исследователей [2]).

Но можно показать, что этот подъем отразился благоприятно на положении экономических низов сельско-хозяйственного населения, тех низов, которые вынуждены предлагать на рынке свои рабочие руки. Аграрные волнения в первый момент оказали известное влияние на понижение арендных платежей, несколько меньшее влияние они оказали на понижение продажных цен земли. Однако, там, где аграрное движение приняло слишком разрушительный характер, оно, дезорганизуя капиталистическое хозяйство, должно было отразиться неблагоприятно на рынке труда. Тем не менее денежная плата сельско-хозяйственных рабочих после 1905 г. растет, и если до 1909 г. этот рост можно еще считать параллельным росту хлебных цен, то он продолжается и в последующие годы, когда хлебные цены уже не обнаруживают дальнейшего роста.

Важнейшим сельско-хозяйственным рабочим рынком России являются южно-русские степи. Сюда изливаются избыточные рабочие силы северной черноземной полосы. Поэтому состояние этого рынка надо признать решающим для характеристики положения сельско-хозяйственного населения русских районов аграрного кризиса. В девяностых годах положение этого рынка складывалось неблагоприятно для рабочих. Крестьянство северной черноземной полосы выбрасывало громадные кадры избыточных рабочих сил, а распространение на юге

[1]) В. В. Мирочевский. Успехи крестьянского хозяйства. Ежегодник Департам. Земледелия за 1909 г.

[2]) А. А. Кауфман. Аграрный вопрос в России, стр. 253, 254.—Огановский. Аграрная эволюция в России после 1905 г. Глава 2. Сельско-хозяйственный подъем в XX-м веке.

сельско-хозяйственных машин ограничивало спрос на рабочие руки. Цены на них падали.

Решительный поворот в этом отношении приходится констатировать в текущем столетии [1]). Выгоды от распространения сельскохозяйственных машин вызвали дальнейший рост распашки степей и некоторое интенсирование хозяйства. Спрос на рабочие руки опять возрос. Однако, их предложение решительно пошло на убыль. Куда же девались эти рабочие? Есть ряд причин иссякания этого когда-то обильного источника. Здесь имеет значение отлив рабочих на фабрики, отлив рабочих из западных губерний за границу, интенсирование сельского хозяйства — рост свекло-сахарной культуры, культуры картофеля на винокурение, гидротехнические работы, развитие молочного хозяйства, развитие яичного дела,—наряду с этим определенно ссылаются на то, что малоземельные, когда-то шедшие в отход, теперь понакупили земли, что хутора поглощают гораздо больше рабочих сил, чем прежние чересполосные участки, что избытки рабочей силы ушли в Сибирь, т. е. иссякание избыточных рабочих ставится в совершенно определенную, непосредственную связь с правительственной аграрной реформой [2]). Времена, когда экономии осаждались пришлыми рабочими, и ими можно было всегда располагать, миновали. Их надо теперь искать у станций железных дорог, ибо они уже не бредут пешком, а приезжают по железным дорогам и иногда даже в классных вагонах, или на центральных рынках найма, где цены на рабочие руки носят не случайный характер. Цены эти с 1907 г. определенно растут. Рабочие становятся все более требовательны на харчи, и вообще с их желаниями и вкусами приходится нанимателю все больше считаться [3]). Наниматели все больше приходят к заключению, что с прежней организацией труда, когда его низкое качество окупалось дешевизной и возможностью каждую минуту избавиться от лишних рабочих рук, ибо их всегда можно найти,—с этим небезвыгодным, хотя и мало подходящим для культурного хозяйства порядком,—пора кончить. Конечно, это вызывает большие жалобы со стороны нанимателей. С точки зрения народнохозяйственной этими жалобами можно пренебречь. Культурное хо-

[1]) Я. Я. Полферов. Сельско-хозяйственные рабочие. Спб. 1913 г. Исследование представляет из себя разработку материалов анкеты, произведенной «Торгово-Промышленной Газетой» в 1912—13 г.

[2]) См. там же, стр. 37—46.

[3]) Там же, стр. 25—37.

зяйство должно обслуживаться рабочими, имеющими прочную с ним связь и соответственным образом вознаграждаемыми.

Приведенные данные о положении рынка труда на юге служат решающим показателем не только прогрессивного развития русского народного хозяйства, но и благотворного его влияния на ликвидацию явлений перенаселения в той массе черноземного крестьянства, хозяйственный кризис которого и составлял корень аграрного вопроса в России.

Было бы очень односторонне приписывать прогресс русского народного хозяйства и начавшийся процесс излечения его самой тяжелой язвы,—аграрного перенаселения на северном черноземе, правительственной аграрной политике. Целый ряд причин привел к этому результату. Здесь большое значение имели успехи промышленного развития России, создавшие и рынки для рабочих рук, избыточных в сельском хозяйстве, и рынки для продуктов сельского хозяйства. Это развитие промышленности связано с жертвами, принесенными для ее воспитания еще в 90-ых годах; оно связано с железнодорожным строительством, которое вовлекло в круговорот обмена русские окраины с их неисчерпаемыми богатствами, оно связано с введением золотой валюты и более свободным притеканием в страну иностранного капитала, создавшего такой могучий нерв всей экономической жизни Юга, как промышленность Донецкого бассейна. Большое значение имел мировой подъем цен на продукты сельского хозяйства,—явление, конечно, благоприятное для экономического развития аграрной страны [1]). Развитие мирового хозяйства имело даже непосредственное влияние на благосостояние масс Западной России, откуда ежегодно сотни тысяч крестьян отправлялись в Германию обрабаты-

[1]) В соответствии с господствующей в русском обществе натурально-хозяйственной концепцией экономической жизни, еще в конце истекшего века авторитетнейшие русские экономисты выступили с утверждением, что России благоприятны низкие цены на хлеб. К этому выводу они пришли из подсчетов, на основании статистических материалов весьма неполных, числа крестьянских хозяйств, покупающих и продающих хлеб. Хотя уже и в то время рынок обслуживался по преимуществу крестьянским хлебом, тем не менее исследователи пришли к выводу, что большинство крестьянских дворов покупают хлеб, а не продают его. Если это и было правильно, то и тогда русское крестьянство не жило только тем хлебом, которое оно выпахивало из земли, а и доходами из других источников, зависящих от конъюнктуры русского народного хозяйства. А эти конъюнктуры, если они складываются благоприятно, имеют для крестьянства такое большое значение, что несколько рублей, переплачиваемых на душу за хлеб, с избытком компенсируются.

вать немецкие плантации сахарной свеклы или отправлялись даже за океан, чтобы потом с заработками вернуться домой и начать строить хозяйство по новому.

Еще большее значение, чем все указанные факторы, имел тот духовный подъем, который испытали народные массы под влиянием революции. Революция разрушает рутину, пробуждает мысль народных масс, стимулирует их энергию, а все материальные ценности в конце-концов являются производными духовных ценностей.

В ряду указанных факторов прогресса русского народного хозяйства и аграрная реформа занимала не последнее место.

Итак, правительственная политика, как совершенно правильно утверждало общество, задавалась целью спасти классовые интересы дворянства. Это, конечно, ставило известные границы ее демократизму. Но классовые интересы можно защищать двояким путем. Можно их защищать, тормазя развитие народного хозяйства, как русское правительство делало до 1905 г., упорно защищая тягловую организацию крестьянства, но их можно защищать, в согласии с требованиями народного хозяйства. Революция заставила русское правительство пойти вторым путем. «Мы поставили ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и на сильных», — эти слова представителя дворянства звучали для передового общества вызовом, ибо в них оно чувствовало желание противопоставить широким массам крестьянства кучку привиллегированных хозяев, если не кулаков. Но действительность сильнее намерений власти, она вложила в ее политику демократическое содержание; не кучка кулаков воспользовалась реформой, а миллионы трудового крестьянства. И в этом преображенном виде этот лозунг следует признать оправданным историей. Да, если самый важный экономический нерв страны, ее сельское хозяйство должно руководиться крестьянством, если самое важное орудие производства в аграрной стране—земля—должно быть ему предоставлено, то оно и должно уметь «ответ держать» перед народным хозяйством. Нельзя весь гражданский правопорядок прирезать на мерку «убогих и пьяных», а его надо прикраивать на мерку «крепких и сильных». Крестьянство давно надо было выпустить из пеленок, и если из миллионов, которым пришлось становиться на собственные ноги, небольшая часть падала, то это неизбежно; никогда не падают только те, кто не учатся свободно ходить, но зато они, лежа, сгнивают.

Мы рассмотрели аграрную эволюцию и аграрную политику от эпохи Великих Реформ до всемирной войны. Процесс разложения русского народного хозяйства под влиянием внешней и гражданской войны и революции представляет громадный и теоретический и практический интерес. Но исследование этого необычайного в истории, полного трагического смысла, процесса не входит в наши задачи.

Однако, для полноты и ясности нашего изложения мы вынуждены коснуться двух вопросов последующего развития.

Нам прежде всего могут поставить следующий вопрос: «Если аграрная политика старого режима соответствовала интересам народного хозяйства, то как могло случиться, что в России в 1917—18 г. произошла политическая, а за нею и социальная революция?» По этому поводу необходимо сказать, что революция произошла в России не на почве аграрной политики старого режима. Хотя она и проводилась подчас весьма грубыми приемами, но все же она ни разу не вызвала ни одной серьезной вспышки народного неудовольствия. Очевидно, что сама по себе насильственная реформа, раз она лежит по линии народно-хозяйственного развития, не может вызвать сильного противодействия. Распад русского народного хозяйства начался с его истощения непосильной для России войной, она же и привела к революции, ибо народ не сознавал, что война является необходимой, не сознавал потому, что война не вытекала из потребностей русского народного хозяйства. Режим пал, тот режим, который, исходя из принципа «сначала граждане, а потом гражданственность», не разрешал существования никакой общественной организации, кроме организации дворянства и самых верхов буржуазного общества. И благодаря этому, натурально-хозяйственная стихия стала хозяином положения.

А затем нам остается указать, что русская революция осуществила на аграрной почве мечту интеллигенции и народа о «праве на землю», и результаты этой реформы вполне согласуются с нашей оценкой народнической программы. Получившая власть, коммунистическая партия не была в силах осуществить своей социалистической программы, ей пришлось считаться с настроениями крестьянских масс. Основной закон 1918 г. есть закон о социализации земли, чисто народнический. Им всякая собственность на землю отменяется навсегда, право пользоваться землей предоставляется тем, кто обрабатывает ее собственным трудом. Задача государственных органов состоит на первом плане в «справедливом распределении земель сельскохозяйственного значения среди трудового земледельческого населе-

ния». Разумеется, вся земля экспроприировалась без всякого выкупа, и не только земля, но и постройки, и инвентарь. В отличие от народнических партий коммунистическая партия не создавала себе никаких иллюзий относительно творческой роли этого закона. Но в тот момент партия такими творческими задачами и не задавалась.

Народное хозяйство, поскольку оно было построено на частной собственности и свободном обмене, на территории России больше не существовало, и новое социалистическое хозяйство можно было строить на чистом месте...

Землеустройство.

В системе мероприятий, развитых после революционного движения 1905 г. старым режимом для решения русского аграрного кризиса, весьма видное место заняло землеустройство. Термин, землеустройство, не новый в русском законодательстве. Первоначально под ним разумелась вся совокупность мероприятий по отводу крестьянам надельной земли, и в указанном смысле закон называет уставные грамоты и владенные записи актами землеустройства. Однако, после 1905 г. землеустройство стало пониматься в более узком, специальном смысле, в котором и мы этот термин здесь применяем. *Под землеустройством мы разумеем систему аграрных мероприятий имеющих целью так организовать территорию единичных хозяйств, чтобы сделать каждого хозяина в использовании, приходящейся на его долю, земли независимым от его соседей, а также сделает самый труд на этой земле экономически более производительным.* Руководясь указанным определением, мы выдел из общины с оставлением земли в чересполосице не будем считать актом землеустройства, ибо чересполосное владение, хотя бы на правах частной собственности, само по себе еще не обеспечивает свободной организации хозяйства.

Вопрос о землеустройстве явился для русского общества новым; до того, как старый режим, в лице своего наиболее энергичного и талантливого защитника П. А. Столыпина, выдвинул землеустроительную реформу во главе угла правительственной аграрной программы, вопрос этот не занимал внимания русского общества. И так как землеустройство оказалось одним из звеньев правительственной аграрной политики, то русское общество, первоначально отнеслось весьма не сочувственно к самой идее землеустройства, даже независимо от тех форм, в какие она воплотилась. Однако, долго такое огульно отрицательное отношение к землеустроительной реформе удержаться не могло. Она приняла слишком большие размеры и давала слишком

много свидетельств своей жизненности, чтобы мимо их можно было пройти. Таким образом, уже до крушения старого режима в широких кругах русского общества стало утверждаться несколько более объективное отношение к землеустроительной реформе.

Для правильного освещения русской землеустроительной реформы, мы в нижеследующем выясним те общие условия, которые в известные моменты экономической эволюции народного хозяйства создают потребность в землеустройстве. Мы увидим, что не русский старый режим придумал землеустроительную реформу, как представляло себе не так давно русское общество, а что землеустройство есть всемирно-исторический факт, что землеустройство было известно культурным странам Запада задолго до русской реформы, и что на известной стадии экономического развития потребность в землеустройстве чувствуется настолько остро, что землеустроительное движение в своем развитии не считается с политическими границами и с дефектами законодательства той или другой страны. В частности, мы увидим, что землеустроительное движени во многих районах России получило спонтанно довольно широкое развитие еще задолго до того, как русское правительство задумалось над землеустроительной реформой.

I.

При первоначальной оккупации территории в сельско-хозяйственных целях население для неиболее свободного ее использования рассеевалось по ней. Так, население северной России до XVI века еще не жило деревнями, в том смысле, как мы это понимаем в настоящее время; оно жило отдельными дворами или группами в 2—3 двора. Под термином, деревня и даже село, не разумелось совокупность значительного числа дворов,—один двор с относящимися к нему постройками, пашней и прочими угодьями, обычно выгороженными, который мы теперь назвали бы хутором, именовался деревней или селом [1]). Образование деревень, в современном смысле слова, есть позднейшее явление,—следствие дробления первоначальных одиночных деревень и сел и, вообще, сгущения населения, потребовавшего известной коллективной регламентации пользования землей. Точно также и германцы первоначально жили очень

[1]) *В. Сергеевич.* Древности русского права. Т. III. Землевладение, тягло, обложение. Изд. второе. Петроград. 1911 г., стр. 45, 76.

разбросано [1]), и повидимому, лишь в последствии собрались в деревни. Однако, население может остаться рассеянным хуторами, как об этом свидетельствуют некоторые районы Западной Европы, первоначально культивированные кельтами, напр., Ирландия, западная Франция.

Традиционный деревенский строй, в отличие от строя хуторов, в которых земля каждого хозяина окружает его жилище и изгородями, рвами, насыпями отделена от соседних участков, связан всегда с черезполосицей, с так называемым принудительным севооборотом и обилием земель общего пользования. Для того, чтобы каждый хозяин в деревне был поставлен в одинаковые условия, он получал из каждого участка пашни, отличающегося по своим естественным условиям или по положению относительно усадьбы, свою долю. Его надел оказывается состоящим из множества полосок, численность коих может измеряться десятками. При отсутствии правильной сети дорог, проходящей через все участки, чересполосица приводит к необходимости одновременно производить обработку полей и одновременно снимать с них жатву. Эта взаимная их связанность усиливается еще тем, что пашня в периоды года, когда она не находится под посевами, служит пастбищем для деревенского стада. Пользование пашней, как пастбищем, совершенно исключает возможность ведения хозяйства по своему индивидуальному усмотрению. Порядок распределения пара и посевов (так называемый севооборот) и характер высеваемых растений может определяться только сообща. Севооборот этот является принудительным, ибо, если бы кто-либо решился от него отступить, то его посевы все равно были бы потоптаны или стравлены скотом. Из сказанного очевидно, что принудительный севооборот не

[1]) «Colunt discreti ae diversi, ut fons, ut campus, ut nemus placuit» (они, т. е. германцы, живут разбросано и рассеяно там, где кому понравится источник, поле или роща),—так выражается о них Тацит писатель первого столетия по Р. Х.

Augustelleitzen, который в своем капитальном труде, «Siedlungen und Agrar wesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Celten, Römer, Finnen und Slawen» 1895 г., собрал богатый материал о древнем аграрном строе европейских народах, признает способ расселения хуторами и деревнями неизменной национальной особенностью народов. Мы, однако, разделяем взгляд М. М. Ковалевского, который по этому вопросу выразился следующим образом: «На мой взгляд, всякая попытка объяснить характер поселений психическими свойствами нации, а не условиями защиты и хозяйственными порядками, необходимо должна быть оставлена». «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства». Т. I, стр. 46. По крайней мере богатые материалы по русской истории решительно подтверждают последнюю точку зрения.

является особенностью общинного землевладения, как это часто утверждают, а, вообще, связан с деревенской формой поселения. Принудительный севооборот существует не только во внутренней России, где преобладает общинное землевладение, но и в западной России, где преобладает подворное землевладение. До землеустроительных работ последних веков принудительный севооборот (по-немецки Flurzwang) существовал и в той части Западной Европы, которая не была заселена хуторами.

Как мы уже указали, деревенская система поселения бывает всегда связана с значительными площадями земель общего пользования. Только усадебные и пахатные земли находятся в деревнях в индивидуальном пользовании. Сенокосы часто, а леса, пастбища и земли, признаваемые неудобными, всегда находятся в общем пользовании.

В условиях натурального хозяйства, пока земля используется экстенсивно, старые формы аграрного строя не вызывают никаких неудобств. Чересполосное пользование землей в то же время дает возможность поставить каждого хозяина в совершенно одинаковые условия, а к этому демократическая община всегда стремится

Что стремление к возможному равенству, а не хозяйственные соображения приводит к сильной чересполосице, видно из того, что даже в средние века, когда колонизация велась не самоуправляющимися общинами, а под влиянием организующей власти феодалов, чересполосицы по возможности избегали. То обстоятельство, что кельты не собрались в деревни, а остались жить хуторами, по А. Мейцену, стоит в связи с их своеобразным политическим строем. У них в момент перехода к земледельческому быту власть начальников кланов была очень сильна; они могли назначать отдельным членам клана участки, и споры об их качестве не могли иметь места. Самые участки назначались лишь в пожизненное пользование, и после смерти земля обратно возвращалась в распоряжение главы клана.

Но как бы то ни было, в средние века легко мирились и с принудительным севооборотам, и с чересполосицей. Решительный поворот в этом отношении наступил лишь в новое время.

У европейских народов развивается в новое время тенденция не только иначе использовать вновь колонизуемые земли, но и более или менее глубоко преобразовать аграрный строй старых деревень. Посмотрим, чем эта тенденция вызвана, и в каких формах она проявилась?

Старый аграрный строй деревень не соответствовал современным хозяйственным условиям, главным образом, следующими своими

особенностями: принудительным севооборотом, значительными площадями экстенсивно эксплоатируемых общих пользований, мелкополосицей и отдаленностью усадьбы от пашни.

Принудительный севооборот до тех пор, пока царило натуральное хозяйство, никого не стеснял. В этих условиях системы хозяйства могли оставаться неизменными многими столетиями [1]) и могли сохранять свою выгодность для всех элементов населения.

С развитием менового хозяйства такая неподвижность систем хозяйства стала нецелесообразной. Развившиеся города начинают предъявлять спрос на различные продукты животноводства: на шерсть, мясо, масло. Появляется интерес приспособить хозяйство, прежде натуральное, к потребностям рынка, но для этого необходимо коренное изменение системы полеводства и севооборота,—от зернового хозяйства надо перейти к травопольному. Различные группы сельского населения являются в различной мере заинтересованными в реформе сельского хозяйства. Организация крупного сельско-хозяйственного производства для удовлетворения потребностей рынка открывает прежде всего широкие горизонты для господствующего феодального класса. Сбор натуральных рент можно теперь заменить денежными рентами и предпринимательской прибылью. Крестьянство для такой реформы или не имеет достаточных материальных и культурных сил, или не имеет достаточно земли. Таким образом, прежде всего крупные землевладельцы начинают тяготиться принудительным севооборотом.

С течением времени, однако, отрицательное значение принудительного севооборота начинает чувствоваться и в крестьянском хозяйстве. Многоземельным крестьянам царящее трехполье мешает последовать примеру помещиков в реорганизации их хозяйства, малоземельным оно мешает перейти к более интенсивным системам хозяйства. Правда, и в рамках трехпольного севооборота частичные улучшения и в Западной Европе [2]), и в России имеют место. Но полная реорганизация системы хозяйства, изменение соотношения между угодьями (системы полеводства) и севооборота, по крайней мере, при господствующем во всей Западной Европе и в Западной

---

[1]) Так, трехпольный севооборот был введен в Западной Германии еще до Карла Великого и сохранился в своей первоначальной форме на значительной площади страны до XIX-го столетия. G. Hanssen. Agrarhistorische Abhandlungen, 1880. См. гл. Die Dreifelderwirtschaft.

[2]) См. G. Hanssen, там-же.

России подворном владении землей [1]) чрезвычайно затруднительна [2]). В виду того, что при подворном владении размеры землевладения отдельных хозяев совершенно различны, они почти никогда не в состоянии согласиться на общем изменении системы хозяйства. Таким образом, на известной стадии хозяйственного развития принудительный севооборот ощущается всеми классами сельского населения, как тягостное стеснение.

Другой особенностью аграрного строя, создавшегося при деревенской форме расселения,—особенностью, которая в новых условиях получает отрицательное значение, являются экстенсивно эксплоатируемые земли общего пользования. Экстенсивно эксплуатируемые земли, плохие естественные сенокосы, леса, обширные пастбища и разные площади, признаваемые неудобными, могут иметься и при хуторском способе расселения. Но по мере того, как население сгущается, и ценность земли возрастает, ничто не мешает хуторянину заняться улучшением его земли. В деревне же улучшение общих пользований требует не только общего согласия, но и общей работы. Таким образом, земля остается в этих условиях недостаточно использованной.

Третьим неудобством, связанным с деревенской формой расселения, является при современных условиях мелкополосица. Последняя при известном развитии ставит непреодолимые препятствия для пользования большинством сельско-хозяйственных машин, как многолемешные плуги, сеялки, косилки и т. д., а потому сильно тормазит развитие производительности труда.

Очевидно, что отрицательное значение мелкополосицы для различного типа хозяйств будет совершенно различно. Капиталистическое хозяйство, самая возможность существования которого зависит

---

[1]) Вопросы землеустройства в условиях передельной общины мы рассмотрим отдельно.

[2]) Всетаки случаи полной реорганизации хозяйства в условиях принудительного севооборота и подворного владения землей имели место в Западной Европе. Так, в XVIII-ом столетии в Англии на неогороженных полях (common fields) был кое-где введен Норфолькский севооборот (Hasbach. Die englischen Arbeiter in den letzten hundert Jahren und die Einhegungen. Schrift. d. Ver. für Sozialp. B. LIX, S. 62). Точно также, так называемые Dorfkoppeln первой половины XVIII-ого столетия в Шлезвиг-Гольштинии представляют из себя участки, где всей деревней введен травопольный севооборот. Однако Гансен, общепризнанный авторитет в истории аграрного строя Германии, считает такие случаи совершенно исключительными. (G. Hanssen, Agr. hist. Abhandlungen. Глава: Die holsteinische Koppelwirtschaft).

от известного уровня производительности труда, совершенно не мирится с мелкополосицей. В условиях трудового хозяйства применение сельско-хозяйственных машин будет выгодно при относительном многоземелье, когда земля может поглотить весь труд семьи, или, вообще, когда имеется спрос на труд, хотя бы вне собственного хозяйства. В этих условиях мелкополосица является вредной, ибо выгодно экономить труд. Когда надел оставляет свободной значительную часть рабочих сил крестьянской семьи, и на рабочие руки нет спроса, то применение машин теряет свое значение, и крестьяне легко мирятся с мелкополосицей. Так как в интенсивном хозяйстве машины, вообще, мало применяются, то в этих условиях мелкополосица не имеет большого отрицательного значения.

Наконец, четвертым недостатком аграрного строя при деревенской форме расселения является сравнительная отдаленность многих участков от усадьбы. С ростом интенсивности хозяйства увеличивается передвижение людей и скота с усадьбы в поле и с поля в усадьбу, а вместе с тем растут и затруднения, возникающие вследствие отдаленности поля от усадьбы. На севере, где урожай прежде всего зависит от количества вывезенного навоза, расстояние поля от усадьбы имеет большее значение, чем на юге, где значение удобрения меньше; при каждых данных условиях имеется предел, измеряемый несколькими верстами, дальше которого вывозка навоза безусловно невыгодна, и следовательно земли, лежащие вне этого предела, на севере безусловно не могут быть интенсивно использованы. Степень неудобства, возникающего вследствие разобщения усадьбы и поля, разумеется, зависит от размера площади деревни, от конфигурации ее и положения на ней усадеб. Как и мелкополосица, отдаленность усадьбы от поля имеет тем большее отрицательное значение, чем важнее вопрос об экономии труда, т. е. чем богаче хозяйство землей.

Вот в сущности те важнейшие моменты, которые сделали аграрный строй прежней исторической эпохи не соответствующим условиям нового времени. Не трудно, однако, видеть, что три первых недостатка: принудительный севооборот, общее пользование некоторыми угодьями и мелкополосицу можно устранить с сохранением деревни. Уже уничтожение общей пастьбы скота на пару в весьма сильной степени ослабляет принудительный характер севооборота. Если же взаимная связаность хозяев еще удерживается, благодаря малой доступности полос, то с приведением подходящей сети полевых дорог можно эту взаимную зависимость совершенно уничтожить.

Само собой, разумеется, что и общие пользования можно поделить в деревне. Наконец, и мелкополосицу можно значительно ослабить частичным складыванием полос. Только один недостаток старого аграрного строя,—удаленность земли от усадьбы, требует упразднения самой деревни, перехода на хутора. Расселение на геометрически правильно очерченные хутора наиболее радикально устраняет все недостатки деревенского уклада.

Однако хуторские расселения требуют некоторых естественно-исторических предпосылок. На юге, в связи с затруднениями по водоснабжению, усадьбы волей или неволей приходится скучивать в долинах, и деревня является необходимостью. Другим препятствием для нарезки правильных хуторов на юге является однообразие почвенных образований. На юге черноземная степь часто на больших протяжениях не перемежается землями, подходящими для пастбищ или сенокосов. Впрочем, и самые преимущества хуторских расселений на юге имеют меньшее значение, в виду меньшего значения навозного удобрения.

Наоборот, на севере затруднения с водоснабжением хуторов возникают реже, а волнистый рельеф, образуемый ледниковыми наносами, дает возможность на маленьких площадях подобрать надлежащую комбинацию сельско-хозяйственных угодий.

Там, где естественныя условия не ставят препятствий образованию хуторов, где нет затруднений с водоснабжением, где почвенные типы не слишком односторонни, там устройство правильно очерченных хуторов является вполне целесообразным с технической точки зрения. Все возражения, которыя с технической точки зрения выдвигают против хуторов, следует признать не выдерживающими критики. Часто указывают, что уничтожение общих пастбищ вызывает повышение затраты труда на пастьбу скота. Это, конечно, справедливо, но более внимательный присмотр за скотом является требованием рационального скотоводства. В условиях интенсивного хозяйства важно не количество скота, а его качество, а дорогой скот требует и соответствующего ухода. Таким образом, упразднение общих пастбищ является мерой совершенно целесообразной для повышения интенсивности скотоводства. Весьма слабым доводом против хуторов надо признать и обычное указание, что при чересполосице опасность от градобития меньше, чем при отрубном хозяйстве. Против градобития имеется лишь одно действительное лекарство — страхование, которое и применяется во всех культурных странах.

Несколько большее значение имеют возражения культурного порядка, которыя выдвигаются против хуторов. Указывают, что при хуторских расселениях создание сети дорог, соединяющих их, является задачей чрезвычайно трудной и дорогой, что разобщенное население дичает, проникается чрезвычайным индивидуализмом, между тем как хозяйственный прогресс настоятельно требует объединения сельского населения в кооперативы; жалуются, что хуторяне хуже посещают школу и церковь. Как в настоящее время считается общепризнанным, все эти возражения имеют значение лишь в определенных условиях, но на абсолютное значение претендовать не могут [1]). Там, где хуторския разселения не обещают больших экономических выгод, с ними следует считаться, но там, где хуторския разселения связаны с большими экономическими выгодами, с этими возражениями можно не считаться. Состоятельное сельское население при культурной помощи государства может преодолеть все затруднения, возникающия вследствие его разобщения. Мы видим, что как раз в странах хуторских расселений, в Дании, Швеции, Соединенных Штатах, в Канаде, крестьянство достигло наивысшего уровня культуры. В частности датское крестьянство опередило крестьянство всех других стран прекрасной организацией своих кооперативных предприятий. Эти факты вполне достаточны для того, чтобы убедить нас в том, что возражения культурного порядка против хуторов имеют лишь условный характер.

Некоторые в вопросах разселения придают серьезное значение привычкам населения, которыя у различных этнографических и национальных групп различны и будто-бы должны разсматриваться, как нечто неизменное. История землеустройства, однако, указывает, что привычки в зависимости от условий быстро меняются, и о свойственном каждой национальной группе неизменном во времени способе разселения в современную нам эпоху во всяком случае не может быть речи.

II.

Указанныя преимущества хуторской системы расселения должны были сильнее всего влиять на способы организации территории в случаях колонизации. При колонизации земля лежит перед населением, как tabula rasa, ему не приходится ломать существующаго порядка, и в этих условиях тенденция к расселению хуторами могла полу-

[1]) См. Handwörterb, der Staatswissensch. B. I., Abbau, ст. 2.

чить наиболее яркое выражение. Эту тенденцию можно уже отметить в классической древности [1]).

В наиболее последовательной и математически правильной форме хуторское расселение было проведено при колонизации, лежащих за Аллеганами, равнин Соединенных Штатов. Площадь каждого штата делится здесь перпендикулярными линиями, ориентированными по сторонам света, на совершенно правильные квадраты, township'ы, в 36 кв. миль каждый. Каждый township делится на 36 секций, а каждая секция — на 4 квадратных участка homestead'ы, из которых каждый заключает по 160 акров (60 дес.) земли. Страна, таким образом, получает вид шахматной доски.

Каждый homestead перенумерован и отдается в пользование всякому желающему; но он записывается в собственность лишь в том случае, если на участке будет возведена постройка, и если участок будет обработан. Тот-же поселянин может располагать на известных условиях и соседними участками в 60 дес. Эта, до схематизма строго проведенная, система организации территории прекрасно отвечала экономическим условиям колонизации колоссального бассейна Миссисипи. В то время, как в прежние эпохи пионеры колонизации, врезаясь в новую страну, уходили от культуры, от менового хозяйства и возвращались в условия натурального хозяйства, при колонизации запада Соединенных Штатов мы наблюдаем совершенно другую картину. Колонизация здесь основывается на организации с самого начала менового хозяйства. Связь с рынком признается необходимым условием колонизации, а потому железная дорога не следует за переселенцами, а идет впереди их, открывая для колонизации все новые и новые земли. Американцы прекрасно использовали возможность экстенсивно эксплуатировать необозримые равнины, открывшиеся перед ними на западе. Они изобрели и ввели в употребление машины, которыя сильно повысили производительность труда в зерновом хозяйстве. Но при деревенском расселении, при чересполосице с этими машинами невозможно было бы развернуться. Такая чересполосица мешала бы и широкой организации скотоводства. Указанный-же способ организации территории лучше всего соответствовал экономическим и естественным условиям Соединенных Штатов.

Опыт Соединенных Штатов был использован и другими странами Новаго Света. Канада, страна, по своим естественным усло-

[1]) См. ст. Agrargeschichte Handw. d. Vtaatswiss Max'a Weber'a Гл. Der römische Altertum bis zum Ende der Republik.

виям весьма сходная с Европейской Россией, приняла тот же метод организации территории. Ту-же картину мы наблюдаем в Аргентине, стране, значение которой на международном сельскохозяйственном рынке так стремительно выросло, что она до некоторой степени заменила Россию.

В новых благодатных условиях Америки самые различные элементы очень быстро осваиваются с жизнью на хуторах, хотя бы на прежней родине им приходилось жить в совершенно отличных условиях [1]).

В тех случаях, когда приходилось вести колонизацию в Западной Европе, такого обилия свободных земель, как в Америке, не имелось; во многих случаях приходилось вновь заселять земли, которые стоили дорого, и на которых поэтому приходилось с самого начала организовать довольно интенсивное хозяйство, допускающее пользование машинами в сравнительно ограниченной степени. Тем не менее и в Западной Европе тенденция к хуторскому расселению, проведенному, правда, не в тех ригористически правильных формах, как в Америке, замечается. При колонизации северных провинций Швеции было уже в XVIII-м веке воспрещено селиться деревнями. Каждый должен был строиться на собственном участке, но усадьбы все-же в целях взаимопомощи должны были быть сближены и примыкать для этой цели к рекам или озерам [2]). Та-же система хуторских поселений была принята в XIX-ом столетии в Пруссии. Вот, что говорит об этом известный специалист по вопросам внутренней колонизации Max Sering:

«Все удачные колонизационные предприятия старались воспроизвести старинный крестьянский уклад с такими улучшениями, которые ввело в него в хозяйственных целях новое законодательство о сепаратии и складывании участков. Наиболее удачной оказалась та форма поселения, которая внутри общиннаго союза дает каждому хозяину наибольшую свободу деятельности, а именно система

[1]) Когда, основанное в 1892 г. бароном Гиршем, Еврейское Колонизационное Общество привезло в Аргентину первых поселенцев евреев, то последние, состоявшие в значительной части из городских жителей, пришли в ужас, когда им предложили поселиться в степи на хуторах. Большая часть переселенцев, из-за этого даже покинула колонии. Однако, оставшиеся приспособились к новым условиям, а последующие переселенцы даже не подымают вопроса об устройстве деревень, настолько имевшийся опыт говорил в пользу хуторского расселения.

[2]) Arch. der polit. Oekon. und Polizeiwiss. N. F. B. 5. (1846). Forsell. Statistik. von Schweden.

хуторов, как в наиболее совершенной ее форме, так и в форме участков, растянутых полосой» [1]).

При колонизации польских провинций прусское правительство опасалось, что колонисты, рассыпавшись по хуторам, будут скоро ополячены, а потому оно признало целесообразным несколько сблизить усадьбы. Последние поэтому располагались по дороге в недалеком расстоянии друг от друга. Земля нарезалась в зависимости от условий, то в одном, то в нескольких участках [2]).

Если указанное отступление от правильной формы хуторов и сделано было по мотивам национально-политическим, все-же колонизационные комиссии могли на него пойти потому, что оно не приводило к серьезным неудобствам в экономическом отношении. В Соединенных Штатах каждый поселенец обычно занимает по два рядом лежащих, homestead'a, т. е. по 120 десятин. В этих условиях отсутствие чересполосицы имеет важное значение. Но она имеет уже гораздо меньшее отрицательное значение, когда устраиваются небольшие поселки, в которых каждый поселенец, как в восточной Пруссии, имеет всего только 5 до 30 дес.; здесь и при некоторой чересполосице отдаленность поля от усадьбы не будет значительной, да и машины здесь, в условиях более интенсивного хозяйства, находят себе не такое широкое применение.

Итак, при современной колонизации в условиях менового хозяйства, система хуторов является преобладающей формой расселения. Она проводится ригористически в математически правильных формах при колонизации новых стран, в условиях экстенсивного хозяйства; она проводится в менее ригористических формах при колонизации старых стран, в условиях интенсивного хозяйства.

Гораздо меньшее распространение хуторские расселения могли получить в тех случаях, когда речь шла не о колонизации, а о реорганизации уже существующего аграрного строя. Мы уже указали, что многие недостатки прежняго деревенского уклада устраняются с сохранением деревни. Уничтожением пастьбы скота на пашне принудительный севооборот удается значительно смягчить. Без больших потрясений можно поделить и общие пользования. Наконец, и складывание участков не связано еще необходимо с расселением. Чтобы решиться на расселение, необходимо прежде всего, чтобы естествен-

[1]) Zeüschr. d. V. f. Soz. XXXII. Max Sering. Die innere Kolonisation im östlichen Seutschland., стр. 270.

[2]) Там-же, стр. 213—214.

ные условия этому благоприятствовали. Какие препятствия здесь встречаются, мы уже выше указали. Заметим, что затруднения здесь должны возникать гораздо чаще, чем при колонизации. В последнем случае имеет место нарезка сравнительно крупных участков; даже при нарезке их в математически правильных формах всегда имеется вероятность, что на участке найдутся разнообразные угодья, подходящие и под усадьбу, и под пашню, и под луг. Совершенно иначе обстоит дело при реорганизации уже существующего аграрного строя. Здесь часто приходится иметь дело с очень мелкими участками, и задача нарезки их в отдельных хуторах является часто совершенно неисполнимой.

Но, если даже по естественным условиям, разселение на хутора возможно, то в каждом данном случае приходится еще подумать, окупят-ли выгоды хуторскаго расселения те жертвы, которые с ним связаны. А жертвы эти могут быть довольны велики. Хуторское разселение требует переноса усадьбы. На севере, где постройки возводятся из дерева, они отличаются некоторой транспортабельностью. На юге, где они возводятся из глины или камня, дело может итти не о переносе настроек, а об их возведении вновь. Чем высшего уровня благосостояния достигло крестьянство в деревне, чем солиднее застроены усадьбы, чем более ценными интенсивными культурами они окружены, огородами, плодовыми садами, виноградниками,—тем труднее решиться на их перенос.

Совершенно невозможно решиться на расселение, когда хозяйство в деревне достигло не только известнаго уровня интенсивности, но известной индивидуализации. Если благодаря частичным землеустроительным реформам, взаимная связанность хозяйств была давно уничтожена, то коренная перетасовка участков, которые, благодаря долгой культуре, приспособлены к тем или другим целям, под многолетние растения или под искусственные луга, вызвала бы потрясение всех хозяйств.

Далее расселение невозможно в тех случаях, когда в деревнях получила развитие промышленность, и население значительную часть своих доходов получает от последней. Если население даже может расселением повысить свои доходы от земледельческого хозяйства, то оно не всегда может оторваться от центров своей промышленной деятельности.

Таким образом, для того, чтобы население не удовольствовалось частичными поправками прежняго аграрного строя и решилось на коренную ломку его, расселение должно обещать очень большие

выгоды. Но в чем смысл расселения? Мы видели, что хуторское расселение приближает усадьбу к полю и тем самым дает значительную экономию труда. Из этого следует, что только для тех хозяйств, в которых экономия труда имеет значение, расселение на хутора является целесообразным. Там, где крестьянское хозяйство страдает от малоземелья, где рабочие руки не находят себе достаточного применения при земле, там расходы на расселение могут и не окупиться, там часто бывает целесообразнее ограничиться частичными поправками в существующем аграрном строе.

После сказанного для нас станет совершенно понятным, что история землеустройства Европы не только по естественно-историческим, но и по экономическим причинам, не состоит в одном только расселении на хутора, что землеустройство приняло в различных странах совершенно различные формы.

Дело осложнилось еще тем, что на развитие землеустройства влияли и некоторые политические моменты. Мы указали уже, что капиталистическое хозяйство склонно к радикальным формам землеустройства. Поэтому, поскольку оно было заинтересовано в землеустройстве, оно склоняло законодательство к более радикальным приемам его. Наоборот, западно-европейское трудовое крестьянство, воспитанное на принципах частной собственности на землю, относится ко всяким радикальным приемам землеустройства с большой опаской, рассматривая их, как нарушения права частной собственности на землю. Таким образом, усиление демократии ослабляет радикализм землеустроительного законодательства.

Высказанные нами теоретические положения находят себе подтверждение в истории землеустройства в Европе, и только, исходя из них, мы и можем понять эту историю [1]).

III.

Наиболее радикальные формы приняло землеустройство в Англии, в стране, в которой раньше всего образовался обширный рынок для продуктов сельского хозяйства. Эта страна, когда-то в большей своей части покрытая деревнями, еще начиная с XV-го столетия, стала делиться на правильные площади, окопанные валами и об-

[1]) Краткий свод данных о землеустроительном законодательстве различных Европейских стран имеется в книгах А. А. Кофода: Борьба с чересполосицею в России и за границею. СПБ., 1897 г.—Землеустройство в законодательствах Западной Европы и Финляндии 1913 г.

саженные деревьями. Землеустроительная реформа в Англии, известная обычно под названием «огораживания» (inclosure), знаменовала собою целый социальный переворот, имевший фатальное значение для судеб сельского населения. Английским лэндлордам было выгодно передать пользование землей крупным предпринимателям. В виду этого они, пользуясь своим политическим преобладанием и неясностью юридических прав трудящегося населения на землю, обезземелили значительные массы его, уничтожили прежние деревни и, разбив землю на правильные крупные участки, сдали ее в аренду капиталистам. Можно держаться различных взглядов на влияние этого процесса на эволюцию английского сельского хозяйства [1]), но одно, конечно, не подлежит сомнению, что реформа была произведена против интересов масс трудящегося сельского населения. Только небольшая часть обезземеленного крестьянства нашла себе нищенский заработок у предпринимателей фермеров в качестве батраков. Большая-же часть образовавшегося таким путем пролетариата вынуждена была уйти в города, эмигрировать, или превратилась в бродяг и преступников.

В XVIII-ом столетии, когда лэндлорды уже не имели возможности захватывать земли крестьян, все-же землеустроительная реформа отразилась на последних неблагоприятно. Не имея достаточно влияния в землеустроительных комиссиях, крестьяне обыкновенно получали худшие участки; они не выдержали коренной ломки хозяйства, расходов, связанных с переносом построек и с очень дорогой юридической организацией «огораживания», и массами разорялись, земля-же их переходила в руки инициаторов разверстания—лэндлордов [2]). Только в 1836 г. в Англии был издан закон о землеустройстве который, действительно, оградил интересы трудящихся элементов сельского населения.

---

[1]) Обычный взгляд, что «огораживание» повысило производительность сельского хозяйства, не всеми признается. Гасбах доказывает (W. Hásbach. Die englischen Landarbeiter in den letzten hundert Jahren und die Einhegungen Schrif. d. Ver. f. Soziapol. LIX, ст. 48—63), что этот переворот повысил чистую доходность земли, но понизил ее валовую доходность. Это был переход от полунатурального интенсивного хозяйства к хозяйству чисто меновому экстенсивному. Этим, по его мнению, объясняется вызванное «огораживанием» массовое освобождение рабочих рук и повышение цен на сельскохозяйственные продукты. Торжество аграрного капитализма было народным бедствием последствия коего были несколько смягчены развитием промышленного капитализма и эмиграции, но все-же оно тяжело чувствуется страной и до днесь.

[2]) Hasbach. I, с., стр. 107 и след.

Английская землеустроительная реформа представляет лишь тот интерес, что она показывает, что технически правильная организация землеустройства не является еще гарантией того, что она будет служить народным интересам. Несмотря на такую постановку, реформа может превратиться в народное бедствие; все зависит от того, в чьих интересах организовано землеустройство.

История английского землеустройства, хорошо известная широкой публике по ярким картинам ее, нарисованным в I-ом томе «Капитала» Маркса, не мало содействовала компрометированию идеи землеустройства. Но, при других политических и экономических условиях, землеустройство имело другое значение.

Довольно радикально землеустроительная реформа была проведена в скандинавских странах (считая в их числе Шлезвиг-Гольштинию и Финляндию, которые находились в политической унии—первая с Данией, вторая—с Швецией). Она начата была во второй половине XVIII-го столетия и предпринята была государством в интересах крестьянского населения. В Дании она составила звено в целой цепи реформ, имевших целью ликвидацию крепостного права и перевод крестьян с барщины на денежные платежи. В Шлезвиг-Гольштинии, где реформа была закончена еще в XVIII-ом столетии, она сопровождалась разделом обширных общинных пастбищ и складыванием полос; но переход на хутора большого развития там не получил. В Дании разверстание шло еще энергичнее; каждый крестьянин получал свою землю в одном, много в двух или трех участках, перенос построек получил очень широкое развитие, и, например, на ос. Зеландии одновременно с разверстанием, примерно, одна треть крестьян перешла на хутора [1]). В Швеции, наконец, разверстание привело в некоторых провинциях к полному распадению деревень [2]). Если землеустроительная реформа в Скандинавии приняла сравнительно радикальный характер, то это объясняется, помимо естественных условий, крупными размерами крестьянского землевладения [3]).

---

[1]) Hollmann. Entwicklung der dänischen Landwirtschaft, стр.27—30.

[2]) Forsell. Statisik von Schweden, Arch. d. polit. Oekon und Polizeiwiss. N. F. B. 5. 1846.—А. А. Кофод. Борьба с чересполосицею в России и заграницей, стр. 26.

[3]) В настоящее время в Шлезвиг-Гольштинии большую часть сельскохозяйственной территории занимают хозяйства площадью в 20—100 гект. (Stat. d. Deutsch. Reiches, B. 111, S. 430), в Дании—хозяйства площадью в 20 до 80 гект. (Hollmann, стр. 37). Среднее крестьянское хозяйство (не считая участков «Husmaendo'в», земельные отношения которых были урегулированы после

Кроме того, в конце XVIII-го столетия, переход от зернового хозяйства к травопольному здесь сильно назрел. Он не мог совершиться в рамках принудительного севооборота, а потому еще до землеустроительной реформы началось усилинное огораживание крестьянами их полосок (Privat-Koppeln в Шлезвиг-Гольштинии). Таким образом, само крестьянство чувствовало потребность порвать с принудительным севооборотом.

В связи с другими политическими и социальными реформами землеустройство в Скандинавии отразились благоприятно на крестьянском хозяйстве. Техническая постановка крестьянского хозяйства Шлезвиг-Гольштинии и Дании считается образцовой даже с немецкой точки зрения (Давид, Гольман). Как на один из результатов реформы в Швеции, указывают на громадный рост культурной площади, которая за период с 1803—1867 г. утроилась [1]). Таково, очевидно, влияние приближения земледельца к его участку в этой стране, где земля требует мелиораций. В частности в Дании, где правительство особенно внимательно блюло интересы трудящегося сельского населения, удалось почти совершенно предотвратить образование безземельного сельского пролетариата [2]).

Естественные условия европейского севера, многоземелье и развитое меновое хозяйство—вот те причины, которые привели в Скандинавских странах к радикальной землеустроительной реформе и обеспечили ее успех.

Восточная Германия по своим естественным условиям приближается к северным странам Европы, о которых мы уже говорили. Земля здесь сосредоточилась в крупных имениях и в крупных крестьянских дворах. При таких условиях землеустроительная реформа должна была получить значение. На севере Германии, в особенности, в Мекленбурге, землеустройство стало развиваться, еще начиная с XVI столетия, в целях выделения из чересполосицы дворянских земель. Это землеустройство имело здесь для крестьянства столь-же печальное значение как и в Англии. В остальной Германии оно началось позже в связи с разделом общинных земель и с уничто-

1848 г.) владеет в Дании. примерно, 30 гект. (2,3 T. Hartkorn) на материке и 22 гект. (4,4 T. Hartkorn) на островах (Hollmann, стр. 40). В момент землеустроительной реформы крестьянские участки были примерно на $^1/_3$ больше, чем теперь. (Там-же, стр. 66).

[1]) Pontus Fahlbeck. Die ländliche Arbeiterfrage in Schweden. Schr. d. Ver f. Sozialp. B. LIX.

[2]) Hollmann, стр. 65.

жением всяких общих пользований. Раздел общих пользований начался еще в XVIII-ом столетии при Фридрихе Великом, но на крестьянских землях получил развитие только после издания закона 1821 г. [1]). Этот раздел сопровождался сильным складыванием полос, но не сопровождался переходом на хутора. Очевидно, что при данных размерах землевладения переход на хутора не представлялся достаточно выгодным, чтобы производить еще более коренную ломку существующего аграрного строя. Если в Познани и кое-где в других провинциях хуторские расселения получили значительное развитие, то крестьяне переходили здесь на хутора не по собственному желанию, а по требованию помещиков. При регулировании крестьян, пользовавшихся землю на ласситском праве, помещик мог требовать в целях уничтожения чересполосицы перенесения крестьянской земли на другое место, что и вызывало образование крестьянских хуторов. Что это не всегда было для крестьян выгодно, можно судить по тому, что многие из этих хуторов в Познании были впоследствии скуплены помещиками (Bruno Schlitte).

Землеустроительные реформы в Западной Германии, Швейцарии, в соседних частях Франции и Бельгии, имели еще менее решительный характер, чем в Восточной Германии. Для радикальных форм разверстания здесь не было ни естественных, ни экономических условий. Рельеф местности в этой средней части Европы очень неровный; соседние участки резко между собою различаются по качеству. При сильном дроблении земли нарезка отрубов, соответствующих по качеству прежним участкам,—задача совершенно неисполнимая. Да и перенос усадеб, в большей своей части каменных, обошелся-бы непомерно дорого.

Несоответствие радикальных форм разверстания естественным и экономическим условиям данного района явствует особенно из того, что в некоторых местностях его, находившихся в особенных условиях, разверстание принимало радикальныя формы, но площадь распространения разверстаний такого типа осталась ограниченной. В церковном княжестве Кемптене, входящем ныне в состав южной Баварии, разверстание земли часто с переносом усадеб началось еще в конце XVI-ого столетия. Однако, движение это, несмотря на содействие правительств, развивалось медленно и, захватив округ

[1]) О разверстании в Германии см. Bruno Schlute. Die Zusammenlegung der Grundftücke in iqrer Aolkswirtscqaftlichen Bedeuiuug und Dorchführung. Leipzig 1886, также статьи Abbau, Gemeinqeitsteilung и Zusammenlegung der Grundstücke в Handmörtebucq der Staatswissenschaften.

Альгау в Баварии и некоторую часть соседнего Вюртемберга заглохло [1]).

Во всем этом мелко-крестьянском районе землеустройство получило совершенно другой характер, чем на севере в условиях экстенсивного травопольного хозяйства. Пастьба скота на пару здесь стала исчезать еще в XVIII-м столетии. Это дало возможность значительно поднять интенсивность хозяйства и было связано с развитием травосеяния. Взаимная зависимость хозяев с уничтожением пастьбы скота на пашне ослабела. Хозяйство значительно индивидуализировалось; здесь получили большое развитие специальныя отрасли сельского хозяйства: виноградарство, хмелеводство, табаководство.

В конце XVIII-го и начале XIX-го столетий здесь был произведен раздел большей части общих пользований, что также позволило повысить интенсивность хозяйств. Раздел этот, однако, в южной Германии и Швейцарии не был доведен до конца. Леса и альпийские пастбища, которые не могут быть превращены в более интенсивные угодья остались в общем пользовании. Кроме того, часть общинных земель, которая была превращена в пашню и стала отдаваться в пользование членам общины, все же осталась во владении последней.

Однако, на складывание полос в этом интенсивном мелко-крестьянском районе решались с трудом. А между тем чрезмерная парцелляция земли не только повышала расходы по обработке, но местами вызвала взаимную связанность хозяев и сохранение традиционного трехполья.

Для окончательного уничтожения принудительного севооборота здесь стали проводить системы полевых дорог, делающих возможным доступ на все участки. В целях же коммассации во Франции и Бельгии правительство старалось возможно облегчит взаимный обмен полос для округления участков. Однако, такой обмен полос большого распространения не получил [2]). Но в Западной Германии и

[1]) Мы не знаем, на каком основании г. А. А. Кофод (1. с., стр. 18) приписывает приостановку разверстаний запретительным мерам баварского правительства. У Гансена и Бруно Шлитте мы нашли только указания о содействии правительств хуторскому расселению. Но если-бы это даже было так, то все же остается непонятным, почему разверстания так медленно распространялись в течение XVII-го и XVIII-го столетий, и почему пример Альгау не действовал на баварцев в последние десятилетия. Дело, очевидно, заключается не в недомыслии баварских законодателей, а в том, что естественные и экономические условия Альгау отличны от таковых же соседних районов.

[2]) L. Grandeau, L'agriculture et les institutions agricoles du monde. T. III, p. 117.

Швейцарии постепенно выработались такие приемы частичного складывания участков, которые оказались применимыми в условиях данного района. Для всей Западной Германии образцом явилась, так называемая, *консолидация* земель, приемы которой были выработаны в крестьянской среде в герцогстве Нассау еще в XVIII-ом столетии и затем оформлены в законодательном порядке в 1829 г.

Нассауская консолидация допускает складывание участков лишь в пределах земель одного и того-же типа. Благодаря этому и до, и после консолидации каждое хозяйство сохраняет свои индивидуальныя особенности. Для того, чтобы полосы не слишком дробились, устанавливается предельная площадь парцеллы, ниже коей дробление не допускается. Согласно закону 1890 г. предельная парцелла пашни была определена в $^1/_8$ гект., а луга—в $^1/_{16}$ гект. При этом, проводится правильная сеть дорог, делающая все участки доступными.

Консолидация земель оказалась приемом землеустройства хорошо приноровленным к условиям западно-германского крестьянского хозяйства, и на большей части площади крестьянских земель Нассау она уже проведена. Аналогичные приемы землеустройства были выработаны и в некоторых кантонах Швейцарии. Приемы нассауской консолидации постепенно были приняты законодательством южногерманских государств, и консолидация и здесь понемногу начинает осуществляться. Консолидация получила развитие и в некоторых общинах восточной Франции, преимущественно в департаменте Мерт и Мозель, в связи с земельным кадистром [1]), хотя соответствующее законодательство до сих пор здесь не выработано. Так как консолидация идет в средней Европе все-таки очень медленно, то здесь часто раздаются жалобы на разбросанность участков и взаимную связанность хозяев. Но во всяком случае недостаточное развитие землеустройства не помешало здесь крестьянскому хозяйству достигнуть высокого уровня интенсивности.

Характерной особенностью землеустройства в средней Европе является его тесная связь с мелиоративными работами, с осушением, орошением, укреплением оврагов, песков и т. д. Как и организация территории, значительная часть мелиоративных работ не может быть выполнена силами отдельных хозяев на отдельных участках, а требует общей работы на обширной площади, поэтому работы эти удобнее всего скомбинировать с землеустройством. Таким образом,

[1]) Bulletin mensuel des institutions économiques et sociales. Изд. Institut nternational d'agriculture. Vol LXV Mai 1916, p. 118.

после землеустройства, германский земледелец получает участок земли не только в более удобной геометрической форме, но и с значительными коренными улучшениями, и очень часто в этих улучшениях лежит центр тяжести всего землеустройства.

Мы видим, таким образом, что в средней Европе реформа старого аграрного строя была проведена постепенно, в ряде частичных улучшений, без внезапной ломки существующего уже строя крестьянского хозяйства. Очень часто такую эволюцию землеустройства приписывают причинам субъективного характера. Можно признать, что фанатизм собственности, который развивается у мелких собственников, ведущих высоко интенсивное хозяйство, задерживает здесь развитие землеустройства, иногда в ущерб сельскому хозяйству. Но за всем тем необходимо признать, что в этом малоземельном районе, где вопросы экономии труда не могли иметь большого значения, коренная ломка хозяйства не могла бы окупиться, а потому крестьяне совершенно рационально предпочли ей ряд частичных реформ. Такое развитие землеустройства, как мы уже указали, не помешало крестьянскому хозяйству достичь здесь очень высокого уровня интенсивности.

IV.

Наметим теперь в общих чертах ход развития землеустроительного законодательства в Западной Европе. При господствующем здесь подворном владении землей, без вмешательства государства землеустройство совершиться не могло, даже если бы большинство стояло за реформу. Но кроме того государство, по крайней мере в прежнюю эпоху, часто вмешивалось, желая освободить личность от всякого давления общинной организации.

Хотя уничтожение общей пастьбы скота на пашне большею частью совершилось добровольно, но и в этот процесс вмешалось государство. В 1791 г. во Франции, а в 1821 г. в Пруссии было признано законом, что каждый член общины вправе изъять свою пашню из общей пастьбы по пару и стерне.

В конце XVIII-го и начале XIX-го столетия правительство многих стран, под влиянием индивидуалистических тенденций того времени, признали право каждого члена сельской общины требовать себе пропорциональной доли земель общего пользования. Но скоро наступает реакция против этого крайнего индивидуализма. Прежде всего признается нецелесообразным раздел таких земель, которые находились в пользовании политической общины и служили для по-

крытия ее расходов на школу, церковь, дороги и т. д. Законом от 1794 г. все общинные земли во Франции были признаны собственностью политической общины и с того времени не подлежали дележу. В 1821 г. прусское правительство признало за каждым членом общины право требовать выдела приходящейся на его долю земли, а законом 1847 г. оно запретило дележ земель, принадлежащих политической общине. Еще осторожнее было законодательство южных германских государств и швейцарских кантонов в вопросе о разделе общинных земель, и поэтому последние сохранились здесь в довольно значительных размерах. Современное германское законодательство стимулирует раздел общинных земель лишь в связи со складыванием участков, а не как самостоятельную меру. Существование небольшого фонда общинных земель признается полезным. В виду такого взгляда, при колонизации восточных провинций прусское правительство даже отводит небольшие участки каждому вновь образуемому сельскому обществу, как таковому, для покрытия его общинных расходов, и как арендный фонд для безземельных [1]).

Перейдем теперь к развитию законодательства о складывании участков, как сильнее всего затрагивающему право собственности на землю.

Английские огораживания были выполнены в первый период властью лэндлордов, а в XVIII-м и начале XIX-го столетия на основании специальных для каждого случая законов, так называемых «inclosure acts». Скандинавское законодательство о разверстании, создавшееся еще в XVIII-м столетии, носит на себе ясно выраженный отпечаток века просвещенного абсолютизма; оно имеет сильно выраженный индивидуалистический и в то же время принудительный характер. В части Гольштинии власти имели право производить разверстание, не спрашивая крестьян, желают ли они его или нет (Hanssen). В Дании в конце XVIII-го столетия крестьяне только что были освобождены от крепостного права, земля не была еще за ними укреплена, а потому их желания и взгляды в деле разверстания не могли иметь значения.

В общем, в скандинавских странах было признано, как правило, что каждый член сельского общества в праве требовать, чтобы земля его, находящаяся в общем пользовании или хотя бы в индивидуальном пользовании, но в чересполосице, была ему выделена в удобной форме; при этом расход по размежеванию падает на все

[1]) *Max Sering.* Die innere Kolonisation, стр. 270.

общество. Так как обществу пришлось бы постоянно тратиться и передвигать свои полосы по требованию отдельных членов, то очевидно, что каждый член общины мог вызвать общее разверстание.

В других государствах законодательство меняло свои принципы. Прусское правительство в законе 1821 г., в котором складывание полос было связано с разделом общинных земель, дало право каждому требовать выдела земли из общего пользвания, а следовательно и право требовать складывания участков. Однако, уже по закону 1838 г. раздела общинных земель, связанного со складыванием полос, могло требовать лишь такое количество хозяев, которое владеет не меньше, чем четвертью всей площади земли. Последующие многочисленные законодательные акты прусского правительства, начиная с шестидесятых годов, идут в указанном направлении дальше и признают право провокации (право вынуждать разверстание) за хозяевами, владеющими большею частью земли в марке (общине) по расчету площади и оценки. Так как крупные землевладельцы уже давно выделились из марки, то следовательно прусское правительство признает право провокации за более или менее значительным меньшинством. В некоторых случаях в законе дополнительно указано также, что разверстание должны высказаться во всяком случае не менее $^1/_6$ части хозяев.

Еще слабее индивидуализм выражен в законодательстве государств южной Германии. Согласно законодательству герцогства Нассау, послужившему образцом для южно-германских государств, правом провокации пользуются $^2/_3$ членов марки, владеющих половиной земли. Однако, опыт южно-германских государств показал, что квалифицированное большинство слишком тормазит консолидацию; последние законы южно-германских государств о консолидации признают право провокации за простым большинством членов марки, владеющим большей частью площади. На том же принципе построены изданные в 80-ых годах землеустроительные законы австрийских провинций. В Швейцарии вопрос о консолидации решает также большинство хозяев, владеющих большей частью площади. В Гессене, Бадене и некоторых кантонах Швейцарии имеет значение заключение органов местного самоуправления. Согласно действующему в Англии закону от 1845 г., по требованию не менее $^1/_3$ заинтересованных лиц особое правительственное бюро производит исследование о консолидации, но окончательный проект должен получить одобрение со стороны $^2/_3$ землевладельцев.

Сделанный нами обзор свидетельствует о том, что правительства современных культурных государств все больше считаются со взглядами самого населения; власть закона нужна для того, чтобы меньшинство подчинилось большинству, но правительства все больше отходят от приемов покровительства отдельной личности против желания общины. Такой поворот был вызван и культурным ростом населения, которое с течением времени все больше научается разбираться в собственных выгодах, и постепенным укреплением демократических принципов в государственном управлении.

Во всяком случае землеустроительный закон, как бы он ни был осторожно редактирован, предполагает известное ограничение права распоряжения землей. В связи с этим там, где, как например, во Франции, в крестьянство собственнические инстинкты настолько внедрились, что оно страдает «фанатизмом собственности», проведение землеустроительного закона становится невозможным. Там возможен только добровольный обмен участков. Разумеется, такой обмен не может удовлетворительно решить землеустроительной проблемы.

Другой чертой всех землеустроительных законодательств, начиная еще со скандинавских законов XVIII-го столетия, является внимательное отношение к интересам мало—и безземельных элементов. То, что имело место при огораживании земель в Англии, на континенте не повторялось.

Если на континенте местами образовался значительный безземельный пролетариат, то это явление не было вызвано землеустроительными реформами. И по скандинавским законам XVIII-го столетия, и по германским законам, и согласно современному землеустроительному законодательству Англии, малоземельные и безземельные элементы получают специальное вознаграждение землей за потерю общественного пастбища, и притом участок земли, получаемый ими, должен быть близко расположен к усадьбам для того, чтобы им не приходилось переселяться.

Правительства весьма заботливо относятся к правильной организации землеустройства. Создаются комиссии, в состав коих входят и юристы, и землемеры, и культур-техники, которые обеспечивают правильную постановку землеустройства. Землеустроительные работы, как мы указали, связывают с мелиоративными, так что в результате землеустройства происходит глубокое и благодетельное изменение в условиях хозяйства. Каждое заинтересованное лицо имеет достаточно гарантий, что его интересы будут приняты во внимание. Все это,

конечно, увеличивает доверие населения к делу, уменьшает затраты населения по землеустройству и повышает значение реформы. Но вместе с тем землеустройство приобретает характер весьма сложной операции, для своего проведения оно требует десятилетий [1]).

V.

Реформа аграрного строя, начавшаяся в Западной Европе, перешагнула за границы России. Шведское землеустроительное законодательство XVIII-го столетия распространялось и на Финляндию, и, после присоединения страны к России, местное законодательство продолжало развиваться в том же направлении. Хуторские расселения получили в Финляндии большое развитие, и полоса хуторов переходит даже через границу Финляндии в пределы Петроградской губернии [2]).

В Прибалтийском крае местное дворянство, обезземелив значительную часть крестьян, остальных перевело в середине истекшего столетия на хутора, надеясь таким путем обеспечить себе наивысшие арендные платежи. Каждому двору нарезался довольно значительный участок, примерно в 40 дес. [3]). И эта реформа, как и реформа, совершившаяся пол-столетием раньше на другом берегу Балтийского моря, стояла в связи с назревшим переходом к травопольному хозяйству.

Возможно, что известная часть прибалтийских крестьян и до того жили хуторами. Местное сельское население, эсты и латыши,

---

[1]) Констатируя «изумительную точность исполнения и не менее изумительную подробность обставления дела землеустройства всякими узаконениями, постановлениями и руководствами» в Пруссии, г. А. А. Кофод считает такую постановку «чем-то далеким от жизненных потребностей сельского хозяйства» (l. c., стр. 44). Что эта оценка несправедлива, доказывают результаты землеустройства в Пруссии, которые признаются компетентными исследователями весьма удачными (Bruno-Schlitte); солидная постановка дела не только с технической, но и с юридической стороны считалась в Пруссии тем более необходимой, что землеустройство может быть здесь предпринято против воли большинства. Поэтому каждому заинтересованному лицу дается в Пруссии полная гарантия защиты его имущественных интересов; на низшую инстанцию там можно жаловаться в высшую. Да иначе в правовом государстве и не может быть.

[2]) *А. А. Кофод.* Крестьянские хутора на надельной земле, стр. 11.

[3]) *А. А. Кофод,* там же, стр. 17.—Также К. Ландер. Крестьянское движение в Прибалтийском крае. Прилож. к книге П. Маслова: Аграрный вопрос в России, т. II.

настолько скоро освоилось с хуторским хозяйством, что, переселяясь на восток в пределы русских губерний, оно повсюду устраивается хуторами.

В прилегающем к Прибалтийскому краю и германской границе Тельшевском уезде, Ковенской губернии, крестьяне, по инициативе помещиков, еще во время господства крепостного права были расселены на хутора.

Пример Познани, где разверстание приняло радикальные формы и привело к образованию хуторов, оказал влияние и на Царство Польское. Еще в 20-ых годах местное правительство стало в казенных имениях переводить крестьян на хутора. Затем перевод некоторых групп помещичьих крестьян с барщины на чинш сопровождался также разверстанием и расселением [1]). По данным, собранным у А. А. Кофода, около $^2/_5$ всех надельных земель в Царстве Польском находятся в хуторах [2]).

Во всех этих случаях крестьянство не оказывало противодействия коренной реформе аграрного строя и очень быстро с ней осваивалось, но все же не ему принадлежала инициатива реформы; последняя принадлежала или правительству, или помещикам. Поэтому больший интерес представляют попытки к землеустройству, возникшие среди самого крестьянства, обязанные его собственной инициативе и следовательно вполне отвечающие его назревшим интересам.

С этой точки зрения значительный интерес представляют хуторские расселения в губерниях Западной России, о которых собран богатый материал в цитированном уже исследовании г. А. А. Кофода: «Крестьянские хутора на надельной земле». А. А. Кофод нашел 10 более или менее значительных районов расселения, захвативших 64 волости и 942 селения с образованием 20.205 хуторов на 204.021 дес. земли. Эти 10 районов расселения разбросаны на пространстве 6 губерний (Волынской, Гродненской, Ковенской, Витебской, Могилевской и Смоленской) и возникли независимо друг от друга в различное время, начиная с 70-ых годов.

Подобный же процесс полного разверстывания земли и расселения крестьян на хутора начал развиваться, хотя в весьма медлен-

[1]) *Władysław Grabski.* Materjały w sprawie włościańskiej. 1907, стр. 23.
[2]) *А. А. Кофод*, стр. 14.

ном темпе, и севернее—в Островском, Псковском и Холмском уездах Псковской губернии [1]).

Землеустроительная реформа в намеченных районах отличается большим радикализмом. Крестьяне в большинстве случаев оставляют на месте усадьбу, остальную же землю соединяют в один отруб. Однако, выгода от чисто хуторского хозяйства оказываетая настолько значительной, что постройки очень скоро выносятся в поле. Многие селения сразу включают и усадьбу в общий передел, решаясь вместе с тем уже с самого начала расселиться на хутора. Это движение развилось задолго до того времени, когда землеустройство стало лозунгом правительства и дворянства. Оно совершалось при юридических условиях, в общем, неблагоприятных. Поскольку приговоры о разверстании представлялись на утверждение крестьянских учреждений, последние требовали, чтобы за хозяевами, не согласными на разверстание, были оставлены их прежние полосы, что было сопряжено для сельских обществ с большими затруднениями.

Рассмотрим теперь, в каких условиях происходили расселения. Все районы расселения, кроме Владимир-Волынского, расположены в нечерноземной полосе. Характерно, что один из важнейших центров расселения, Житомирский, возник на самой границе черноземной полосы; но движение быстро распространилось на север и очень мало подвинулось на юг, в сторону чернозема. Земля в нечерноземной полосе Западного края требует усиленного удобрения; имеется много земель, которые используются экстенсивно, но которые после соответствующих улучшений могут быть обращены под пашню. Приближение усадьбы к полю было, таким образом, очень выгодно. В то же время условия водоснабжения и характер построек таковы, что расселение не могло обойтись дорого. Вода здесь имеется в изобилии, и следовательно колодцы должны были быть дешевы. Постройки во всех районах деревянные и при невысоких потребностях населения довольно примитивны, так что их перенос не был связан со сколько-нибудь значительными расходами. В среднем расход по переносу построек не превышал какой-нибудь сотни рублей. Только в Ковенской губернии, где население более зажиточно, перенос построек об-

[1]) Хуторские расселения на надельных землях Псковского, Островского и Холмского уездов Псковской губернии. По исследованию 1907 года. Изд. Стат. Отд. Псковск. Губ. Зем. Упр. 1909 г. *А. А. Кофод* отмечает спонтанное развитие хуторских расселений еще в Гдовском и Петергофском уезде Петроградской губернии, а также на крайнем востоке России—в восточной части Уфимской губ. Русское землеустройство, стр. 26—29.

ходится в несколько сот рублей, но там, как мы еще увидим, имелось особенно много стимулов для расселения.

Единственный район расселения на черноземе, Владимир-Волынский, лишь подтверждает, что на черноземе естественные условия для хуторского расселения гораздо менее благоприятны. В этом районе вследствие условий водоснабжения усадьбы при расселении пришлось сильно сдвинуть в определенные пункты, полосы растянуть и ввести чересполосицу. А. А. Кофод, который, впрочем, в вопросах землеустройства несколько ригористичен, дает отрицательную оценку землеустройству Владимир-Волынского района и признает его в настоящей форме не заслуживающим поощрения [1]). Заметим, что разверстание в этом последнем районе не получило значительного развития, и началось оно не без влияния сильной агитации землевладельцев, которые надеялись при разверстании дешевле разделаться с сервитутами.

Каковы же земельные условия в районе расселения? В семи из десяти, обследованных А. А. Кофодом, районов разверстания господствует подворное владение землей. В 2-х районах (Велижском и Витебско-Могилевском) имелись слабо выраженные признаки общинного землевладения; точно также и в Псковской губ. общинная форма владения слабо выражена. Более или менее типичная форма общинного владения имелась только в одном районе расселения — Поречском (Смоленск. губ.).

Средний размер землевладения описанных А. А. Кофодом районов расселения—9,9 дес. на хутор с колебаниями от 7,6 дес. (Владимир-Волынский район) до 16,3 дес. (Северный Ковенский район). Преимущественно в Ковенской губ., а отчасти в Житомирском районе встречаются расселившиеся деревни, имеющие менее 5 дес. на двор. Но надо заметить, что малоземельные элементы были против расселения. Таким образом, расселение совершалось в интересах, главным образом, таких групп, которыя имели земли не менее средней нормы по району.

Какие же цели преследовало население, решаясь на крупную ломку своего хозяйственнаго уклада? Об этом можно судить по тому, как оно использовало новые создавшиеся возможности. То общее, что отмечается решительно во всех районах, это разработка под пашню прежних малопроизводительных пастбищ и улучшение качества молочного скота. Во всех случаях, по словам А. А. Кофода,

[1]) L. c., стр. 90.

крестьяне свидетельствовали, что, если раньше семья могла сносно обработать 6—7 дес., то теперь она может обработать раза в $1^1/_2$ больший участок земли. Очевидно, что в Западном крае уже при 10 дес. на двор труд крестьянской семьи не является при чересполосице избыточным и вопрос о его наилучшем использовании приобретает значение. Этот вопрос приобретает значение даже при меньшем наделе в таких районах, как Житомирский и Люцинский уезды, где крестьяне имеют возможность продавать свой труд вне своего хозяйства. Что поднятие производительности труда является важнейшим полезным результатом расселения подтверждается многочисленными указаниями в материалах г. А. А. Кофода, что для малоземельных групп, которые от экономии труда мало выигрывают, значение расселения сомнительно, что новая форма землепользования не окупает расстройства хозяйства вызываемаго переносом построек.

Но еще большее значение, как побудительный мотив к землеустройству, имело стремление крестьян во многих районах изменить всю технику хозяйства, отказаться от трехполья и перейти к новым более интенсивным севооборотам. Так, в Волынской губернии сейчас же после разверстания население начинает занимать большую часть пара корнеплодами, гречихой, однолетними бобовыми; появляются посевы клевера. В районах, соседних с Прибалтийским краем, население переходит к травопольным севооборотам, а в Северном Ковенском — разверстание с самаго начала расчитано на переход к травопольным севооборотам. Этим, вероятно, объясняется, что на расселение там решаются и селения с очень мелкими наделами, которыя могут быть заинтересованы только в поднятии производительности земли, но мало заинтересованы в поднятии производительности труда.

Конечно, изменение системы хозяйства могло иметь место и без расселения, теми приемами частичнаго складывания участков и проведения дорожной сети, которые применяются в Западной Европе. Но в рассматриваемой аграрной реформе крупную роль сыграл еще один фактор, который повсюду давал толчек и направление всему движению. Во всех 11 районах хуторскаго расселения, крестьяне имели перед глазами население, живущее хуторами и ведущее культурное хозяйство. Одни районы прилегают к таким местностям, где население давно живет хуторами, к Прибалтийскому краю, к Тельшевскому уезду, к Сувалкской губернии; другие районы находятся в пределах немецкой, латышской и эстонской колони-

зации. Население, таким образом, имело перед глазами пример культурного хозяйства и притом хозяйства хуторского; оно его и копировало, хотя переход на хутора мог в малоземельных селениях быть далеко не лучшим решением задачи.

Наряду с хуторскими расселениями, мы встречаем среди крестьян подворников попытки к коммассации земли, имеющие кое-что общее с приемами, практикуемыми в Западной Германии. Так в Юго-Западном крае и Полтавской губернии, как свидетельствует А. А. Кофод, крестьяне нередко соединяют все полосы каждого хозяина в пределах каждого клина [1]).

VI.

Несколько особую постановку вопросы землеустройства получают в условиях общинного землевладения. Принудительный севооборот проводится в общинной деревне с гораздо большей последовательностью, чем в условиях подворного владения землей. Помимо чересполосицы и общей пастьбы скота по стерне и по пару, которые ограничивают свободную инициативу хозяина при подворном владении, при общинном землевладении действует еще один нивеллирующий фактор — переверстка полос, которая делает для отдельного хозяина невозможным существенные отступления от господствующих способов использования земли. Подавляя, таким образом, всякую частную инициативу, община за то создает некоторые возможности для коллективного прогресса. Благодаря более равномерному распределению земли в общинной деревне, население ее менее дифференцировано, чем в подворной деревне, а потому здесь есть некоторые шансы для того, чтобы договориться о новых севооборотах. Введение сообща нового севооборота облегчается еще возможностью произвести для этого, в случае необходимости, и соответствующие переверстки полос и соответствующее давление на членов общины. Таким образом, то, что на Западе имело место крайне редко,—коллективный переход к новым усовершенствованным севооборотам, то в общинной России получило известное развитие. Правда, первоначально посевы трав, с развитием которых связано введение многопольных севооборотов, появляются на землях, где возможно индивидуализированное хозяйство, — на усадьбах, на купчей земле. Но с конца истекшего века, преимущественно в нечерно-

[1]) А. А. Кофод, I, с. стр. 4.

земной полосе России, травосеяние переходит на надельные земли. Крестьяне сами редко могут наладить правильный многопольный севооборот, и травосеяние их носит характер «углового», не систематического. Но, с развитием в текущем столетии земских агрономических организаций, крестьянским общинам все чаще удается под их руководством наладить правильное многопольное хозяйство. К 1909—10 г. в 5 губерниях: Московской, Тверской, Новгородской, Владимирской и Костромской насчитывалось около 4,000 общин с правильными травопольными севооборотами [1]). Впереди всех шла Московская губ. в которой к 1909 г. без малого треть всей надельной земли (31%) состояла под правильными многопольными севооборотами. Общественное травосеяние с правильными севооборотами развивалось также в губерниях Ярославской, Псковской и Петроградской. Гораздо менее подвижным было общинное хозяйство в черноземной полосе.

Ввиду указанных прогрессивных течений в русской общине, лица, работающие над улучшением техники сельского хозяйства, агрономы, которые на западе были всегда врагами общины, по крайней мере на севере России, считали общину подходящей средой для культурной работы. В России имелись видные экономисты, напр. Н. Каблуков, А. А. Чупров, которые были определенными защитниками принудительного севооборота,—явление в экономической литературе Запада неизвестное.

Если, таким образом, опыт показывал, что общинное землевладение при сохранении принудительного севооборота в известных условиях совместимо с техническим прогрессом сельского хозяйства, то во всяком случае этого нельзя обобщать для всех районов России, а главное остается еще вопрос, в каком темпе этот прогресс идет, соответствует-ли он потребностям народного хозяйства. Во всяком случае индивидуализированное крестьянское хозяйство на купчих землях всегда шло впереди хозяйства на надельной земле.

Но было ли общинное землевладение способно стать органом землеустройства, т. е. освободить своих членов от принудительного севооборота и реорганизовать территорию отдельных хозяйств в целях поднятия ее производительности? С правовой точки зрения для этого препятствий не встречается. Как можно было усмотреть из истории развития землеустроительного законодательства Запад-

[1]) *В. В. Морачевский.* Успехи крестьянского хозяйства в России «Ежегодник Департамента Земледелия» 1909 г., стр. 764.

ной Европы, в условиях демократического режима, оно, в отличие от прежней эпохи, все менее склонно давать отдельной личности право предъявлять требования разверстания к сельскому обществу; оно лишь принуждает меньшинство подчиниться большинству. Из отдельных, ничем между собою не связанных, собственников законодательство единовременно, в момент землеустройства, создает, как бы общину; право собственности на реальный участок в определенный момент превращается в право на идеальный участок, чтобы опять превратиться в право на реальный участок. Так как при этом нарушается основной принцип, на котором построена хозяйственная жизнь крестьянского населения Запада, — право частной собственности на землю, то такое нарушение может иметь место лишь единовременно и должно быть обставлено такими условиями, которые достаточно гарантировали бы имущественные интересы каждого хозяина.

Та связь между отдельными хозяевами, которую за границей в целях землеустройства законодатель создает единовременно, в русской общине существует длительно [1]).

И, действительно, смягчение чересполосицы всегда являлось одной из функций общины. Во время общих переделов община обычно уничтожала излишнюю чересполосицу, возникавшую вследствие практиковавшейся свалки и навалки душ, распределения вымороченной земли и семейных разделов. В связи с этим чересполосица при общинном землевладении не может дойти до тех крайностей, до которых она доходит в условиях не аррондированного частного землевладения.

Тем не менее, смотреть на общину, как на землеустроительный аппарат, — не приходится, ибо землеустроительные задачи община может себе задавать лишь попутно, основная же ее функция другая — равнение земли, а эта функция в большинстве случаев стоит в противоречии с задачами землеустройства. Земельное равнение не только плохо согласуется с землеустройством, но часто побуждает общинников распределять землю в полном противоречии с элементарными, самим крестьянам понятными, требованиями сельско-хозяйственной техники. Если крестьянам-общинникам приходится в черноземной полосе переделять склон, то они всегда проводят полосы вдоль склона, хотя они знают, что пахота вдоль

[1]) Разумеется я говорю об общине, которая действительно существует и исполняет свои передельные функции, а не об общине, которая лишь юридически таковой числится.

склона вызывает образование чрезвычайно вредных для пашни оврагов. Тем не менее они так делают, ибо вдоль склона меняются почвенные типы, и при проведении полос поперек склона уравнение земли по качеству было бы недостижимо. Тем менее община способна итти далеко в направлении коммасации земли, ибо последняя еще менее совместима с принципом строгого равнения.

В связи с этим община лишь в редких случаях выполняла землеустроительные функции, но все же такие случаи имели место.

В то время как в Московской губ. при переходе к правильному травопольному хозяйству крестьянские полосы оставились в прежнем виде, в Петроградской губ., например, этот переход сопровождался складыванием полос с таким расчетом, чтобы каждый хозяин получил в каждом поле по одному участку [1]).

Оригинальный прием землеустройства представляет также, так называемая, ярославская «сотка» [2]). В Мышкинском и Мологском уездах, где деление земли на сотки получило распространение и прививается все в новых общинах, вся пахатная земля делится на правильные прямоугольники по 400 кв. саж. в каждом. При таком размере участка не только устраняются важнейшие неудобства по обработке, но и узел принудительного севооборота значительно ослабляется.

Однако, ослабление принудительного севооборота подрывает самую будушность общины, ибо индивидуализация хозяйства явится, конечно, тормазом для всяких будущих переделов. Здесь община подходит к тому, что сделали, увлеченные хуторским движением, общинники Поречского уезда, Смоленской губернии. Они производили последний количественный передел прежде, чем разойтись на хутора, чтобы никогда больше таких переделов не производить. Согласно Положению 1861 г., крестьянам представляется большинством $^2/_3$ голосов, с утверждения губернского присутствия, разделить свою землю на самостоятельные участки, которые, конечно, могли быть округлены. Но русская община этим самоубийственным правом не пользовалась; то, что случилось в некоторых общинах Поречского уезда, есть unicum на территории общинной России. Если русская община умирала, то она умирала пассивно—в чересполосице, переходя в под-

[1]) *Н. Копылов.* Техника крестьянского хозяйства в общине и на «хуторах». «Вестн. Сел. Хоз.», 1909 г., № 4.

[2]) *К. Я. Воробьев.* Дробность и чересполосица земель при общинном землевладении. Труды съезда деятелей агроном. помощи местному населению. М. 1901 г.

ворное владение с сохранением принудительного севооборота. Таким образом, русскую общину по ее сущности нельзя рассматривать, как орган землеустройства в том смысле, как мы этот термин определили в начале нашего исследования.

VII.

Вопросы землеустройства были впервые выдвинуты перед русским правительством местными комитетами о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Первыми правительственными актами, шедшими навстречу этой потребности, был указ от 4 марта 1906 г. об учреждении комитета по землеустроительным делам, а также губернских и уездных землеустроительных комиссий. Однако, термин, землеустройство, здесь принят был в старом более широком смысле. Заботы об увеличении землевладения крестьян стояли на первом плане среди задач комиссий; но все же во вторую очередь перед ними была поставлена также задача «содействия населению к устранению, в установленом порядке, недостатков существуюшего землевладения и землепользования».

Только с изданием указа 9 ноября 1906 г. эта последняя задача выдвигается на первый план в деятельности землеустроительных комиссий. Указ 9 ноября, дав право каждому общиннику выйти из общины, в тоже время предоставил ему право требовать, чтобы общество выделило, взамен его чересполосных участков, соответственный участок, по возможности к одному месту. При общих переделах это требование обязательно подлежит исполнению общества, вне общих переделов оно обязательно лишь по стольку, по скольку оно не представляется для общества «неудобным». Последний термин, конечно, весьма эластичен, и все зависело от того, кто решал вопрос о том, является-ли выдел неудобным; но этот вопрос решали не общества, а землеустроительные комиссии, и притом почти всегда в пользу выделяющихся. Далее указ 9 ноября 1906 г., подвердив право общинников большинством $^2/_3$ голосов переходить к отрубному владению, распространил его на подворников.

Закон 14 июня 1910 г. имеет несколько положений в развитие землеустроительных начинаний указа 9 ноября. Подвердив право каждого отдельного хозяина на выдел к одному, по возможности, месту, если он не связан «с особыми неудобствами», он в тоже время дал безусловное право выдела к одному месту независимо от общего передела одной пятой части всех домохозяев, а в обществах,

где число домохозяев превышает двести пятьдесят, группе домохозяев, свыше пятидесяти; затем для обществ с наследственным землевладением он ввел простое большинство для перехода к отрубному владению,

Закон 14 июня уже определенно указал на уездные землеустроительные комиссии, как на органы, производящие выделы к одному месту.

Наконец, землеустроительное законодательство получило свое завершение в Положении о землеустройстве от 29 мая 1911 г. Это положение значительно расширило задачи землеустройства. Если предшествующие законы имели в виду исключительно только устройство земли единоличных хозяйств, то новый закон пошел навстречу другой, давно назревшей в России, потребности,—потребности в, так наз., групповом землеустройстве.

Помимо внутри-общинной чересполосицы и, связанного с ней, принудительного севооборота, русский аграрный строй страдает еще целым рядом других пережитков очень старых аграрных отношений. В нечерноземной России весьма распространенным является владение двумя селениями одной общей площадью земли в порядке общинного землепользования. На северо-востоке России имеются еще значительные остатки, т. наз., волостной общины, когда целый ряд селений, занимающих значительную территорию, сообща владеют рядом угодий, а другими угодиями, если и владеют раздельно, то в крайне запутанной чересполосице. Это сильно затрудняет сколько-нибудь правильное пользование землей даже в порядке общинного землепользования. На юге население не только в интересах водоснабжения, но отчасти в интересах безопасности, местами расселилось громадными поселениями, в коих теперь часто насчитывают тысячи дворов, в связи с чем поля оказываются разбросанными за десятки верст от усадьбы, и обработка их крайне затруднительна. Далее, при освобождении крестьян помещики очень часто намеренно создавали крайне неудобную для крестьян чересполосицу, чтобы держать их в известной от себя зависимости.

Новый землеустроительный закон, основываясь на накопившемся уже к тому времени у землеустроительных комиссий опыте, определенно возлагает на них обязанности по ликвидации и этих недостатков русского аграрного уклада. Таким образом, в задачи землеустроительных комиссий по закону 1911 г. вошли работы по выделу земель отдельным селениям, в случае их общего владения с другими селениями, по выделу земель выселкам и частям селений в чрезмерно

больших селах, по уничтожению чересполосности крестьянского типа владений с прилегающими к ним землями, по разделу угодий, находящихся в общем пользовании крестьян и частных владельцев, и по отграничению подлежащих землеустройству земель от сложных владений.

В связи с этим самое действие закона не ограничивалось только надельными землями, но распространялось на все земли крестьянского типа. Для осуществления группового землеустройства он, конечно, должен быть в известных условиях принудительно включать в дачу разверстания и земли частных владельцев. Кроме того во владении крестьян к 1911 г. имелись весьма значительные количества купчих земель, и очень часто правильное землеустройство было бы невозможно без объединения соответствующих участков в один. Это требовало унификации права на эти участки. Между тем как надельные земли в отношении своей мобилизации подлежали ряду ограничений, купчие земли, часто обремененные долгом крестьянскому банку, подлежали свободной мобилизации. Спорный вопрос о направлении унификации права на эти земли был решен в пользу признания того положения, что по общему правилу объединеный участок объявляется землей частного владения. Таким образом, закон 1911 г нанес новый удар принципу обособленного надельного владения.

VIII.

Успех землеустроительных мероприятий правительства, несмотря на крайне скептическое и даже враждебное отношение к ним общественных кругов, был поразителен. За первые пять лет 1907—1911 г. были заявлены ходатайства о землеустройстве со стороны без малого $2^1/_2$ миллионов (точнее 2.488,12 тыс.) домохозяев, а еще через четыре года к 1-му январю 1916 г. число домохозяев, заявивших такие ходатайства превышало 6 милл. (точно 6,174,5 тыс.), что составляет почти половину (47%) всех крестьян домохозяев [1]). После издания указа 9 ноября правительство побуждало земских начальников и землеустроительные комиссии вызвать население к землеустройству и притом в наиболее радикальной форме—в форме перехода на хутора, что и давало повод к утверждению, что все землеустройство есть дело искусственное. Однако, очень скоро землеустроительные комиссии оказались не в состоянии удовлетворить тем требованиям, которые к ним предъявляло население, хотя к мо-

[1]) Отчетные сведения о деятельности землеустроительных комиссий на 1 января 1916 г., стр. 3.

менту начала войны число землемерных чинов занятых землеустройством было постепенно доведено без малого до 7 тыс. (6959) [1]).

После подачи ходатайств о землеустройстве следует подготовка дел для последующего землемерного исполнения; эта подготовка заключается в подробном исследовании того земельно-владельческого положения, которое в будущем подлежит переустроить, соответственно требованиям населения, и в создании наиболее благоприятных условий для последующего выполнения этих требований. Следующей стадией является исполнение землеустроительных работ землемерами в натуре. Наконец, следует юридическое оформление дела путем утверждения, составленного в натуре, проекта землеустроительной комиссией. В случае отсутствия жалоб (а таковые поступали в небольшом количестве, менее чем в 2% общего числа случаев землеустроительных дел), население через месяц после утверждения проекта переходит к пользованию землей на новых началах.

Вследствие недостатка землемерных сил, а также вследствие разногласий,—неизбежно возникающих среди населения в процессе землеустройства, число оформленных дел не достигает и 40% всех заявленных ходатайств. Приводим здесь данные о размере вполне законченных землеустроительных дел к 1 января 1916 г. [2]):

Виды землеустроительных действий.	Число дворов в тысячах.	% к итогу.	Площадь в тыс. десятин.	% к итогу.
Разверстание целых селений	723,3	31,7	7.080,5	36,4
Выдел отдельных домохозяев . . .	359,5	15,7	3.710,1	19,1
Выдел селений	722,8	31,7	6.144,8	31,6
Выдел выселков и частей селений .	74,6	3,3	708,3	3,6
Разверстание общих дач	27,5	1,2	294,7	1,5
Уничтожение чересполосности . . .	177,8	7,8	339,9	1,7
Раздел общих угодий	17,7	0,8	52,0	0,3
Отграничение земель	177,1	7,8	1.132,6	5,8
	2.280,4	100,0	19.462,9	100,0

Первые два из указанных действий являются актами единоличного землеустройства, ибо приводят к возникновению устроенных единичных хозяйств, остальные действия относятся к групповому землеустройству. Необходимо, однако, заметить, что и при группо-

[1]) Там же стр. 10.
[2]) Там же, стр. 14.

вом землеустройстве обычно попутно образуется большее или меньшее количество единолично устроенных хозяйств. В общем к 1 январю 1916 г. число хозяйств распадалось по означенным двум типам землеустроительства следующим образом [1]):

	Число дворов в тыс.	Итог в %	Десятин земли в тысячах.	Итог в %
Устроено единоличных хуторских и отрубных хозяйств	1.221,5	51,7	11.888,2	59,4
Устроено чересполосных хозяйств	1.139,0	48,3	8.107,0	40,6
	2.360,5	100,0	19.995,2	100,0

Таким образом, число дворов, устроенных в порядке единоличного землеустройства немногим больше числа дворов, устроенных в порядке группового землеустройства, но первые, в общем, богаче землей.

Указ 9 ноября в отношении единоличного землеустройства прежде всего нашел себе отклик в Западной России. Он дал исход давно назревшей здесь потребности, уже раньше выразившейся в указанных явлениях спонтанного землеустройства. В общинной же России имели место, покровительствуемые властью, выделы к одному месту отдельных домохозяев. Но скоро единоличное землеустройство приняло неожиданно грандиозные размеры в многоземельном степном районе России, а затем стало постепенно развиваться и во всех других ее районах. Что касается группового землеуствойства, то оно имело наибольший успех в пределах общинной России, а во время войны, когда отсутствие многих правомочных домохозяев делало невозможным получение необходимого большинства для производства общих разверстаний, групповое землеустройство получило более широкое развитие сравнительно с единоличным.

Не останавливаясь подробнее на групповом землеустройстве, получившем широкое развитие в промышленном и земледельческом центре, на севере и на востоке России, как не вносящем коренных перемен в аграрный строй, перейдем к ближайшему рассмотрению данных о единоличном землеустройстве. Оно получило далеко не одинаковое развитие в различных районах России, как показывают

[1]) Цифры взяты из того же источника, но они несколько выше предшествующих. Причина этого расхождения цифр не выяснена в первоисточнике.

следующие данные, относящиеся к 1 января 1914 года, когда было образовано около $^2/_3$ всех имеющихся хуторов и отрубов [1]);

Районы:	Образовано хут. и отрубн. хозяйств в тыс.	% устроенных дворов к общему числу их.	Им отведено земли в тыс. десятин.	% устроенной земли ко всей надельности.
Юг	197,4	16,9	1.672,8	17,7
С.-Запад. Общинн.	116,3	12,9	1.120,7	14,7
С.-Запад. Подворн.	50,3	9,0	587,3	9,2
Ю.-Восток	141,2	7,4	2,369,5	11,7 [2])
Ю.-Запад Подворн.	132,1	5,4	764,1	6,9
Центр. Землед.	102,6	4,3	681,5	4,1
Центр. Промышл.	64,2	3,6	515,6	3,9
Север	17,0	2,7	235,8	2,2
Восток	22,9	1,6	364,5	1,7
	844,1	6,3	8.311,9	6,6

Мы видим, что наибольший успех единоличное землеустройство имело в тех районах, где крестьянское хозяйство наиболее захвачено в круговорот меновых отношений. Такими районами является, с одной стороны, степной юг с его многоземельными зерновыми хозяйствами и, с другой, северо-запад, уже давно тяготеющий к травопольному хозяйству льняного и животноводственного направления. Хотя с течением времени единоличное землеустройство захватывало крестьянские хозяйства и других районов, все же эти отношения не изменились к моменту ликвидации землеустроительных комиссий. К этому моменту число устроенных хозяйств достигло 1290,6 тыс., что составило $^1/_{10}$ часть (9,9%) всех наличных крестьянских хо-

[1]) Таблица заимствована у И. В. Мозжухина. Землеустройство в Богородицком уезде, Тульской губернии. Очерки реформы крестьянского землевладения. Вып. XIV Семинария по политич. экон. проф. И. М. Гольдштейна. Москва, 1917 г. стр. 70. Мы не можем пройти мимо, не подчеркнув исключительных достоинств этого труда принадлежащего перу, безвременно погибшего, молодого экономиста. Этот труд, посвященный наиболее интересному с точки зрения землеустройства уголку России, содержит в себе хорошее краткое резюме всего русского землеустроительного дела и объективную оценку его значения.

[2]) Без Ставропольской губернии.

зяйств [1]) и тогда намечались два района с наивысшими %-ми землеустроительных хозяйств—северо-западный и южный

В состав первого входили:

Губернии.	% устроенных хозяйств.
Петроградская	28,7
Витебская	26,4
Ковенская	18,5
Псковская	17,6
Смоленская	15,9
Могилевская	14,6

В состав второго района входили:

Губернии.	% устроенных хозяйств.
Екатеринославская . . .	30,9
Таврическая	30,6
Ставропольская	24,9
Херсонская	22,6
Харьковская	22,5
Самарская	19,0
Саратовская	16,4
Полтавская	12,9
Донская область	10,4

Однако, уже и в центре наметились две губернии с значительным развитием землеустройства: во-первых, Владимирская с 27,6% устроенных хозяйств, как раз губерния с значительно развитым общественным травосеянием, и Тульская с 11,4% устроенных хозяйств. Эти примеры показывают, что широкое распространение землеустройства в остальных районах России есть только вопрос времени. Уже к 1 января 1912 г. имелись уезды, разверстанные больше, чем на половину, таковы многоземельный уезд предпринимательского зернового хозяйства—Новоузенский, Самарской губернии (ныне Царицинской), и уезд старого спонтанного землеустройства—Витебский.

Две трети хуторов и отрубов образовались из разверстания целых селений в полном составе, причем очень значительная часть их состояла из подворников или из хозяев, которые, хотя-бы раньше и числились общинниками, но фактически земли своей не переделяли. Но ввиду особого покровительства власти отдельным хозяевам и группам их, выделявшимся из общины, последние соста-

[1]) *П. И. Перцин.* Организания территории трудового хозяйства при предстоящей земельной реформе. V-й вып. «Трудов комиссий по подготовке земельной реформы» при Главном Земельн. Ком. 1917 г.

вляли все же около трети хуторян и отрубников (359,5 тыс. дворов к 1-му января 1916 г.). По приблизительным расчетам И. В. Мозжухина в тех общинах, из которых они выделились, осталось примерно вдвое больше дворов, которые следовательно и были потревожены этим выходом общественников [1]).

Большая часть выделов из общины на хутора и отруба совершались против воли общины. Однако, во многих случаях, когда выделяющиеся соглашались взять далекие запольные земли, общества добровольно соглашались на выдел, ибо за общинниками оставалось большая доля ближних разделанных земель; такой добровольный выдел довольно обычен на северо-западе, изобилующем пустошными, заброшенными землями, которыми общины нисколько не дорожили.

Размеры землевладения выделявшихся на хутора и отруба не отличаются существенно от размера землевладения дворов, оставшихся в общине, в соответствии с чем они выше размеров землевладения тех выделявшихся, кто закреплял свою землю в чересполосице.

Русское землеустройство отличается значительным радикализмом. Оно свелось к установлению двух типов землеустройства: или отрубов, или хуторов. Под отрубами разумеют такие хозяйства, в которых все угодья, или по крайней мере пахатные, каждого хозяйства сведены к одному месту, между тем как усадьбы отдельно от прочих угодий остаются сгруппированными вместе, преимущественно в старой деревне. При устройстве же хуторов деревня рассыпается и усадьбы присоединяются к другим угодьям. При устройстве отрубов кроме усадьбы и некоторые другие угодья, как лес, пастбище, могут лежать отдельно от пашни. Хутора также бывают более или менее правильной формы, и нередко и у хуторян их второстепенные угодья лежат в стороне. Устройство отрубных хозяйств в южных степях иногда комбинируется с устройством выселков из крупных селений.

Благодаря тяготению к радикальным формам землеустройства, в общем пользовании оставляло очень мало земли, всего лишь 6,7%. На западе количество таких земель минимально, но в центре и на востоке оно более заметно, достигая в Московской губ. 20% землевладения хуторян и отрубников, в Петроградской—14%, в Самарской—18%. При разверстании в общем пользовании крестьян оставлялись пастбищные угодья и лесные участки, затем земли особой, по местным условиям, ценности и важности, угодья, разработка коих была не под силу отдельным хозяйствам, и, наконец, участки для общественных нужд: школьные, церковные, кладбищенские и т. п.

[1]) *И. В. Мозжухин.* «Землеустройство», стр. 79, примеч.

О преобладании тех или других форм разверстания на надельных землях, полных данных нет. Для того, чтобы составить себе некоторое представление об этом мы воспользуемся данными правительственного обследования землеустроенных хозяйств от 1913 г.

Уезды.	Хуторские хозяйства (хутора) с перенесенными из селений или вновь возведенными постройками на новых местах.	Хозяйства с постройками в селениях на старых местах с приезанною к ним полевою и прочею землей.	Хозяйства с постройками в селениях с отрубными участками полевой и прочей земли.
	Процентное распределение:		
Бердянский, Тавр. губ. .	1.2	0,9	97,9
Богодуховский, Харьк. г.	3,7	1,3	95,0
Николаевский, Самар. г.	7,4	—	92,6
Кременчугский, Полт. г.	0,9	10,1	89,0
Мологский, Яросл. г. .	25,7	5,0	69,3
Красноуфимский, Перм. г.	25,6	6,8	67,6
Ржевский, Твер. г. . .	21,9	16,0	62,1
Сычевский, Смол. г. . .	26,7	12,5	60,8
Орловский, Орлов. г. .	27,1	15,6	57,3
Островский, Псков. г. .	53,2	30,8	16,0
Трокский, Вилен. г. . .	76,5	14,5	9,0

По этим данным относительное распределение хуторов и отрубов совершенно различно в различных районах России. На западе России, как показывает пример Трокского и Островского уезда, разверстание на хутора преобладает, подобно тому, как это имело место при спонтанных расселениях. Восточнее в нечерноземной полосе хутора весьма распространены, но все же большая часть разверстывающихся дворов остаются на месте, причем незначительность размеров селений дает возможность части дворов прирезать при селение хутора. В степных районах число дворов, выходящих на хутора, ничтожно. Очевидно, что в вопросе о предпочтении той или другой формы землеустройства естественно-исторические условия, а именно условия водоснабжения, играют решающую роль.

Приведем еще некоторые имеющиеся в литературе данные о соотношении хуторских и отрубных хозяйств на надельных землях: хутора составляли в Московской губ. 20%, в трех восточных уездах Новгородской губ. (ныне Череповецкой) 16,5 устроенных хозяйств, в Новгород-Волынском уезде 13,3%, в Казанской губ. 8,7%, в Самарском уезде 8,1%, в Ставропольском у., Самарск. губ., только

1,1%, а в Богородицком у., Тульской губ., где землеустройство получило значительное развитие, исследователю землеустройства пришлось встретить лишь один хутор на надельной земле. Относительная численность хуторов и отрубов соответствует указанному правилу, но, судя по этим цифрам, значение хуторских расселений даже меньше очерченного на основании исследования 1913 г. Необходимо, однако, заметить, что в первый момент у устраиваемых хозяев не хватает решимости и средств перенести постройки, и они поэтому настаивают на оставлении им старых усадеб. Однако, по истечении нескольких лет отрубники очень часто переносят свои усадьбы на отруба и превращаются в хуторян. Таким образом, можно питать уверенность, что с течением времени численность хуторян будет расти, за счет отрубников. Если при спонтанном землеустройстве крестьяне сразу переходили на хутора, то объясняется это тем, что это движение развивалось в районе, который наиболее благоприятен для хуторских поселений и под непосредственным впечатлением хуторских поселений, немцев, латышей и эстонцев. Первыми пионерами по устройству хуторов являются в большинстве случаев дворы много-рабочие и много-земельные, которые могут расчитывать извлечь больше пользы от землеустройства и готовы больше на него потратиться.

Что касается юга России, то, в виду условий водоснабжения, отруба необходимо будут там преобладать; кроме того ввиду малого значения навозного удобрения, там и не требуется столь значительного приближения усадьбы к полю, как на севере.

О сравнительных размерах хозяйств различного типа землеустройства можно судить по следующим данным правительственного обследования:

	В среднем на двор десятин:										
	Кременчуг.	Богодух.	Молож.	Орлов.	Ржев.	Сычев.	Остров.	Трокс.	Бердянск.	Красноуф.	Никол.
Хутора с переселением. . . .	4,2	8,6	10,1	8,2	11,1	9,5	10,1	11,3	14,7	19,6	48,9
Хутора присельные	0,9	3,0	6,9	6,3	6,8	7,6	8,5	8,9	6,3	22,6	—
Отруба	3,5	5,8	0,5	6,9	8,1	8,8	9,1	10,6	13,4	14,8	34,7
Все типы . . .	3,3	5,9	7,0	7,2	8,7	9,1	9,7	10.8	13,3	16,9	36,0

Сравнивая размеры хуторов с переселением с отрубами в пределах каждого уезда, мы констатируем, что размеры первых во всех уездах больше, чем последних. Переселение на хутор требует существенных затрат, и на это решаются только более крепкие дворы, имеющие достаточно земли, рабочих рук и инвентаря, чтобы осилить и окупить такой расход. Наоборот, присельные хутора относятся обычно к самым малоземельным дворам, для которых переселение бы не окупилось. Им при общих разверстаниях на хутора приходится землю прирезывать к усадьбам, хотя-бы не всегда в удобной форме.

Землеустройство в России не ограничивается одним только фондом надельных земель. Правительство широко использовало громадный земельный фонд Крестьянского Банка, приобретенный у частных владельцев, удельного ведомства и от казны, для насаждения на них усовершенствованных форм землепользования. Эти земли на $^3/_4$ были распроданы в единоличное владение устроенными. В общем, к моменту ликвидации своей деятельности Крестьянский Банк продал в единоличное владение устроенными 3.243, в тыс. дес., на которых возникло более 250 тыс. хозяйств [1]).

Будучи полным хозяином своего земельного фонда, Крестьянский Банк стремился распродать свою землю более правильными участками, чем этого возможно добиться при переверстке надельных земель. Стремление разверстывать землю хуторами, часто в схематично правильной форме, у него было выражено в сильной степени, особенно в первые годы его деятельности. Тем не менее, в конце-концов и ему приходилось считаться с естественными и экономическими условиями.

Материалы Крестьянского Банка дают возможность проследить распределение на его земле хуторов и отрубов в различных районах России. Из 100 дес. единоличных владений было продано и запродано.

	Хуторами.	Отрубами.
Северо-Запад	86,9	13,1
Промышленный центр	67,2	32,8
Малороссия (Западн. и Восточн.)	31,0	69,0
Юг и Юго-Восток	18,3	71,7
Земледельческий центр	16,3	83,7
Север и Северо-Восток	11,7	88,7
50 губ. Европейской России	26,3	73,7

[1]) *П. И. Першин.* Организация территории, стр. 11—12.
А. И. Зак. Крестьянский поземельный банк 1883—1913 г. «Агроном журн.» 1914 г., п.п. 4—6, стр. 34.

Мы видим, что, несмотря на усиленную тенденцию Банка к насаждению хуторов, большая часть земли была разверстана хуторами только в Северо-Западном и Промышленном районах, в остальных районах она преимущественно разверстывалась отрубами.

О размере хуторов и отрубов можно судить по данным правительственного обследования:

	В среднем на двор десятин:						
	Богодух.	Кременчуг.	Епифан. Тул. г.	Орлов.	Красноуф.	Остров.	Николаев.
Хозяйства с постройками на купленных участках («Хутора») .	8,1	11,2	12,3	13,1	28,6	20,5	43,4
Хозяйства с постройками в поселках на купленных землях («Отруба с переселением»)	8,1	10,7	12,4	—	19,7	—	25,5
Хозяйства с постройками в прежних селениях («Отруба без переселения»)	8,4	7,0	9,6	10,9	12,4	10,3	19,3
Все типы	8,3	9,6	10,7	12,4	15,4	16,8	15,4

Из 7-ми уездов в 6-ти, хутора по своим размерам превышают отруба. Из числа отрубов в большинстве уездов более крупными являются те, покупка коих связана с переселением на них.

Русское землеустройство носило слишком быстрый и массовый характер, а потому, в отличие от землеустройства в Западной Европе, оно было мало связано с мелиоративными работами. Конечно, это не могло не отражаться на качестве исполненных работ. С гидротехнической стороны к 1912 г. было обследовано около ½ устроенной земли, осушено было 63.250 дес., что составляет лишь 0,7% устроенной площади [1]). Особенно, недостаточно были поставлены обводительные работы, благодаря чему хозяйства на юге не всегда обеспечены водой. В течение первого пятилетия землеустройства с 1907—11 г. было затрачено на производство мелиорационных работ всего только 1.326,4 тыс. руб.; впоследствии ассигнования не-

[1]) Ежегодник Отдела Земельных Улучшений за 1912 г.

сколько увеличивались [1]). Между тем работы, не произведенные в момент землеустройства, произвести впоследствии часто представляется уже затруднительным, ибо тогда они требуют сотрудничества большого числа хозяев. Хозяйства на банковских землях в отношении мелиораций были несколько лучше обслужены, чем хозяйства на надельных землях.

Упрощенность технической и процессуальной стороны дела сделало русское землеустройство весьма дешевым. Расход на единоличное землеустройство составил в 1906—12 г., по вычислениям А. А. Кофода, 4 р. 07 к. на десятину, а на групповое 1 р. 55 к. Для поощрения землеустройства правительство взяло эти расходы на себя, требуя от населения только некоторой помощи в натуре, которую А. А. Кофод оценивает в 20—50 к. на десятину. Означенные расходы вдвое ниже австрийских. В Германии правительство взимает при землеустройстве по 12 мар. с гектара, т. е. 6 р. 07 к. с десятины, но с своей стороны затрачивает в несколько раз больше [2]).

Землеустройство связано для населения с значительными расходами, в особенности, если приходится переносить постройки. Это побудило правительство выдавать ссуды и пособия на землеустройство. По 1915 г. обратилась к землеустроительным комиссиям за ссудами 617,0 тыс. домохозяев и за пособиями 120,7 тыс. домохозяев, что составляет 40,6%-а и 7,9% общего числа хуторян и отрубников, а в сумме без малого $^1/_2$ (48,5%) [3]). Из этих ходатайств была удовлетворена половина. Средний размер ссуды был в 102,8 р. на двор, а средний размер пособия только в 21,8 р.; средний размер ссуд имел тенденцию возрастать, достигнув в 1914 г. максимума в 119,4 р., а размер пособий имел тенденцию сокращаться, опустившись в 1914 г. до 13,0 руб. Безвозвратные пособия выдавались преимущественно на производства хозяевами сообща мелиоративных работ, поэтому при раскладке пособий на каждого хозяина получается ничтожная сумма. В общем за 9 лет было выдано на ссуды и пособия землеустроенным хозяйствам 34 милл. руб.

При той глубокой ломке, которой подвергается хозяйство в момент землеустройства, оно, конечно, особенно остро нуждается не только в кредите, но в неменьшей степени и в техническом руко-

[1]) *А. Кофод.* Русское Землеустройство, стр. 103.

[2]) Кофод, стр. 103—112.

[3]) Отчетные сведения землеустроит. комиссий на 1 Января 1916 г. стр. 23—20.

водстве. Именно в первый момент, когда молодые хозяйства только складываются, когда они находятся в переходном состоянии, легче отвлечь их от рутины и вывести на новые пути. Не полагаясь сначала в этом отношении на земские учреждения, оценка коих значения землеустройства могла быть различна, правительство создало самостоятельную агрономическую организацию для районов землеустройства. Однако, в большинстве сдучаев и сами земства шли навстречу правительственным начинаниям. В связи с этим и правительство постепенно стало передавать непосредственно в руки земств большую часть своих ассигнований на организацию агрономической помощи землеустроительному населению. Кредит на агрономическую организацию в районах землеустройства постепенно возрастал, превысив уже в 1912 г. 5¼ милл. Без малого половина его уходила на содержание агрономического персонала, а другая половина средств шла на устройство и содержание прокатных станций, зерноочистительных и иных пунктов и обозов, на распространение орудий, семян и туков, а также на устройство и расширение земских с.-хоз. складов и на др. нужды.

В общем размеры землеустройства в Европейской России накануне революции выражаются в следующих цифрах:

	Создано хозяйств в тыс.	Размежевано земли в тыс. десят.
На надельных землях	1.291	12.652,3
На землях Крестьянск. банка и казенных	254	3.243,8
	1.545	15.896,1

Однако, этим не ограничиваются размеры русского землеустройства. Оно не могло не перенестись за Урал в районы переселения, и здесь оно имело, пожалуй, даже больший успех, чем в Европейской России. Само правительство здесь взяло на себя только работы по отграничению селений, внутри-надельное же землеустройство старожилых поселений производится по собственной инициативе населения, с помощью частных землемеров и землемерных контор. Правительство для поощрения этого движения выдает ссуды на эти работы, достигающие примерно размера в 35 к. на обмежеванную

десятину. О развитии землеустройства среди старожилого населения, можно судить по следующим данным:

	Число разверстанных десятин в тысячах.
В 1908 г.	118,5
„ 1909 „	366,5
„ 1910 „	489,0
„ 1911 „	585,0
„ 1912 „	2.300,0
	3.859,0

Здесь поражает стремительный рост этого можно сказать спонтанного движения. Подобно тому, как и в Европейской России, население и в Сибири предпочитает, в большинстве случаев, разверстываться на отруба, чем на хутора, и около 80% разверстанной земли занято под первыми. Вместе с тем правительство стало отводить землю и новым поселенцам на условиях единоличного владения. В 1911 г. отведено 24.400 семьям до 1 милл. дес. такой земли, в 1912—640 тыс. дес., в 1913 г.—460 тыс. дес., сверх того в 1912 г.—200 тыс. старых заготовок было разбито на единоличные участки. Таким образом, площадь хуторов и отрубов на заготовленных для переселенцев участках достигает 2,3 милл. дес., а всего у переселенцев и старожилов вместе свыше 6 милл. дес. [1]).

IX.

Широкое развитие землеустройства и его тесная связь с общим курсом аграрной политики власти поставили это дело в центре общественного внимания. Неудивительно, если землеустройство стало объектом многих частных и земских обследований. Идя навстречу этому всеобщему интересу, а также и по практическим мотивам, правительство и само решилось произвести обследование землеустроенных хозяйств в 12 уездах, расположенных в различных районах Европейской России. В пределах каждого уезда обследование охватило все устроенные хозяйства, как на надельной, так и на землях Крестьянского Банка и казенных, общим счетом 19015. Весь

[1]) *Н. Огановский.* Землеустройство. Новый Энциклоп. слов. Брокгауз. Ефрона, т. 18, стр. 569.

полученный обширный материал был разработан по единому плану [1]). Имеющийся материал был-бы достаточен для констатирования результатов землеустройства, если-бы последние уже могли в достаточной мере выявиться. Но это еще не могло иметь место. Землеустройство, особенно в тех радикальных формах, в каких оно проводилось в России, связано с глубокой ломкой крестьянского хозяйства. Не говоря уже о хуторянах, вынужденных переносить свои постройки, но и отрубники, получая совершенно новые участки, переживают длительный переходный период. Особенно трудным является для хозяев налаживание скотоводства, когда общее пастбище ликвидируется и приходится перейти к индивидуальной пастьбе скота. Перестройка хозяйства сопряжена с затратами, а между тем ссуды и пособия от казны получала лишь четверть устроенных хозяев, да и то в совершенно недостаточных размерах. В этих трудных условиях положительное значение землеустройства не может выявиться в первые годы. А между тем большая часть хозяйств, описанных в правительственном исследовании 1913 г., возникли только в 1910 г., т. е. за три года до обследования, а значительная часть даже в 1911 г., т. е. за два года до обследования. Таким образом, говорить об обследованных хозяйствах, как о сложившемся типе, совершенно невозможно, и на основании имеющегося конкретного материала нельзя высказывать окончательных суждений о результатах землеустройства, а,—самое большое,—можно говорить о некоторых, намечающихся в развитии устроенных хозяйств, тенденциях. Мы остановимся только на развитии устроенных хозяйств на надельных землях, ибо хозяйства, устроенные на банковских и ка-

[1]) Основные данные правительственного исследования опубликованы в роскошно иллюстрированном сборнике: Землеустроенные хозяйства. Изд. Канцелярии Комитета по Землеустроительным Делам 1915 г. Сводные поуездные цифровые данные отпечатаны отдельным изданием. Результаты всех земских и частных исследований попутно резюмированы в цитированном труде И. В. Мозжухина.

Правительственное обследование было встречено обществом с обычным недоверием. Необходимо заметить, что в указанном сборнике цифровой материал используется для выводов часто лишь суммарно, между тем как в отдельных районах России условия землеустройства весьма различны. В связи с этим, к выводам сборника приходится относиться осторожно. Но все это нисколько не опорачивает самого цифрового материала. Последний не возбуждает сомнений, он не дает какой-либо разовой картины результатов землеустройства и, в общем, вполне согласуется с другими материалами по обследованию землеустройства.

зенных землях, являются не столько реформированными, сколько вновь возникшими.

Об изменениях в состоянии крестьянского хозяйства судят обычно по изменению в численности скота, как главного капитала в сельском хозяйстве. Как раз в данном случае цифры не имеют решающего значения для оценки землеустройства, ибо скотоводство то и испытало наибольшее потрясение в связи с землеустройством. Тем не менее мы приводим здесь данные правительственного обследования 14183 хозяйств на надельной земле (за исключением дворов переделившихся после разверстывания):

Виды скота.	До землеустройства.	При обследовании.	Увелич. (+) или уменьш. (—) Абсол. чис.	В %-ах.
Лошади	23.794	22.821	— 973	— 4
Жеребята	2.561	3.487	+ 926	+ 36
Верблюды	392	718	+ 326	+ 83
Коровы	21.104	20.840	— 264	— 1
Быки и волы	4.294	3.472	— 822	— 19
Нетели, бычки и телята.	9.762	13.918	+ 4.156	+ 41
Овцы и козы	45.137	29.873	— 15.264	— 34
Свиньи	23.329	25.479	+ 2.150	+ 9
Птицы	207.023	208.040	+ 1.017	—

Судя по этим данным замечается небольшое сокращение упряжного скота: лошадей и, в особенности, волов. Это сокращение может быть результатом испытанных потрясений, но не невозможно, что это результат того, что при новых условиях производительность работы упряжного скота больше, чем была при чересполосице, а потому потребность в нем меньше. Во всяком случае значительное увеличение числа жеребят гарантирует легкую возможность пополнения не достающего рабочего скота. Численность коров, в общем, не возросла, но зато численность молодняка крупного рогатого скота сильно увеличилась, а потому есть основание ожидать в ближайшее время значительного возрастания молочного скотоводства. С свиноводством, повидимому, также обстоит в землеустроенных хозяйствах благополучно. Зато овцеводство испытало резкое сокращение, и едва-ли это можно считать случайным. Индивидуальная пастьба овец является особенно затруднительной, а потому эта экстенсивная и натурально-хозяйственная отрасль животноводства

сокращается, как это часто имеет место при повышении интенсивности хозяйства. Падение овцеводства, а также и сокращение содержания волов гармонирует с общим интесивированием скотоводства в землеустроенных хозяйствах, выражающемся в более внимательном уходе за скотом и в стремлении улучшать его породу. В соответствии с этим единица скота в устроенных хозяйствах ценилась высоко, а потому если-бы изменения в скотоводстве мы измерили ценностью скота, то картина получилась бы для землеустроенных хозяйств более благоприятная, чем вышеуказанная.

Попытаемся теперь проследить перемены в состоянии скотоводства землеустроительных хозяйств по уездам, причем для большего конкретирования картины мы делаем перечисление на средний двор:

Увеличение (+) или уменьшение (—) численности голов на двор после землеустройства.

Уезды:	Рабочие лошади и верблюды.	Крупный рог. скот.	Молодн. крупн. рог. скота и лошадей.	Овец и коз.	Свиней.
Мологский, Яросл. губ. .	—	+0,3	+0,7	—	+0,5
Трокский, Вил. губ. .	—	+0,2	+0,1	—1,1	+0,6
Островский, Псков. губ.	+0,1	+0,1	+0,6	—0,8	+0,3
Орловский у.	—	+0,1	+0,3	—0,5	+0,1
Ржевский, Твер. губ. . .	—	—	+0,2	—0,5	+0,2
Сычевский, Смол. губ. .	—	—	+0,2	—1,2	+0,2
Богодуховский, Харьк. г.	—	—0,1	+0,2	—2,0	—
Кременчугский, Том. г.	—	—0,1	+0,1	—0,6	—
Красноуфимск., Перм. г.	—0,1	—0,2	+0,5	—0,6	—0,2
Бердянский, Тавр. г. . .	—0,2	—0,2	—0,1	—0,6	—
Николаевский, Самар. г.	—0,4	—0,9	—	—1,7	—
Итого . .	—	—0,1	+0,4	—1,1	+0,1

Скромные обсолютные размеры приведенных цифр подтверждают сказанное выше о том, что речь может итти пока лишь о едва намечающихся тенденциях. Наиболее определенно выступает общее сокращение овцеводства, оно отмечено в 10 из всех 11 уездов. В других отношениях намечаются различия по районам. Хозяйства на севере и на западе дают сравнительно благоприятную картину. Численность рогатого скота у них не только не сокра-

тилась, но возросла при значительном увеличении численности молодняка и при некотором возрастании свиноводства. Такую же картину дает центральный Орловский уезд. В трех уездах, лежащих на границе степей, Богодуховском, Кременчугском и Красноуфимском, намечается уже сокращение крупного рогатого скота, стационарность свиноводства при некотором увеличении молодняка. Наконец, в степных уездах Бердянском и, в особенности, в Николаевском сокращение численности крупного скота более заметно, и оно не компенсируется увеличением молодняка. В степных районах результаты ломки скотоводства ощущались болезненнее, чем на севере.

Если теперь расчленить все хозяйства на хуторские и отрубные, то в состоянии скотоводства и тех, и других намечаются различия:

Увеличение (+) или уменьшение (—) количества скота на двор.

	Лошади (верблюды).	Крупный рог. скот.	Молодн. крупн. рог. скота и лошадей.	Овец.	Свиней.
Хутора . . .	+0,1	+0,2	+0,8	—0,8	+0,4
Отруба . . .	—0,1	—0,2	+0,2	—1,3	—

Более благоприятное состояние скотоводства у хуторян, чем у отрубников, намечается в 10 из обследованных уездов и эта тенденция не случайна.

Обращаясь теперь к земледелию, необходимо прежде всего заметить, что, несмотря на протекший короткий срок, землеустройство уже показало себя, как действительное средство для разделки столь многочисленных на севере пустошных земель. Из 5891 устроенных хозяйств 5 нечерноземных уездов 2613, т. е. 45%, провели 509,2 тыс. сажен осушительных канав, что составляет 195 сажен на хозяйство Образованием культурных угодий из болот занялись в 6 уездах (считая и Красноуфимский) 1615 хозяйства, т. е. 25% общего числа, которые разделали 5132,9 дес., что составляет 3,2 дес. на двор.

Полевое хозяйство в результате землеустройства не расширилось существенно: посевная площадь с 86.112 дес. возросла до 91.385 дес., следовательно увеличилась на 5.273 дес. или на 6%. Но зато в целом ряде уездов самая организация хозяйства свидетельствует о стремлении к высшему уровню интенсивности, хозяйства.

%% посевной площади в землеустроенных хозяйствах отдельных уездов.

Культуры:	Сычевский.	Ржевский.	Островский.	Мологский.	Орловский.	Трокский.	Красноуфимский.	Кременчугский.	Богодуховский.	Бердинский.	Николаевский.
Свекла	—	—	—	—	0,4	0,4	—	0,2	0,8	—	—
Картофель . . .	5,1	3,9	4,3	4,3	5,8	6,5	1,7	1,3	1,1	0,6	0,5
Конопля . .	—	—	—	—	1,4	—	0,3	0,5	0,7	—	—
Лен	30,9	29,9	20,6	19,8	—	3,6	3,0	—	—	—	—
Травы	33,6	26,0	25,1	23,9	10,3	8,0	6,6	3,1	0,8	0,1	0,3
Кукурузы	—	—	—	—	0,1	—	—	—	—	1,8	—
Подсолнух . . .	—	—	—	—	—	—	—	0,6	0,2	0,2	0,6
Всего интенсивн. культ.	69,6	59.8	50,0	48,0	19,5	18,5	11,6	5,7	3,6	2,7	1,4
То-же во всех крестьян. хоз. уездов в 1916 г. . .	66,4	43,4	43,1	31,7	12,3	13,6[1])	11,0	7,8	7,3	8,2	1,8

Приведенные данные показывают, что землеустроенные хозяйства в 4 северных уездах представляют выраженную картину травопольно-льняного хозяйства. Такой тип при данных экономических условиях следует признать вполне рациональным, ибо при нем крестьянское хозяйство строится, как денежное, на двух устоях — на доходе от льна и от скотоводства; при этом большие посевы травы предупреждают возможное истощение полей от частого возвращения льна на поля. Трокский и Орловский уезды характеризуются меньшим, но все-же заметным развитием травосеяния при значительных посевах картофеля. В хозяйствах Красноуфимского уезда травы еще сеются. Наконец, в четырех южных уездах процент интенсивных культур очень мал, что, впрочем, соответствует естественно-историческим условиям юга, где корне-клубнеплоды и травы хуже родятся, чем на севере.

[1]) Цифра относится к трем уездам Виленской губ.—Дисненскому, Виленскому и Ошмянскому.

Для сравнения мы привели огульные проценты тех-же культур в крестьянских хозяйствах тех же уездов по переписи 1916 г. При сравнении этих данных оказывается, что в 4 северных уездах и двух средних, процент интенсивных культур в землеустроенных хозяйствах выше среднего, наоборот, в 4-х южных уездах он ниже среднего. Повышение процентов культур, характерных для интенсивного хозяйства в северных и средних уездах относится, главным образом, к расширению посевов трав, которые хотя уже практиковались в крестьянских хозяйствах, но в меньшем масштабе. На ряду с этим в 4 северных уездах, несколько расширялось льноводство, вероятно, за счет вновь поднятых свежих земель. Наоборот, картофель занимает в устроенных хозяйствах даже несколько меньшую площадь, чем в крестьянских хозяйствах; очевидно, перетасовка полей была временно неблагоприятна этой культуре. Понижение процентов интенсивных культур связано в Кременчугском и Богодуховском уезде со сравнительно малыми посевами трав и корне-клубнеплодов в устроенных хозяйствах, а в двух степных уездах с малыми посевами кукурузы и подсолнуха.

Эти соотношения культур в землеустроенных хозяйствах согласуются с приведенными данными о состоянии скотоводства: посевы трав дали возможность на севере быстро укрепить потрясенное землеустройством скотоводство, на юге-же этого условия не было.

Приведем еще некоторые цифры для сравнения % интенсивных культур на хуторах и отрубах:

У Е З Д Ы:	% интенсивных культур. У хуторян.	У отрубников.
Сычевский	70,1	69,5
Ржевский	59,8	56,8
Островский	49,2	54,1
Мологский	46,7	48,6
Орловский	19,5	15,6
Трокский	17,6	20,6
Красноуфимский	16,4	9,3
Кременчугский	7,5	5,6
Богодуховский	8,5	3,4
Бердянский	5,7	2,7
Николаевский	3,4	1,1

В северных и средних уездах нет определенной связи между формой землеустройства и развитием интенсивных культур, на юге

такая связь замечается: процент интенсивных культур там на хуторах, хотя не высок, но заметно выше, чем на отрубах.

В связи с землеустройством замечается некоторое улучшение земледельческого инвентаря населения. Об этом можно судить по следующим данным:

	Число орудий на 100 хозяйств.	
	До землеустройства.	При обследовании.
Плугов	59,7	83,6
Борон с железн. зубьями	141,1	144,5
Борон железных	5,1	12,0
Сеялок	1,7	3,4
Жаток и сенокосилок .	8,3	11,9
Веялок и сортировок .	19,8	26,2
Молотилок	3,1	5,1

Улучшение инвентаря замечается одинаково и на юге, и на севере.

Замечается также расширенное пользование навозным удобрением, интерес к минеральному и зеленому удобрению. В результате всех перемен правительственное исследование почти повсюду отмечает повышение урожаев; это последнее даже с большим постоянством констатируется на юге, чем на севере.

Приводим здесь данные об урожаях важнейших хлебов в Бердянском и Николаевском уездах, в которых скотоводство после землеустройства значительно сократилось, с урожаями в сельских обществах:

	Средние урожаи в пудах с десятины за 1912 и 1913 г.					
	Бердянский уезд.			Николаевский уезд.		
Культуры.	В устроенных хозяйствах.	В сельск. общ.	В первых больше на	В устроенных хозяйствах.	В сельск. общ.	В первых больше на
Озимая рожь . .	—	—	—	37,3	27,2	10,1
Озимая пшеница	68,2	43,5	24,7	—	—	—
Яровая пшеница .	—	—	—	50,6	31,3	19,3
Ячмень	68,18	53,7	15,1	—	—	—

Приведенные цифры показывают весьма значительное повышение урожаев, происшедшее в связи с землеустройством. Это не

может нас удивлять, ибо при скромном значении удобрения в степях сокращение пользовательного скотоводства не может неблагоприятно отразиться на урожаях, зато на последних должна отразиться своевременность обработки и улучшение мертвого инвентаря. На севере-же удобрение истощенной или пустошной земли требует ряда лет чтобы дать результаты.

Землеустройство оказывает также благоприятное влияние на развитие специальных отраслей сельского хозяйства, в особенности садоводства.

По указанным выше причинам, мы не могли ожидать коренных изменений в состоянии землеустроенных хозяйств. Но уже имеющийся материал с достаточной определенностью говорит о положительном воздействии землеустройства на крестьянское хозяйство во всей нечерноземной полосе и отчасти и в черноземной полосе.

Материалы по центральной черноземной полосе в правительственном исследовании недостаточны. А между тем как раз вопрос о поднятии крестьянского хозяйства этой полосы имеет особенно большое значение. Как мы уже указали выше, и в условиях чересполосицы, в русском крестьянском хозяйстве нечерноземной полосы намечались прогрессивные течения. Гораздо хуже было состояние крестьянского хозяйства в центральной черноземной полосе. Здесь хозяйство застыло в рамках очень примитивного трехполья, из которого оно было бессильно выбраться. Травосеяние по климатическим причинам не может здесь дать того эффекта и оказать на крестьянское хозяйство то реформирующее влияние, которое оно имело на севере даже при чересполосице. Вследствие крайнего недостатка в лугах население центральной черноземной полосы особенно сильно злоупотребляет пастьбой скота на пару и стерне. Пар подымается только в конце июня, стар. стиля, когда земля уже уплотнилась и высохла, и самая вспашка—очень мелкая на $2^1|_4$—$2^1|_2$ вершка. Что касается яровых, то очень часто в этом районе их засевают даже без предварительной вспашки, закрывая семена сохой.

А между тем пашня на черноземе требует прежде всего своевременной тщательной обработки, как средства сохранения, находящейся здесь часто в минимуме, влаги.

Кроме того, северный чернозем уже достаточно истощен, чтобы нуждаться в удобрении. Но и с удобрением полей в центральной черноземной полосе обстоит неблагополучно. Прежде всего количество собираемого здесь навоза невелико, ибо часть соломы за недостатком дров уходит на топливо. А затем и имеющийся навоз крестьяне

не всегда вывозят на поля, в особенности при возникновении толков о переделе. Является-ли землеустройство достаточно могущественным средством для разрушения этих рутинных порядков, ведущих население к разорению?

Исследование И. В. Мозжухина землеустроенных хозяйств Богородицкого уезда Тульск. губ., дополнительно к правительственному, дает на этот вопрос положительный ответ. Он констатировал в результате землеустройства переход к многопольным севооборотам, меньшую роль пара, увеличение посева яровых растений, более ранний и углубленный взмет пара и более тщательный уход за ним, введение осенней вспашки до сева овса, более интенсивное и равномерное удобрение полей и распространение минерального удобрения. Неудивительно, что все эти перемены уже вызвали значительный подъем урожаев на отрубах и хуторах, по сравнению с урожаями в сельских обществах [1]). К такому же благоприятному выводу приходят исследователи землеустроенных хозяйств и в Тамбовской и Казанской губ. [2]). Больше всего нуждаются в исследовании вопрос о землеустройстве в степях. Конечно, то обстоятельство, что пока успехи устроенных хозяйств не наметились здесь с полной определенностью, что они отразились пока лишь на полеводстве, но не на скотоводстве, нельзя считать решающим вопрос. Громадное развитие землеустройства в степях говорит зато, что население, в общем, верит в него. Но необходимо было-бы выяснить,—подходят-ли практикующиеся шаблоны землеустройства, в виде устройства хуторов и отрубов, к условиям русских степей. Здесь имеются основания для некоторых сомнений. При отсутствии здесь естественно-исторических условий, благоприятствующих развитию травосеяния и культуры корнеплодов, уничтожение чересполосицы, которая при наличности отдельной толоки еще не создает строгой принудительности в севообороте, не может дать много преимуществ. Степное хозяйство и впредь должно остаться зерновым. Но оно нуждается для своего улучшения в тщательной и, что особенно важно, в своевременной обработке. Этому мешает разбросанность полос и их отдаленность. Устройство хуторами, конечно, значительно облегчает и ускоряет обработку полей. В связи с этим хутора и в степном

[1]) *И. В. Мозжухин*, стр. 258—289.

[2]) *Юрин*. Хутора и отруба Тамбовской губ., изд. Тамбовского Управл. Землед. и Госуд. Имущ. Тамбов, 1913 г.—Укрепление наделов в личную собственность в Казанской губ. Издание Оценочного Стат. бюро Казанск. Губ. Земск. Упр. 1914 г.

районе развиваются вполне удовлетворительно. Но вследствие трудностей с водоснабжением устройство хуторов возможно лишь в исключительных случаях. Большею-же частью, при разверстании крупных сел усадьбы остаются на месте. А в этих условиях, отдаленность полей от усадьбы землеустройством не устраняется. Повидимому, в этом причина того, что разверстание дало наименее благоприятные результаты в Николаевском уезде. Здесь 63% всех отрубов расположены на расстоянии более 5 верст от усадьбы, в том числе 30,5% даже свыше 10 верст и 15% даже свыше 20 верст. Конечно, в результате сверстания все-таки условия обработки стали легче; но вопрос состоит в том, окупили-ли эти удобства те неудобства, которые связаны с ликвидацией общих пастбищ.

Весьма возможно, что устройство выселков в порядке группового землеустройства было-бы на юго-востоке целесообразнее перехода на отруба, и действительно, такое движение замечается. Но, разумеется, такое устройство выселков было бы целесообразно комбинировать с отводом полевой земли не в чересполосице, и в отрубах. Так в сущности и поступал Крестьянский Банк; первоначально он увлекался схематическим насаждением хуторов, а позже, приспособляясь к естественным условиям степей, часто стал устраивать поселки отрубников с поселением в них покупщиков. Так ликвидирован земельный фонд Банка в Николаевском уезде. Эти хозяйства на банковской земле по данным правительственного исследования развиваются успешнее отрубов на надельной земле.

Вообще техника русского землеустройства была далека от совершенства и нуждается в критическом исследовании на основании имеющегося, уже достаточно богатого, опыта.

X.

Русское землеустройство несмотря на его молодость, получило столь широкое развитие, что мы имеем полную возможность дать ему оценку.

При полном незнакомстве русского общества с вопросами землеустройства, оно первоначально было склонно рассматривать правительственные начинания в этой области, как начальственную фантазию, которая не может иметь никаких серьезных последствий. Все эти начинания представлялись чисто искусственными, не связанными с потребностями жизни, а внешние успехи приписывались административному давлению. Однако, если можно себе еще представить.

что Крестьянский Банк может навязать ту или другую форму землепользования нуждающемуся в его земле крестьянину, то совершенно иначе обстоит с процессом землеустройства на надельных землях. А между тем землеустройство получило самое широкое развитие, именно, на надельных землях, где численность образованных хуторов и отрубов в пять раз превышает число землеустроенных хозяйств, образованных на банковской земле.

Кроме того, в первые годы после издания Указа 9 Ноября 1906 г. землеустройство имело наибольший успех в Западной России. О давлении на тамошних подворников не могло быть речи, ибо Указ 9 Ноября не предусматривал выделов отдельных домохозяев в подворных селениях, а только общее разверстание селений, и притом при наличности квалифицированного большинства в $^2/_3$ голосов. Такое квалифицированное большинство признается теперь даже и на Западе, где крестьянское население стоит на более высоком уровне культуры, стеснительным для успехов землеустройства. Однако, потребность в землеустройстве среди подворников Западной России настолько объединяла все элементы деревни, что собрать квалифицированное большинство удавалось, подворное крестьянство преодолевало все затруднения, как известные группы его преодолевали еще большие затруднения прежде,—при отсутствии всякой законодательной регламентации землеустройства.

В общинной России, положение было иное. Там землеустроительные комиссии в борьбе против общины фактически давали возможность каждому хозяину при желании выделиться из чересполосицы, не считаясь с тем, что это связано с переверсткой земли у общинников, и нередко комиссии нарезали выделяющимся лучшие земли. Однако, в данном случае необходимо различать два процесса—укрепление земли и выдел ее. Можно себе представить, что администрация могла с успехом вести пропаганду в пользу укрепления наделов, ибо последнее само по себе не связано ни с какой ломкой в хозяйственной жизни двора. а потому, если к тому представляется некоторый интерес, то укрепление осуществляется с легким сердцем.

Иначе обстоит с выделом к одному месту. Дело это связано с коренной ломкой всего хозяйства, при выходе на хутор в особенности, и для того, чтобы решиться на такое дело, в общинной России новое,—решиться в большинстве случаев при недоброжелательном отношении однообщинников, что, конечно, то-же не могло не создавать затруднений,—у выделяющихся должно быть твердое убеждение, что выдел к одному месту дает существенные выгоды. Расчитывать на

правительственные ссуды и пособия не было основания, ибо их получали далеко не все и в размерах, совершенно не соответствующих предстоящим расходам. И если среди достаточно консервативного русского общинного крестьянства нашлось в течение нескольких лет 360 тыс. домохозяев, которые такой шаг решились сделать, то это показывает, что землеустройство не есть начальственная фантазия, что оно отвечает назревшим экономическим потребностям, если не всего крестьянства, то широких слоев его.

Однако, очень скоро и в общинной России разверстания целых селений получили более широкое развитие, чем индивидуальные выделы. Разверстание целых селений получило преобладающее значение над индивидуальными выделами в Новороссии, кроме Донской обл., в Малороссии, в приозерных губерниях и центральных промышленных губерниях и даже кое-где на крайнем востоке. Конечно, это движение могло быть несколько ускорено стремлением общим разверстанием предупредить часто невыгодные для них индивидуальные выделы, но все-же нельзя себе представить многие сотни тысяч хозяев, решающихся на такую ломку своего хозяйства, только по такому мотиву. Гораздо вернее другое объяснение, что картина хозяйственного развития хуторов и отрубов убедила общинников в целесообразности этой меры. Землеустройство—наглядное для крестьян дело, и если оно столь стремительно расширялось в России, то это, конечно, могло случиться только потому, что крестьянство, в общем, оценивало эту меру вполне положительно.

Лучшим выражением этой оценки являются сравнительные цены чересполосной и сверстанной земли. Земельные цены строит не администрация, ни даже хуторяне и отрубники, их строит все крестьянство в целом, и в этих ценах объективируются результаты землеустройства. Согласно правительственному обследованию средняя по 11 уездам цена надельной земли чересполосной была 120,7 руб., а сверстанной 178,5, следовательно произошло повышение ценности земли без малого на 50%. Это повышение имело место во всех 11 уездах в пределах от 6% (Кременч. у.). до 122% (Ржевский у.). Уверенность, что в результате сверстания ценность земли повышается, представляется настолько несомненной, что желающие укрепить свой надел в целях его продажи всегда предпочитают получить землю в сверстанном виде [1]).

[1]) Это делалось в Западной России еще при спонтанном землеустройстве. «Хуторские расселения Псковской губ.», стр. 93.

Итак, об искусственности землеустройства, о его оторванности от реальных нужд и потребностей крестьянства не может быть речи. Можно только утверждать, что для общинной России путь этот был новым; если подворники на западе России сами нашли его, то общинники его не нашли, этот путь был открыт правительством, и общинная Россия массами двинулась по нему поощряемая, а сначала и слегка подталкиваемая, властью.

Перехода к оценке самого русского землеустроительного законодательства, необходимо прежде всего остановиться на центральном пункте,—на праве вызвать разверстание, на т.-наз. праве «провокации». Что касается подворной России, то по отношению к ней русское законодательство не нарушило самых строгих принцицов демократии. Право требовать разверстания, ни отдельным хозяевам, ни группам хозяев, не было дано. По Указу 9 ноября 1906 г. требовалось большинство в $^2/_3$ для разверстания, и только по закону 14 июня 1910 г. для разверстания признано было достаточным простое большинство.

Весь одиум, который вызвало землеустроительное законодательство, относится к той его части, которая касается общинной России, понимая этот термин в широком смысле, т.-е. относя к ней и те селения, которые во время Великой Реформы признаны были состоящими на общинном праве, хотя бы они переделов не производили. В таком широком смысле общинники составляют около $^4/_5$ русского крестьянства.

Мы уже указали, что общину ни в коем случае нельзя рассматривать, как землеустроительный аппарат. Хотя она изредка исполняет некоторые землеустроительные функции, но ее цель равнение земли, а не освобождение членов от принудительного севооборота и коммассация земли. Община всегда могла совершить акт землеустройства с разверстанием, но она этим правом не пользовалась, и не было оснований ожидать, что землеустроительное движение в ней разовьется.

Если, таким образом, признать, что землеустройство для общинной России было неотложно, то из этого вытекало, что оно могло быть осуществимо лишь при условии предоставления известному меньшинству права «провокации» разверстания. И если Пруссия, имея дело с населением более культурным, считает возможным дать право провокации $^1/_6$ части заинтересованных сельских хозяев, то нельзя признать злоупотреблением, если в русских законах 1910 г. и 1911 г. такое безусловное право дано $^1/_5$ части членов общины или абсолютному числу в 50 членов. Такого рода правило не могло бы вызвать

периодических актов разверстания, стесняющих общину в ее землепользовании; выдел всех желающих уйти из общины совершился-бы единовременно.

Но как известно русское законодательство пошло в этом отношении дальше. С эластической оговоркой о непричинении «неудобств общине» еще Указ 9 Ноября 1906 г. дал право выдела к одному месту каждому домохозяину, и это право было подтвержено последующими законодательными актами.

Нельзя сказать, как мы видим, что такое право неизвестно западным законодательствам. Но в русских условиях оно было прежде всего экономически нецелесообразно. В скандинавских странах это право было дано в конце XVIII-го и начале XIX-го столетия многоземельному крестьянсту. Общее разверстание было для него несомненно полезно. Русское крестьянство представляет иной тип. Наряду с крестьянством, могущим сильно выиграть от землеустройства,— в его среде имеются значительные малоземельные слои, которые не могут много выиграть от него, которых благосостояние было связано с заработками, местными или отхожими. Эти слои ищут в сельском хозяйстве известного натурально-хозяйственного дохода, денежный доход они извлекают из заработков. Сколько-бы их ни беспокоили, они на землеустройство не пойдут, ибо они не могут создать доходного, в меновом смысле, хозяйства. Есть, наконец, на Востоке целые районы России, где вследствие малоблагоприятных условий для менового сельского хозяйства (недостаток путей сообщения, отсутствие местных рынков) землеустройство должно развиваться в известной постепенности.

Таким образом, если в некоторых случаях давление индивидуальных выделов в сторону всеобщего разверстания могло быть в конечном счете полезным, преодолевая консерватизм массы, то в некоторых, правда, редких случаях угроза индивидуальных выделов вгоняла в землеустройство слои, не подготовленные к этой мере. Гораздо чаще сторонники общины ее сохраняли, но индивидуальные выделы нарушали распорядок их хозяйства. Если разговоры об общем переделе имеют часто самое вредное влияние на хозяйство, препятствуя правильному удобрению полей, то еще в большей степени боязнь индивидуальных выделов нарушает нормальную хозяйственную деятельность [1]).

[1]) *И. В. Мозжухин*, стр. 172, приводит случаи, когда из боязни выделов не оставляли земли под паром, чтобы «отчужденцам» не досталась отдохнувшая земля, или по 5—6 лет не удобряли земли.

Если значительной части крестьянства предстояло еще долго жить в общине или хотя-бы в чересполосице, а может-быть и навсегда в ней остаться, как осталась в чересполосице значительная часть крестьянства на Западе, то землеустройство не должно было расстраивать жизни общинной деревни. Ее хозяйство должно было в одинаковой степени быть предметом бдительного внимания.

Правительство прежде это отчетливо сознавало, и еще в наказе землеустроительным комиссиям от 19 сентября 1906 г. им вменялось в обязанность содействие «переделу общинных земель, в целях перехода к многопольному хозяйству», т. е. использование общины, как землеустроительного аппарата. Землеустроительные Комиссии, к сожалению, этой задаче уделяли мало внимания, а закон 1911 г. окончательно выключил ее из компетенции комиссии.

С политической точки зрения индивидуальные выделы были также мерой опасной. Задача культурной власти состоит в воспитании в народе принципов законности. Больше всего в таком воспитании нуждалось русское общинное крестьянство. Между тем индивидуальные выделы, покровительствуемые и проводимые землеустроительными комиссиями часто в ущерб интересам общины, ощущались ею, как беззаконие, как насилие, и это дало свои плоды.

Индивидуальные выделы содействовали поддержанию враждебного отношения к землеустройству в широких кругах общества. Что касается крестьянства, то эти выделы вызывали взаимную борьбу в его среде. Правда, поскольку землеустройство является жезненным, вражда эта довольно быстро замирает [1]).

Между тем особой нужды в этих индивидуальных выделах не было. Примеры рационального землеустройства можно было демонстрировать на разбросанном повсюду обширном земельном фонде Крестьянского Банка,

Однако, при всем том следует признать совершенно неправильным, если русское общество оценивало все землеустройство с точки зрения чинимых общине обид. На $^2/_3$ русское землеустройство развернулось в виде процесса разверстания сельских обществ во всей их совокупности, для чего в обществах требовалось даже квалифицированное большинство. Кроме того спрос на такие огульные разверстания в тех губерниях, где землеустроительные комиссии уже успели развить свою работу, естественно отвлекал их от индивидуальных выделов,—дела хлопотливого и дорогого. Не следует, впрочем, упускать

[1]) *Мозжухин*, стр. 171.

из виду, что под рубрикой выдела отдельных домохозяев входит также выдел иногда довольно значительных групп.

Другим менее существенным дефектом русского землеустройства было отсутствие в нем статей, защищающих при огульных разверстаниях интересы мало и безземельных элементов деревни. Для общинных селений, где передельный аппарат функционировал регулярно, этот вопрос, правда, является второстепенным, ибо население является здесь в земельном отношении мало дифференцированным. Но вопрос этот приобретает большее значение там, где община является только юридическим институтом без реальных передельных функций, а также в подворной России, ибо здесь население в земельном отношении более дифференцировано. Западно-европейские законодательства берут под свою защиту мало и безземельные элементы, требуя, чтобы они получали вознаграждение за потерю общего пастбища. Это предупреждало увеличение в деревне кадров безземельного пролетариата. Увлеченное «ставкой на сильных», правительство не внесло соответствующих статей в свои законопроекты землеустройства, а оппозиция, увлеченная принципиальной борьбой против землеустройства, также не предложила необходимых поправок.

Кое-что правительство впоследствии в этом отношении пыталось сделать в порядке инструкции, предлагая отводить малоземельным ближние земли.

Менее основательны некоторые другие упреки делаемые русскому землеустройству. Его радикализм, стремление по возможности сверстать землю к одному месту, в большинстве случаев, оправдывался русскими условиями. Русское сельское хозяйство находится на экстенсивной стадии развития, в частности общинники всегда производили переделы, а потому не представляется никаких серьезных препятствий к проведению радикальных форм сверстаний, вообще ведущих прямее к цели. С этой точки зрения было целесообразно насаждение хуторов там, где по естественно-историческим условиям, это было возможно, ибо при примитивности русских построек их перенос или даже возведение вновь, не так дорого, чтобы на этом следовало останавливаться. Между тем опыт уже показал, что хуторские хозяйства развивались успешнее отрубных, и население, первоначально настаивавшее на оставлении усадьбы на месте, впоследствии само переносило свои строения в поле. Правда, русское землеустроительное законодательство в своем стремлении сверстать все земли заходило слишком далеко. Едва-ли целесообразно разверстывать угодья, которыми общества пользуются для удовлетворения своих культурных

нужд, едва-ли целесообразно разверстывать общинные леса, а иногда бывает целесообразно и сохранить общее пастбище. Впрочем, практика землеустроительных комиссий была менее ригористична, чем закон, и как мы видели известная, небольшая часть земли оставлялась в общественном владении.

Не может быть поставлено в упрек русскому землеустройству то, что оно не было в достаточной мере скомбинировано с мелиорациями. Последние потребовали-бы громадных средств, которыми страна пока не располагала, а затем производство мелиораций чрезвычайно затормазило-бы землеустроительную реформу, между тем как в данный исторический момент задача и должна была состоять в том, чтобы провести ее в массовом масштабе. Из последнего вытекала также необходимость возможного упрощения процессуальной стороны дела. Правда, это упрощение в тогдашних условиях имело и отрицательные стороны, ибо в русских землеустроительных комиссиях административные элементы были слишком сильно представлены в ущерб общественным и судебным.

Мы рассматривали здесь только вопрос об оценке внутри-надельного землеустройства, что касается группового землеустройства, то оно, вообще, ни с чьей стороны не вызывало принципиальных возражений. Оно удовлетворило уже давно назревшей потребности упорядочения русского аграрного строя.

Если при всех указанных дефектах мы должны дать с народно-хозяйственной точки зрения положительную оценку русскому землеустройству на надельных землях, то тем более, мы должны оценить положительно принцип землеустройство на земельном фонде Крестьянского Банка. Прежний порядок, когда Крестьянский Банк заботился только об увеличении земельного фонда крестьян, не уделяя никакого внимания вопросу о том, как крестьяне переданную им землю используют, следует признать неудовлетворительным. При массовой передаче крестьянскому населению земли, которое имело место после 1905 г., это следует признать с тем большим основанием.

Так как в данном случае мы имеем дело с территорией, которая еще не эксплоатируется в крестьянском хозяйстве, то следовательно у землеустроителя здесь руки развязаны, он может дать территории сразу ту организацию, которая при данных условиях является наиболее целесообразной. И было бы ошибкой, если бы он этого не сделал. Кроме того, те площади земель, которые эксплоатируют русские деревни, особенно, в черноземной полосе, настолько обширны, что интенсивная эксплоатация наиболее отдаленных участков

чрезвычайно затруднительна. При таких условиях, дальнейшее увеличение площадей хозяйственных единиц было-бы совершенно нецелесообразным. Главный смысл передачи земли крестьянам заключается с народно-хозяйственной точки зрения в том, что крестьяне, в общем, эксплоатируют землю интенсивнее, чем крупные землевладельцы. Поэтому при всякой аграрной реформе территории должна быть дана такая организация, при которой интенсивная эксплоатация ее былабы возможной, а для этого требуется приближение усадьбы к полю и следовательно колонизация новых земель.

Нельзя сказать, чтобы Крестьянский Банк ригористически проводил политику внутренней колонизации. Правительственное обследование показало, что без малого половина покупщиков живет вне приобретенной земли. Впрочем, покупщики, не живущие на приобретенной земле, во всяком случае имеют обычно свою усадьбу недалеко от нее.

Давно назревшим надо считать как поощрение землеустроительных начинаний самого населения в Сибири, так и нарезку там земли новым поселенцам хуторами и отрубами. С точки зрения развития русского народного хозяйства успехи переселенческого хозяйства имеют первенствующее значение, не только для обеспечения поглощения избытков сельского населения Европейской России, но не в меньшей мере потому, что на многоземельных окраинах может быть легче всего создан тот внешний рынок, который будет стимулировать расцвет промышленности внутренней России. До последнего времени русское переселенческое хозяйство далеко отставало от фермерского хозяйства в Новом Свете. Даже у старожилого населения Сибири редко приходилось на двор более 10 дес. посева. Это объяснялось отчасти внешними условиями,—сибирским бездорожьем, препятствующим широкому развитию менового хозяйства. Но после 1905 г. условия в этом отношении стали улучшаться,—к единственной сибирской магистрали стали примыкать новые линии, правительство стало тратить кое-какие средства на прокладку грунтовых дорог, успешно развивалось пароходство. А при таких условиях устранение внутренних причин, препятствующих наибольшему развитию производительности земледельческого труда, является своевременным. Как показывает опыт колонизации Нового Света, поселение хуторами, именно в условиях многоземелья, является фактором, дающим возможность максимально повысить производительность труда, ибо в этих условиях применение машин в сельском хозяйстве становитса наиболее рентабельным. Население Сибири в последние десятилетия стало все больше вовлекаться в меновое хозяйство и стало приобретать ма-

шины массами. Вместе с тем оно стало сознавать и дефекты своего аграрного строя. Поэтому неудивительно, что землеустройство среди него развилось широко почти спонтанно, при очень скромном содействии власти.

Как бы ни было очевидно значение землеустройства в истории развития сельского хозяйства Западной Европы, Нового Света, как-бы ни был очевиден интерес к землеустройству широких слоев русского крестьянства, как-бы явственно ни выступали хозяйственные результаты землеустройства на русской почве, землеустройство еще долго будет встречать определенную оппозицию в среде русского народничества. Русская община доказала, что прогрессивное развитие хозяйства в ее рамках возможно. А потому русское крестьянство не следует соблазнять итти другим путем—путем развития частной предприимчивости, в хозяйственной жизни, говорят народники. Личная инициатива с точки народничества не желательна, она опасна: «Дело не в предприимчивости отдельного лица», говорит виднейший экономист народнического направления о путях прогресса сельского хозяйства [1]),—«она может даже быть вредна там, где нужны знания, а у такого отдельного лица имеются лишь средства и самомнение; дело в том, чтобы в населении в его совокупности был развит дух предприимчивости... Предприимчивость же отдельного лица, может быть, имела значение, но тотда, когда еще не был накоплен достаточный запас знаний... Кроме того, надо иметь в виду, что при настоящих условиях эта предприимчивость в 99 случаях из 100 направляется обыкновенно на эксплоатацию населения, на подчинение его себе». Почтенный экономист полагает, что «предприимчивость», как раз в общине, находит себе самое надлежащее применение,—она проявляется в убеждениях, в доказательстве односельчанам, что то или другое нововведение полезно [2]). Понятно, что экономисты народнического направления, влияние которого на русскую общественную мысль до недавнего времени было преобладающим, являются апологетами принудительного севооборота, т.-е. того института против которого и направлено землеустройство.

[1]) *И. Каблуков.* Об условиях развития крестьянского хозяйства в России, 2-ое изд., стр. 180—182.

[2]) На той-же точке зрения отрицания частной предприимчивости в хозяйственной жизни стоит и коммунизм. Правда, он относится отрицательно и к общине, считает ее очагом мелкобуржуазной психологии. Но и коммунизм стоит за полное равнение крестьянства, которое должно путем «убеждения» попасть под руководство социалистической власти; при этом лучше если крестьянские хозяйства раньше сольются в артели и коммуны.

Мы не будем опровергать указанных утверждений, ибо они вытекают из особого мировоззрения, имеющего глубокие корни в русской культуре. Критическое рассмотрение этого мировоззрения завело бы нас очень далеко от нашей темы. Мы только подчеркнем здесь, что мы исходим из противоположного взгляда. Мы считаем, что корни русского аграрного кризиса, именно, лежат в том, что наш аграрный строй был чрезвычайно неблагоприятен развитию частной инициативы среди многомиллионного русского крестьянства. Главное значение землеустройства и состоит, конечно, в том, что оно эту инициативу будет поддерживать, и постольку Россия начнет сближаться с Западом. Кто относится отрицательно к самому принципу частной инициативы в хозяйственной жизни, тот, конечно, отвергнет и землеустройство. Само крестьянство, именно, и начинает высоко ценить землеустройство потому, что его начинает привлекать свобода хозяйственного строительства и обеспеченность результатов его [1]). Внося дух личной предприимчивости в крестьянскую среду землеустройство тем самым разрушает ту вековую рутину в которую эта среда погрязла. «Произошел величайший сдвиг в сознании масс, тронулись вековые устои, зашатался стародавний уклад жизни», таково впечатление, которое вынес исследователь землеустройства, касательно его психологического воздействия на население [2]). «Землеустройство», продолжает он, «будило стремление... работать, искать новых путей, учиться правильному уходу за землей [3]).

[1]) Мы не можем здесь удержаться от того, чтобы процитировать простодушные рифмы псковского хуторянина доставленные мне местным жителем И. К. Кузьминым; они хорошо отражают психологию хуторянина:

Хутор—поле небольшое,
Оно вечное мое,
Смело в землю плуг пускаю,
Смело садик развожу.
Не бояся переделов,
Все навозом уложу.
С капиталом соберусь,
Все кругом огорожу.
Теперь смело расчищаю,
Что сосед мой заростил,
Смело камни убираю,
Не жалея своих сил.

[2]) И. В. Мозжухин, l. l. стр. 288.

[3]) Это искание новых путей даже со стороны сравнительно серых крестьян, попавших в условия хуторского хозяйства, поражало и пишущего эти строки при посещении хуторян Псковской и Петроградской губ.

Развитие частной инициативы нисколько не может служить препятствием участию хуторян и отрубников в кооперативном движении, вне которого крестьянское хозяйство не может успешно развиваться. Наоборот, стремление перестроить хозяйство на новых началах, отклонение от исконных натурально-хозяйственных основ его приводит устроенное хозяйство в более тесный контакт с внешним миром и заставляет искать опоры в кооперации. И опыт Запада, и факты из русской жизни подтверждают, что как раз хуторяне и отрубники охотнее других крестьян примыкают к кооперативному движению.

Каковы бы ни были дефекты русского землеустройства, вызванные политическими условиями момента, появление среди серой однородной массы русского крестьянства более 1½ миллионов дворов хуторян и отрубников имеет решающее значение. Оно обозначает громадный сдвиг в жизни русской, своего рода глубокую революцию. И история русское землеустройство оправдает. Можно сказать даже больше: русское землеустройство уже оправдано историей. Несмотря на то, что старый режим не только не смягчал тех антагонизмов, которые неизбежно возникают в крестьянской среде в процессе землеустройства, а наоборот, даже стремился их обострить, все же социальная революция, ураганом пронесшаяся по великой стране, лишь в немногих районах затронула хутора и отруба,—эти специфические продукты аграрной политики старого режима. Зато в приозерном районе, в центральной промышленной полосе и даже в некоторых губерниях центральной земледельческой полосы крестьяне с большим упорством добиваются того, чтобы разверстания продолжались. Полученные прирезки земли часто лишь обостряют требования разверстания. И несмотря на холодное отношение власти к разверстанию земли на хутора и отруба, во многих губерниях пришлось итти навстречу требованиям крестьянства. Последнее идет часто и на обходные движения. Многочисленные выделы из общины артелей в революционное время в действительности представляли из себя замаскированный артельным флагом выход на хутора. Таким образом, начавшееся при воздействии старой власти землеустроительное движение не затихает.

И мы в заключение позволим себе выразить уверенность, что, в процессе грядущего возрождения русского народного хозяйства вообще, и сельского хозяйства, в частности, хуторянам и отрубникам суждено сыграть не последнюю роль.

Обзор современной земельной политики иностранных государств.

(Доклад 2-ому Съезду Лиги Аграрных Реформ в Петрограде 23 июня 1917 г.).

В момент, когда нам предстоит стать лицом к лицу с исключительно сложной проблемой аграрной реформы в России, совершенно естественно оглянуться кругом и поискать руководящих указаний в опыте других культурных стран, которые помогли бы нам ориентироваться в занимающей нас проблемме.

Я попытаюсь в нижеследующем, из широкой области аграрной политики иностранных государств, выяснить специально их отношение к земельным отношениям трудового хозяйства, к вопросу о переходе земель от крупного землевладения к мелкому; я постараюсь также выяснить тот земельный режим, которого придерживаются иностранные государства по отношению к мелкому хозяйству. Придавая значение знакомству с опытом иностранных государств для общей ориентации в русском аграрном вопросе, я все же должен указать, что каждая реформа совершается в определенных условиях, и ни одна социально-политическая реформа не может быть предметом точного подражания. Это особенно справедливо в вопросах аграрных, ибо сельское хозяйство является производством, изменяющимся в зависимости от местных условий в большей мере, чем промышленность.

Первый вопрос, который мы должны себе поставить, заключается в том, имеется ли в иностранных государствах тот аграрный вопрос, которым мы занимаемся. Конечно, аграрный вопрос, как вопрос о наилучшей организации земельных отношений, существует везде и повсюду, но того конкретного вопроса, который у нас стоит на очереди, в сущности говоря, в большинстве культурных стран Западной Европы не существует. Наш аграрный вопрос сводится в своем существе к исключительно острому кризису, переживаемому крестьянским населением. Громадные массы нашего сельского населения не находят себе достаточного заработка ни на своих наделах, ни в чужих хозяйствах, ни в отхожих промыслах. Этих явлений в

большинстве государств Западной Европы, экономически правильно развивающихся, не существует. Громадное развитие промышленности оттянуло и продолжает оттягивать от сельского хозяйства очень значительные кадры сельского населения и в то же время создает прекрасные рынки для сбыта сельско-хозяйственных продуктов. Эти обстоятельства, при наличности большой экономической энергии и более высокой культуры у сельского населения Запада, уничтожили те явления аграрного перенаселения, которые когда-то, в начале прошлого столетия, в Европе были весьма заметны. О странах Нового Совета с их неисчерпанными естественными богатствами говорить, конечно, не приходиться,—не там надо искать явлений аграрного перенаселения. Если же мы желаем найти нечто сходное с нашим аграрным вопросом, то мы должны искать аналогию не в настоящей Европе, а в тех странах европейской культуры, которые сейчас считаются «отсталыми». Мы найдем явления аграрного перенаселения или исключительного неблагоприятного положения сельского населения в Испании, в некоторых, преимущественно, южных провинциях Италии, в Галиции и, наконец, найдем еще более, чем у нас, обострившийся аграрный кризис в Румынии.

Зато в Западной Европе имеется свой аграрный вопрос, но, если угодно, этот вопрос имеет обратный характер по сравнению с нашим. Там государству приходится заботиться не о том, чтобы многочисленное сельское население нашло себе достаточный заработок, государству приходится заботиться о том, чтобы сельское население, в погоне за более выгодными городскими заработками, не покидало массами деревень и не обессиливало тем сельского хозяйства.

То обстоятельство, что из деревни население массами уходит в город, вызывает сильные жалобы со стороны крупных хозяев, которые остаются без рабочих; это грозит им понижением рентных доходов. Но есть и общегосударственная точка зрения, которая заставляет беспокоиться по этому поводу. Смущает обезлюдение деревни, потому, что страны Западной Европы уже сейчас находятся в своем пропитании в зависимости от импорта, и что зависимость эта все усиливается, так что на случай войны, которая в конце-концов так-таки обрушилась на Европу, предвиделись серьезные затруднения с продовольствием. Наконец, как ни блестяще развивается промышленность Западной Европы, и в этом развитии замечаются заминки, кризисы, и представляется чем-то ненормальным, если, при наличии известного кадра безработных, земля, которая могла бы впитать в

себя труд значительного населения, надлежащим образом не используется. Вот те два мотива, один—классовый, а другой—государственный, которые двигают в настоящий момент земельной политикой большинства цивилизованных стран Западной Европы.

Если обратиться к стране, которая является передовой в отношении развития капитализма,—к Англии, то там по указанным соображениям был предпринят целый ряд реформ, которые отчасти порывают с тем, что обычно признается основными устоями буржуазного строя, но которые, однако, еще не привели пока к крупным результатам. С конца прошлого столетия в Англии не перестают беспокоится по поводу так называемого Rural Exodus, т. е. исхода из деревень, и стараются принять против него меры. В течение 80-х годов по английскому обычаю издается целый ряд друг друга дополняющих законов, так называемых Allotment acts, которые имеют задачей как-нибудь привязать сельских рабочих к земле обеспечением их усадебными оседлостями и мелкими участками земли, на которых они могли бы завести себе огороды. Правительство уже в 80-х годах в этих видах стало прибегать к принудительному отчуждению земли. И такие участки были созданы в большом количестве. Но это все-таки не было настоящим решением задачи, поставленной временем, и только служило некоторой поддержкой для капиталистического производства. А между тем в отношении своего продовольствия Англия попадала в возрастающую зависимость от иностранного ввоза. Правительство беспокоилось, что уже три четверти пшеницы является ввозной, что ввозится значительная часть и мяса, и даже молока. Из сравнения с положением дела на континенте стало ясно, что причиной малой продуктивности английского сельского хозяйства является его односторонне-капиталистическая организация Надо было воссоздать, некогда разрушенное, крестьянское хозяйство.

И вот в 1892 году издается Small Holdings Act, закон о мелких участках. Согласно этому закону, советам графств предлагается покупать землю там, где имеется спрос на мелкие участки, для раздачи их в собственность, в размере до 50 акров, и в аренду—в размере до 15 акров. Графства оказывают активное содействие новым поселенцам. Но зато последние в известной мере ограничиваются в их праве распоряжения землей. Купивший, например, не может использовать этого участка иначе как для сельско-хозяйственных нужд, и вообще он ограничивается постольку, поскольку это необходимо для выполнения того задания, которое себе поставило государство. Эти ограничения срочные и падают с выплатой долга. Для облегчения приобретения

участка даются льготы. Немедленно необходимо внести $^1/_5$ часть стоимости участка, остальное рассрочивается на срок до 50 лет, при чем дается возможность часть долга совсем не выплачивать, превратив его в рентный платеж.

Закон этот совершенно не имел успеха. Прошло 15 лет с его издания, и было роздано всего лишь около 750 акров земли. Чем была обусловлена такая неудача? Отчасти — недостаточным вниманием к этому делу советов графств. Но, главным образом, тем, что земля в Англии централизована в крепких руках, из которых ее трудно добыть. И вот в 1908 году издается второй Small Holdings Act, который признает уже за советами графств право принудительной покупки и принудительной аренды земли. Деятельность советов ставится под контроль государства, которое и ассигнует средства на это дело. Мы могли бы подумать, что такой акт не обошелся без ожесточенной классовой борьбы. Однако, подобной борьбы почти не было, консерваторы возражали только против принудительной аренды земли.

Теперь мы можем уже отметить первые результаты действия нового закона. Хотя и медленно, но все же, несомненно новый закон входит в жизнь. До 1-го января 1915 года около 200 тысяч акров (75 тысяч десятин) было использовано для создания новых хозяйств. Чрезвычайно характерно для англичан то, что вся эта земля исключительно была взята в аренду мелкими хозяевами, и почти не нашлось желающих приобрести землю. У англичан нет стремления закрепить за собой земли. Они рассматривают ее, как способ приложения своего капитала и труда, и предпочитают деньги использовать для лучшего оборудования хозяйства. Что касается советов графств, то они $^3/_4$ земли приобрели и лишь $^1/_4$ заарендовали. К принуждению приходилось прибегать редко, но, может быть, потому, что землевладельцы знали о наличности у советов такого права. В общем дело идет успешно. Все данные говорят за то, что 13 тысяч устроенных хозяйств развиваются. Были также попытки передачи земли кооперативам, но оне не удались. В результате получилась довольно оригинальная картина развития реформы: советы графств преимущественно покупают землю, и сами сдают ее в аренду. Это заставило советы графств обратить сугубое внимание на мелиорацию и, вообще, культуру земли. По нашей терминологии, положено начало муниципализации земли, правда, в микроскопическом размере, потому что всего только 0,7% площади Англии оказалось в руках муниципалитетов. Разовьется ли это дело в большую реформу,—пока предска-

зать трудно. Дело здесь не в том, чтобы правительство не желало широкого развития мелкого хозяйства, но трудность в том, что в Англии не существует столь знакомой нам «тяги к земле».

Если мы перейдем теперь к Германии, то и здесь мы имеем аналогичную политику, продиктованную между прочим тенденциями националистического порядка. В 1886 году был издан закон о так называемых «Ansiedelungskommissionen», которых задача — скупка земель польских землевладельцев для того, чтобы устраивать на них немецких крестьян. Но, кроме того, несколькими годами позже был издан закон уже без шовинистической окраски о, так называемых, рентных имениях. Землевладельцы получили возможность при содействии государственных учреждений колонизировать свои имения. Создаваемые в этих имениях крестьянские участки по первоначальной идее совершенно не выкупаются, а обременяются определенным рентным платежом, отсюда названия «Rentengut». Впоследствии допущен был и выкуп земли. Но во всяком случае сидящие на этой земле крестьяне подвержены известным ограничениям в свободе распоряжения землей: они не в праве ее закладывать, продавать без разрешения, введены некоторые особыя нормы наследственного права в предупреждение дробления земли и т. д. На западно-европейскую мерку дело внутренней колонизации в Германии достигло значительного развития,—распарцеллировано около 700 тысяч гектаров, особенно много в польских провинциях. В 1908 г. было разрешено поселенческим комиссиям принудительно приобретать земли польских помещиков. Впрочем, до сих пор было лишь три случая пользования этим правом.

Такие же приемы внутренней колонизации применяются и в других странах. В Норвегии они направляются к созданию мелких участков для сельско-хозяйственных рабочих. Но в Дании начали с устройства участков для рабочих, а затем перешли к созданию более значительных крестьянских участков. В весьма скромных размерах та же работа создания очень мелких рабочих участков начинается во Франции.

Перенесемтесь теперь в страну капиталистического хозяйства, вновь колонизованную,—в Австралию. Аграрный вопрос стоит здесь острее, чем в Западной Европе. Хотя земли в Австралии по отношению к населению очень много, но земельные отношения сложились далеко не счастливо; их постоянно реформируют, и еще будут реформировать.

Особенности аграрного вопроса Австралии обусловлены своеобразным развитием ее колонизации, которая совершалась под исклю-

чительно сильным влиянием капитализма. Когда началась колонизация Австралии свободными поселенцами (1830 г.), австралийские политики находились под влиянием известного учения Вэкфильда, продиктованного капиталистическими интересами. Сущность этого учения заключалась в том, что в новой стране можно создать культурное общество лишь при условии перенесения туда капиталистического строя на подобие английского. Спрашивается, как же этого достичь? Ведь когда эмигрант приезжает в новую страну, он может получить земли сколько угодно. В этом Вэкфильд и усматривает опасность, в этих видах он выдвинул следующий проект. Земля в этих колониях должна продаваться не дешево, а дорого для того, чтобы рабочий человек не мог ее получить; земля будет приобретаться только капиталистами, а на вырученные от продажи земли средства в колонии должны бесплатно привозиться из метрополии рабочие и производиться известные подготовительные общественные работы. И вот в Австралии был принят метод не давать земли трудящимся, а продавать ее с аукциона по дорогой цене.

Нельзя сказать, чтобы метод колонизации Вэкфильда привел к тем результатам, которые ожидались. Австралия имела такие колоссальные пространства и так была удалена от рынков, что для широкого развития земледелия страна еще не была зрелой. На очереди было развитие скотоводства. Капиталисты-скотоводы, «скуотеры», решили, что им незачем тратить большие деньги на покупку прибрежных земель, они проникли со своими стадами в глубь страны и создали там колоссальных размеров мериносовое овцеводство, на котором и было построено все богатство Австралии. И вот Австралия уже к 40-м годам стала богатой страной капиталистического скотоводства.

В 50-х годах там усиливается иммиграция вследствие нахождения золота; население быстро наростает. Но прииски скоро истощаются, и в стране оказывается значительное население, обладающее кое-какими средствами; оно не прочь приложить свой капитал и свои руки к земле. Чтобы это население обеспечить землей, издается закон о «селекции», т. е. предоставляется желающим выбирать участки государственной земли при условии поселения на ней (система, принятая одновременно в Соединенных Штатах). Но эта система здесь не дала желанных результатов, потому что была преждевременной. Австралия тогда еще не достигла стадии земледельческой культуры. «Селекторы» захватывали землю только для того, чтобы заставить скотоводов ее у них выкупить. В период времени от 60-х годов до 90-х годов издавался и без конца переделывался целый ряд законов

о «селекции», и государство все-такл оказывалось перед разбитым корытом,—земли все-таки попадали в руки капиталистов. Законы эти приводили лишь к концентрации земли.

И вот в 90-х годах, когда население Австралии уже разрослось, и страна созрела для земледельческой колонизации, австралийские правительства оказались перед трудной задачей изъятия земли из рук крупного капитала, и тогда они развили поземельное законодательство, о котором теперь так много пишут, и которое возникло не от счастья, а от несчастья. Здесь были трудности двоякого порядка. Дело заключалось не в том только, чтобы получить землю, а также и в том, чтобы получить и подходящий элемент для колонизации, ибо приезжающие англичане в своей массе не земледельцы. Правительства издают закон за законом для получения земли из рук капитала, при чем допускается и принудительный выкуп земель, но, как и в Англии, он применяется в очень ограниченном числе случаев. Затем правительства активно содействуют устройству поселенцев, группируя их вместе (village communities, settlements). Некоторые правительства вводят также прогрессивный налог на землю для того, чтобы она не лежала в туне, налог этот доходит максимально до $1^1/_2$% ценности земли. Такими путями правительства понемногу изъемлют землю из рук капитала, и на земле создается оседлое сельское население. Этот процесс движется вообще весьма медленно и сравнительно наиболее успешно в Новой Зеландии. Здесь был создан институт вечной (в точности на 999 лет) аренды земли за фиксированный навсегда платеж. Но нужно заметить, что этот институт имеет мало общего с принципом национализации земли в нашем понимании, потому что вечный арендатор имеет право продажи земли. Эта форма присвоения земли очень популярна, потому что при ней земледелец освобождается от необходимости вкладывать капитал на покупку земли. Премьер Новой Зеландии, Юлий Фогель первоначально хотел частично осуществить национализацию земли, и его закон от 1885 года первоначально предусматривал переоценку земли с правом государства повышать платеж, но это право было через два года отменено.

Такова картина положения аграрного вопроса в Австралии. Я должен сказать, что концентрация земли во власти капитала не помешала ей достигнуть самого высокого уровня экономического развития и культуры, а также гегемонии демократии в политической жизни, так что в конце-концов, надо полагать, демократия сумеет перестроить земельные отношения согласно своим интересам.

Я в общих чертах охарактеризовал аграрную политику тех стран, которые достигли наивысшего расцвета своих производительных сил, и где аграрная политика преследует цели, существенно отличные от нашей. Теперь я скажу несколько слов про те более или менее «отсталые» страны, где аграрная политика имеет некоторые сходные задачи с нашей.

Италия до сих пор не предпринимала решительных реформ для изменения своего аграрного строя, хотя в некоторых, особенно в южных, провинциях этой страны ее сельское население страдает от ненормально сложившихся аграрных отношений. Но здесь имеется одно важное явление. которое смягчает аграрный вопрос,—это широкое развитие эмиграции. Государство содействует внутренней колонизации в южных провинциях и в Сицилии; таковая ведется капиталистическими компаниями под наблюдением государства. Очень больным вопросом Италии является состояние т. наз. «Agro Romano». Рим, столица Италии, окружен землями, почти не заселенными и притом заболоченными, неблагоприятно влияющими на здоровье населения окрестностей столицы. Такое состояние связано с господством здесь латифундий. Правительство озабочено устранением этого ненормального положения, хотя до сих пор оно не добилось серьезного улучшения. Только в последнее время состояние «Agro Romano» стало улучшаться, благодаря возникновению на нем, рационально поставленных, капиталистических хозяйств. Надо еще отметить поворот аграрной политики Италии в отношении к сервитутам коллективного пользования в том смысле, что они теперь не ликвидируются, как это прежде имело место, а утверждаются законом и упорядочиваются.

Более мрачную картину аграрного строя представляет Румыния, которая находится в худшем экономическом положении, чем сейчас Россия. Большая половина земельной площади находится здесь в руках крупного землевладения. Сельское население чрезвычайно густо. Промышленность не создалась. Крестьянство находится здесь в кабале у крупных землевладельцев, которые до самого последнего времени обыкновенно не прибегали к обработке земли собственным инвентарем, а сдавали часть ее в аренду и за счет отработок крестьян возделывали остальную часть своей земли. Таким образом, почти вся сельско-хозяйственная площадь помещиков обрабатывается крестьянским инвентарем, при чем, вследствие низкой производительности крестьянского труда, отработки препятствовали надлежащей обработке собственных наделов крестьян. Землевладельцы сильно эксплоа-

атируют крестьян, используя недостаток у последних выгонов. С политической стороны положение крестьян в Румынии также унижено, они не имели никакой возможности защищать своих интересов. Когда крестьянство волновалось, румынское правительство прибегало к тому же средству, которым пользовался наш старый режим,—оно натравливало крестьян на евреев.

Только в 1907 году, когда движение крестьян проявилось в грозных революционных формах, правительство вынуждено было, наконец, провести некоторые реформы, которые, повидимому, вошли в жизнь и некоторое влияние на аграрные отношения оказали. Правительство нормировало арендные платежи. Последние должны быть обязательно зарегистрированы, определен максимум арендного платежа, воспрещена аренда за отработки. Нормированы также договоры найма рабочих. Однако, видимо эти коррективы не достаточны, чтобы разрешить аграрный вопрос, и еще до войны в Румынии обсуждался проект принудительного массового отчуждения латифундий. Вопрос этот, вероятно, придется поставить во всей его широте.

Я не касался еще самой крупной аграрной реформы, проведенной английским правительством в Ирландии. Надо заметить, что ирландский аграрный кризис можно признать уже отошедшим в прошлое. А когда-то он стоял в самой острой форме. Здесь мы имели в полном смысле кризис аграрного перенаселения, обостренного ненормальными земельными отношениями. В толковании ирландского кризиса я разделяю точку зрения С. Н. Булгакова, который считает аграрныя отношения здесь только обостряющим моментом, а не основой кризиса. И действительно, ослабление кризиса стало уже замечаться со средины истекшего столетия, когда началась усиленная эмиграция ирландского населения в Америку, и крестьянское население Ирландии стало быстро сокращаться в своей численности. Аграрная реформа завершила экономическое оздоровление Ирландии, уже начавшаяся раньше.

Особенность ирландского аграрного строя, существенно отличного от русского, состояла в том, что там вся земля находилась в руках крупных землевладельцев. Ирландский кризис был вызван комбинацией исключительно неблагоприятных условий. В течение 18-го столетия Англия убила ирландскую промышленность, торговлю и мореплавание. Одновременно она отменила автономию Ирландии, чем усилила абсентеизм крупных землевладельцев, лэндлордов. Получилось такое положение, что население имело единственным источником существования землю, и ему нельзя было уходить в города

Землевладельцы, живя в Англии не создавали на месте рынка. Эти условия и привели к острому кризису.

В течение 19-го столетия английская демократия постепенно изменяет свою политику по отношению к Ирландии. Правительство Гладстона провело в 80-х годах знаменитую реформу арендных отношений, которая по английскому обычаю закрепила то, что отчасти уже было намечено в жизни. Эта реформа состояла в осуществлении по отношению к аренде так называемых трех F: 1) Fair rent—справедливый арендный платеж, определяемый не формально свободным соглашением сторон, а правительственными учреждениями, 2) Fixity of tenure—прочность аренды, достигаемая тем, что арендный контракт заключается на 15 лет, а затем его условия пересматриваются, и право имущественной аренды получает опять старый арендатор и 3) Free sale—право продажи арендатором его арендных прав. Арендное право стало цениться даже выше, чем право землевладельца. Земля была фактически закреплена за арендаторами; оставалось только это оформить. И вот в 1903 году проходит закон, которым правительство оказывает содействие выкупу земли фермерами. Он поощряет к продаже земли лэндлордов специальной добавкой к выкупной цене и некоторыми правовыми льготами. Выкуп земли идет в Ирландии быстро, так что об аграрном кризисе Ирландии говорить уже не приходится.

Английское правительство, произведя эту крутую реформу, согласно сказанному, осталось на почве частной собственности. Но и в других государствах институт частной крестьянской собственности остается в общем незыблемым. Те поправки, которыя делаются в нем, далеко не глубоки и не принципиальны. Отчасти эти поправки делаются временно для достижения определенных целей, как, напр., в случаях внутренней колонизации. Часто вводятся поправки в виде так называемого наследственного права, предупреждающего дробление земли при наследовании, но это право по преимуществу факультативное, т.-е., крестьянин может подчинить свой участок действию особого наследственного права, но может и отказаться от этого.

Очень популярен среди аграр-политиков Западной Европы американский лозунг Homestead (Heimstätte, bien de famille insaisissble). Это движение имеет свою довольно оригинальную историю. Когда под влиянием заокеанской конкурренции в Западной Европе разразился аграрный кризис, то, естественно, ученые обратили внимание на Америку. Там они нашли господствующим трудовое хозяйство и обратили внимание на те особые законы, Homestead laws, которые

существуют в некоторых, преимущественно западных, штатах (помимо общегосударственного Homestead law от 1862 г., имеющего другое значение) и в некоторой мере как-будто гарантируют неотчуждаемость фермерской земли. И вот исследователь этого вопроса Мейер увидал там больше того, что там действительно было. Ему показалось, что там осуществлен принцип трудовой семейной неотчуждаемой собственности, и что будто-бы в этом и заключается сила американского хозяйства. В связи с этим все движение в Западной Европе к созданию неотчуждаемой крестьянской собственности шло под лозунгом «Homestead». В действительности же Мейер, как потом выяснилось, преувеличил значение «Homestead laws» отдельных штатов. Они возникли под влиянием некоторых причин, впоследствии резко изменившихся. Прежде ипотечный кредит был плохо организован в Америке, и кредиторы имели право востребовать единовременно ссуду. Другая причина появления «Homestead laws» было стремление к охране интересов женщин и детей. Вообще, женщины находятся в особом положении в Америке, их интересы внимательно охраняются. Но гарантии, которые эти законы дают семье, весьма скромны. Эти законы не безусловны, они редактированы разнообразно, и значение их чисто социальное—обеспечение известным минимумом семьи, но никак не производственное. Впоследствии, по мере усовершенствования земельного кредита, эти законы потеряли свое значение.

Под лозунгом «Homestead» были созданы законы и в Германии, и во Франции. Но законы эти факультативные, т.-е., если крестьянин желает, то он может закрепит землю в роде. Результаты этих законов весьма скромны, как показало недавно произведенное обследование действия закона о так называемом bien de famille insaisissable во Франции. Не говоря уже о том, что неотчуждаемые участки очень малы и не могут быть основой для сельского хозяйства, охотников создавать такие участки оказалось ничтожное число.

В заключение мне придется ответить еще на вопрос,—в каком положении находится движение к национализации земли на Западе. Идея эта является популярной в некоторых странах—в тех, где земля закреплена в руках крупных землевладельцев; она популярна в Англии, в австралийских колониях. Но до сих пор она не привела ни к каким серьезным опытам. Упомянутый уже ново-зеландский закон Юлия Фогеля просуществовал только два года. Что касается идеи социализациии земли, то она абсолютна чужда Западу и едва ли даже может быть понята европейским хозяином; земля для него

есть только один из факторов производства, хозяйство же составляется из соединения с ним капитала и труда. Земля, не оплодотворенная капиталом, с точки зрения европейца, не может еще стать основой хозяйства.

Заканчивая свой краткий обзор, я должен отметить, что, кроме как в Рымынии, мы не оказались перед реформами, имеющими близкую аналогию с предполагаемой у нас. Это объясняется темъ, что в Западной Европе аграрный вопрос, в нашей его постановке, уж был решен в предшествующую эпоху, в эпоху либеральных реформ. Эпоха либерализма, освободив личность, освободила вместе с тем такой громадный запас энергии в сфере экономического строительства, что в конце концов широкое развитие производительных сил было достигнуто. Где политический переворот совершила демократия, этот процесс прошел для нее сравнительно бесболезненно. Так, французское и западно-германское крестьянство сумели сохранить за собою большую часть земли. Где крупные земледельцы сумели захватить землю, как это было в Англии и в Пруссии, там народныя бедствия были более значительны, и они были ликвидированы только на почве грандиозного развития промышленного капитализма. В России освобождение крестьян не сопровождалось ни созданием свободных учреждений, ни развитием свободы личности, ни созданием тех условий, которые необходимы для трудной задачи культурного подъема крестьянства и общего развития производительных сил. В связи с этим Россия пришла к переживаемому кризису. Зато мы в данный момент достигли такой победы демократии, подобная которой имела место разве только во Франции. Я думаю, что ближайшая эпоха ознаменуется в России освобождением творческой инициативы личности, и что, основываясь на европейском опыте, показавшем и отрицательные стороны индивидуализма, мы сумеем создать ту систему мер, которая приведет к гармонии свободу личной инициативы с защитой интересов народных масс от капиталистической эксплоатации.

Социально - экономические основы крестьянского хозяйства.

Издавна существовал взгляд, что крестьянство, даже западное, представляет из себя некультурную массу, мало способную к какому-либо прогрессивному движению, и что весь прогресс сельского хозяйства создается и накопляется крупным капиталистическим хозяйством. С течением времени, взгляды этого рода были сильно поколеблены объективным изучением эволюции мелкого хозяйства. Знакомство с состоянием крестьянского хозяйства не только в странах Западной Европы, но даже и в России приводит к непреложному убеждению что прежние утверждения об исключительной инертности крестьянина совершенно не соответствуют современной действительности. Как раз со времени наступления в последней четверти истекшего столетия в Западной Европе аграрного кризиса, когда крупное хозяйство искало своего спасения в аграрном протекционизме и в более или менее замаскированных правительственных воспособлениях, как раз в эту эпоху в Западной Европе крестьяне, пользуясь развившимся широким спросом на продукты животноводства и на разные продукты интенсивного хозяйства, приспособили свое производство к лучшему обслуживанию рынка и преобразовали его в соответствии с указаниями научной агрономии.

Предпосылкой для этого коренного переворота в крестьянском хозяйстве явилась общая демократизация культуры в Западной Европе. Там не носились с мечтой, от которой не хотели отказаться реакционные элементы в России, — дать крестьянству профессиональные знания, минуя общее просвещение. Только крестьянство, прошедшее через хорошую народную школу,—через школу, которая не только дает простую грамоту, но и приводит в контакт с современной культурой, только такое крестьянство могло ориентировать свою деятельность в соответствии с сложными экономическими потребностями современности. Недаром образцовой признается постановка крестьянского хозяйства Дании,—страны, в которой издавна создалась густая сеть, т. наз., народных университетов, обслуживающих крестьянство.

Провести все крестьянство через профессиональную школу не в состоянии и самые богатые страны Западной Европы. Но в этом и нет особой необходимости. Если в прежнее время только крупное хозяйство имело возможность пользоваться услугами научно подго-

товленного агронома, то в настоящее время этой привиллегии крупного хозяйства уже не существует. Постепенно были выработаны приемы, которые мы обычно объединяем под названием общественной агрономии, с помощью коих результаты научной агрономической мысли проводятся в самую толщу крестьянской массы, и, конечно, чем выше общий уровень развития крестьянской массы, тем она оказывается более восприимчивой к пропаганде общественной агрономии.

В течение последнего пятидесятилетия получил свое решение и вопрос о регулировании внешних отношений мелкого хозяйства. Если, с одной стороны, внешние условия требовали, чтобы крестьянское хозяйство вошло в тесный контакт с рынком, то, с другой стороны, ему грозила большая опасность от столкновения на рынке с более могущественными организациями, которые на нем властвуют. Решение этой задачи было найдено путем объединения отдельных мелких хозяйств, за солидарной их ответственностью, в т. наз. кооперативные организации. Идея экономического объединения мелких производителей возникла первоначально не в сельском хозяйстве, а в ремесле, но здесь она,—теперь это можно считать окончательно установленным,—не оказалась способной оправдать возлагавшихся на нее надежд. Зато, перенесенные несколько позже в среду крестьянства, кооперативные организации приобрели для него такое значение, которое теперь уже трудно переоценить. В этих исключительных успехах кооперации в сфере сельского хозяйства сказались некоторые основные особенности этого промысла, отличающие его от промышленности. Два ремесленника противостоят обычно весьма ограниченному рынку, расширению производства каждого из них никакие границы не поставлены, и каждый из них может потенциально завладеть всем этим рынком; поэтому ремесленники всегда конкурренты, и это подрезывает крылья кооперативному движению в их среде. Два крестьянина противостоят всегда чрезвычайно обширному рынку, а расширению производства каждого из них поставлены вполне определенные границы размерами той площади земли, которой каждый из них располагает; поэтому крестьяне не конкурренты, а потенциальные сотрудники.

Однако, несмотря на указанные успехи крестьянского хозяйства, все же, когда экономисты подходят к вопросу о его чистой доходности, они приходят к тому выводу, что, если, сообразно с рыночными условиями, назначить нормальное вознаграждение на вложенный в производство труд, то капитал крестьянина останется без нормальной оплаты. Массовый счетоводный материал, собранный

швейцарским крестьянским секретариатом по единой выдержанной системе доктора Лаура и касающийся не только вполне типичных крестьянских хозяйств, но и хозяйств с более или менее выраженными капиталистическими отношениями, дал, наконец, точное выражение этому интересному факту, а также дал и другие исключительно ценные статистические цифры для выяснения природы менового крестьянского хозяйства.

Мы приведем здесь результаты десятилетних исследований секретариата по 2000 слишком крестьянским хозяйствам о том, какой процент получают их владельцы на капиталы вложенные в производство [1]):

Размеры хозяйств.	% выручаемый на весь активный капитал производства (собственный + занятый).	% выручаемый на вложенный в производство собственный капитал.
3— 5 гект	2,26	1,01
5—10 »	3,04	2,66
10—15 »	3,36	3,12
15—30 »	3,46	3,33
30—70 »	4,30	5,40
Все хозяйства . . .	3,39	3,16

Мы видим, что кроме последней группы хозяйств, переходной к капиталистическим, все настоящие крестьянские хозяйства нормального процента на капитал не дают, и притом, чем меньше размеры хозяйства, тем меньший процент они дают на вложенный в производство капитал. Так как крестьянину приходится по своим долгам платить нормальный процент, то естественно, что на вложенный им в производство собственный капитал остается еще меньший процент, чем приходится на весь участвующий в производстве активный капитал. Из этого вытекает, что *с точки зрения капиталистической крестьянское хозяйство является нецелесообразной экономической организацией.*

Однако, крестьянское хозяйство отличается от капиталистического не только своими размерами, но и качественно; недаром и самый термин крестьянское хозяйство и в большинстве стран Западной Европы не вышел из употребления и даже утвердился в науке, хотя сословные грани, отделявшие некогда крестьян, уже давно там стерлись. Поэтому из капиталистической иррациональности крестьянского хозяйства нельзя еще сделать того вывода, что крестьянин

[1]) Landwirtschaftliches Jahrbuch der Schweiz. 1912. Стр. 88.

действует в противоречии с основным хозяйственным принципом, согласно коему человек должен стремиться к получению при наименьших затратах наибольшего результата. Крестьянское хозяйство существует не по рутине; оно имеет свое экономическое оправдание, но его следует искать не в той плоскости, в какой находит себе оправдание капиталистическое хозяйство.

Крестьянское хозяйство *следует рассматривать* преимущественно *как организацию, длительно обеспечивающую наилучшее при данных условиях народного хозяйства использование труда крестьянской семьи.*

Для того, чтобы дать правильную народно-хозяйственную оценку крестьянскому хозяйству, необходимо несколько внимательнее разобраться в его значении именно с указанной точки зрения. Обычно, когда определяют доходность крестьянского хозяйства, то принимают оплату труда крестьянской семьи по рыночным ценам, а остаток дохода считают вознаграждением вложенного в производство капитала, каковое обычно оказывается ниже 4%-ой нормы. Этот расчет соответствует точке зрения капиталистического предпринимателя. С трудовой точки зрения правильнее будет другой расчет. Здесь процентное вознаграждение капитала должно считаться данным, а остаток дохода следует считать вознаграждением за труд крестьянской семьи. Количество оплаченного труда на единицу площади будет определять ее значение для использования труда крестьянской семьи. В материалах швейцарского секретариата имеются данныя для исчисления соответствующих отношений за 3 года 1908—10:

Размеры хозяйства.	Рыночная оценка затраченного на гект. труда в фр.[1])	% труда собственной семьи [2]).	Рыночная оценка труда собственной семьи затраченного на гект. в фр.	Не дополучено за труд при начислении 4% на активн. капит. в фр.[3]).	Действит. оплата труда собственной семьи затрачен. на гект. в фр.	% не оплаченного труда собственной семьи.	Действит. оплата всего затрачен. труда на гект. в фр.
a	b	c	d	e	f	g	h
3—5 гект.	467	90	420	184	236	44	283
5—10 »	344	80	275	21	254	8	323
10—15 »	281	71	200	14	186	7	267
15—80 »	239	54	129	8	121	6	231
30—70 »	194	39	76	4	72	5	190

[1]) Landw. Jahrb. d. Schweiz 1912, стр. 61 [2]). Там же стр. 47. Процентные отношения относятся к десятилетию 1901—10 г., но колебания из года в год здесь не существенны. [3]) Получается как разность между расходом и прихо-

Из этой таблицы (столб. f) можно усмотреть, что крестьянская семья в типичных трудовых хозяйствах, к числу коих могут быть отнесены лишь первые три группы, выручает более 200 франков с гектара. Больше всего вкладывают своего труда в каждый гектар семьи, располагающие самыми мелкими площадями, но все же они выручают с единицы площади даже несколько меньше, чем семьи следующей группы, располагающие 5—10 гектарами, ибо труд семейства первой группы недостаточно оплачивается.

Последний столбец дает нам мерило того, какое значение имеет крестьянское хозяйство, как источник трудового дохода не только для хозяев, но и для всего сельского населения вообще. В то время как в хозяйствах, с площадью в 30 –70 гект., извлекается с гектара 190 фр. трудового дохода, в хозяйствах, с площадью в 5—10 гект., с гектара извлекается 323 фр. трудового дохода, т. е. на 70%-ов больше.

Не следует думать, что недобор в трудовом доходе возмещается в крупном хозяйстве увеличением других форм народно-хозяйственного дохода. В этом отношении решающее значение для оценки крестьянского хозяйства имеют исследования швейцарского секретариата о размерах общей суммы народно-хозяйственного дохода, извлекаемого с единицы площади, причем под народно-хозяйственным доходом разумеется вознаграждение за труд, причитающееся семье крестьянина и получаемое наемными рабочими, проценты, платимые кредиторам и остающиеся для оплаты собственного капитала, и, наконец, подати, выплачиваемые за землю. Вот те цифры, к которым пришел швейцарский секретариат за 1903—10 г. [1]):

Размеры хозяйств.	Народно-хозяйственный доход с гект. в франках.
3— 5 гект.	618
5—10 »	534
10—15 »	444
15—30 »	417
30—70 »	353

дом, там же стр. 65 и 61. При этом предполагается, что весь активный капитал оплачивается 4%-ми. Конечно, в современных крестьянских хозяйствах весьма значительная часть капитала занята. Но при хорошей организации ипотечного и кооперативного кредита в Швейцарии за занятый капитал приходится платить 4% или немногим более.

[1]) Там же стр. 103. В виду капитальной важности этого вопроса, руководитель швейцарского крестьянского секретариата, Лаур поспешил резюмировать выводы за первое трехлетие в «Thünen-Archiv» B. II. 1904,—в статье: Das volkswirtschaftliche Einkommen aus der Landwirtschaft.

Эта таблица показывает, что с увеличением размера хозяйства быстро падают размеры народно-хозяйственного дохода, причем наибольшую сумму народно-хозяйственного дохода извлекают из земли самые мелкие хозяйства; в них извлекается из земли на 75% больше народно-хозяйственного дохода, чем в самых крупных хозяйствах. Объясняются эти различия тем, что более крупные хозяйства преследуют цели, отличные от целей трудового хозяйства, и осуществляют их при гораздо более низком уровне интенсивности и производства, чем тот, который принят в мелких хозяйствах.

На это указывают следующие данныя о размерах рентных доходов с единицы площади за трехлетие 1908—1910 г.:

Размеры хозяйства	Чистый доход с гект. в франках [1]).
3—5 гект.	68
5—10 »	77
10—15 »	85
15—30 »	86
30—70 »	87

Мы видим, что, несмотря на сравнительно скромные размеры народно-хозяйственных доходов, добываемых из земли более крупными хозяевами, они все же получают сравнительно высокую ренту с земли, и следовательно частнохозяйственным интересам своих владельцев эти хозяйства вполне удовлетворяют. Но, если бы произошла концентрация всех мелких крестьянских участков в крупные, то таковая чрезвычайно сильно понизила бы сумму народно-хозяйственного дохода, извлекаемого из земли, преимущественно за счет той его части, которая приходится на долю трудящихся классов. Значительная часть трудящихся на земле вынуждена была бы ее оставить, ибо крупные хозяйства не дали бы им занятия. Общее предложение труда значительно бы повысилось, а предложение сельско-хозяйственных продуктов понизилось. От такого переворота пострадало бы все народное хозяйство, и в особенности трудящиеся классы. Таким образом, *господство крестьянского хозяйства укрепляет экономическую позицию трудящихся классов и повышает емкость территории страны для населения.*

Не следует, однако, упускать из виду того, что все вышеприведенные цифры касаются хозяйств, которые можно с известным

[1]) Landw. Jahrb., стр. 107; размеры ренты определены нами делением последнего столбца на 25.

основанием еще считать крестьянскими. Мы уже видели, что в самых крупных из них, с площадью от 30 до 70 гект., около 40% всех работ выполняются собственными силами. Очевидно, что положение этих хозяйств в отношении обеспечения их рабочими руками существенно отлично от настоящих капиталистических хозяйств, в которых все работы выполняются наемным трудом. Крупно-крестьянские хозяйства Швейцарии, хотя и ведут значительно более экстенсивное хозяйство, чем мелко-крестьянские, тем не менее им удается выручить нормальную ренту. Не таково положение типичных капиталистических хозяйств, особенно в тех странах Западной Европы, где они встречаются не случайно, а накладывают свой отпечаток на весь строй сельско-хозяйственной промышленности. Эти хозяйства страдают хроническим недостатком в рабочих руках, а так как в интенсивном сельском хозяйстве замена живого труда машинами возможна лишь в весьма ограниченной степени, то они тяготеют к экстенсивным системам хозяйства. В сфере полеводства они не хотят отказаться от массового производства зерна, в сфере животноводства— от пастбищного содержания скота.

Но в эпоху парового транспорта, когда продукты экстенсивных стран представляется возможным подвести издалека, на их производстве нельзя уже выработать прежней высокой ренты, а потому из среды крупных хозяев Западной Европы исходят наиболее энергичные требования поднятия пошлин на ввозимые сельско-хозяйственные продукты.

Чрезвычайно интересные данные для сравнения уровня интенсивности крупных и мелких хозяйств дали результаты внутренней колонизации в Германии. Специальные исследования показали, что в результате парцелляции имений не только весьма значительно увеличивается страховая ценность строений и численность лошадей, что, пожалуй, могло бы быть объяснено недостаточным использованием этих капиталов в мелком хозяйстве, но значительно возрастает численность и ценность пользовательного скота.

Особенно сильно возрастает численность свиней и птицы. Наоборот, сильно сокращается или даже совершенно ликвидируется овцеводство, т. е. та отрасль животноводства, которая как раз характерна для экстенсивного хозяйства. Даже производство зерна, которое в крупном хозяйстве обычно сохраняет большое значение, оказывается после парцелляции несколько возросшим. Обороты новых хозяйств оказываются в несколько раз большими, чем парцеллированных. Наконец, с народно-хозяйственной точки зрения чрезвычайно

важно то, что новые хозяйства сильно увеличивают отчуждение продуктов животноводства, несколько увеличивая одновременно и отпуск зерновых продуктов [1]).

Однако, обычно парцеллируются не лучшие имения. А потому для выяснения рассматриваемого вопроса еще большее значение представляет сравнение состояния вновь основанных мелких хозяйств с крупными благоустроенными имениями той же местности. Такие исследования были произведены в Пруссии, и они показали, что мелкие хозяйства быстро догоняют эти благоустроенные хозяйства в отношении производства зерна и перегоняют в производстве продуктов животноводства. Новые хозяйства отчуждают зерна несколько меньше, чем крупные хозяйства, но этот недобор в реализируемых ценностях они с значительным избытком компенсируют отчуждением продуктов животноводства [2]). Так как транспорт зерновых продуктов из экстенсивных стран в нормальное время обходится гораздо дешевле, чем транспорт продуктов животноводства, то, не говоря уже о точке зрения возможного увеличения емкости территории страны, но даже и с точки зрения снабжения рынков сельско-хозяйственными продуктами крестьянское хозяйство для Германии, страны с громадным преобладанием неземледельческого населения, имело бо́льшую народно-хозяйственную ценность, чем капиталистическое хозяйство.

В России, заложенные в существе трудового хозяйства, тенденции к повышенной интенсивности не могли получить достаточно полного выражения вследствие культурной отсталости крестьянского населения, вследствие господства принудительного севооборота и общинного землевладения. Но в элементарных, часто технически несовершенных формах, эти тенденции все же обнаруживались. Только на юго-западе России, тесная связь крупного хозяйства с сахароваренной промышленностью дала ему возможность достичь высокого уровня интенсивности и опередить в этом отношении крестьянское хозяйство. В других районах России мы встречаем обратные отношения: помимо того, что у крестьян посевы занимают больший процент удобной земли, чем у частных владельцев, на их пашне трудоемкие культуры, как картофель, кукуруза, подсолнечник, лен, конопля, занимают относительно большую площадь, у крестьян больше

[1]) Вопросы экономики мелкого хозяйства (применительно к задачам агрономической и кооперативной помощи). Из отчета по заграничной командировке агронома Г. Я. Щербинина. Изд. Департ. Землед. 1914 г., стр. 14, 61—26.

[2]) Там же, стр. 85—87.

скота на единицу посевной площади, и при том не только рабочего, но и продуктивного, да и вся организация стада является более интенсивной [1]).

Для севера России нельзя не отметить одного чрезвычайно характерного факта: почти вся культура льна, имеющая столь крупное значение в местном сельском хозяйстве, сосредоточена у крестьян. Объясняется это тем, что эта доходная культура требует много живого труда, а крупные хозяева не располагают теми значительными оборотными средствами, которые нужны для его оплаты, да и не могут быть уверенными в том, что они в этих районах России, где крестьяне сильно отвлекаются промыслами, сумеют этим трудом располагать. Этих затруднений не знают крестьяне тем более, что труд, необходимый в льноводстве, в значительной части женский, которым в крестьянском хозяйстве легче всего располагать.

Если бы произошла капитализация сельского хозяйства, то его уровень интенсивности понизился бы весьма значительно. Типично капиталистические хозяйства Западной Европы испытывают столь острую нужду в рабочих, что получение прежней нормальной ренты после имевшего место под давлением конкурренции экстенсивных стран понижения цен на продукты стало невозможным. Дружественные к крупному землевладению правительства стали его искусственно поддерживать пошлинами на продукты сельского хозяйства и монополизацией в его руках двух привиллегированных отраслей промышленности—винокуренной и свеклосахарной.

Высокий уровень интенсивности крестьянского хозяйства и сравнительно более низкий уровень интенсивности капиталистического хозяйства являются результатом различной организации труда в хозяйствах того и другого рода. Обеспечивая использование значительных масс труда, *крестьянское хозяйство является центром кристаллизации рабочих сил сельского населения.* Даже, если это хозяйство, вследствие его недостаточной площади, не в состоянии вполне удовлетворить потребностям членов крестьянской семьи, все же последние не порывают с ним окончательно.

---

[1]) Борьба за землю. Индуктивно-статистическое исследование. Статья Н. П. Огановского. Захватное, капиталистическое и трудовое земледелие в России.—Проф. А. Н. Челинцев. Состояние и развитие русского сельского хозяйства по данным переписи 1916 г. и жел.-дорожн. перевозок, стр. 138—161. Замечу, что оценка, даваемая обоими исследователями русскому владельческому хозяйству с технической и народно-хозяйственной точки зрения представляется мне весьма односторонней.

На севере России сельское хозяйство очень редко занимает более 25% рабочих сил сельского населения, и в связи с этим открывается большой простор для комбинации сельско-хозяйственной и промысловой работы. Из центральной черноземной полосы избытки рабочих отливали на сельско-хозяйственные работы в степи. При таких условиях всякое повышение спроса на труд со стороны собственного хозяйства может быть легко удовлетворено за счет сокращения объема менее выгодных работ вне собственного хозяйства. Не в столь широких размерах это имеет место и в крестьянском хозяйстве западно-европейских стран.

По данным швейцарского крестьянского секретариата доходы различных групп крестьянства распадались по источникам их получения следующим образом:

Размеры хозяйств.		Доход от сельского хозяйства.	Доход от домоводства.	Побочные доходы.	ВСЕГО.
3— 5 гект.	фр.	1616	378	778	2872
	%	59,8	13,2	27,0	100,0
5—10 »	фр.	2850	480	734	4064
	%	70,1	11,8	18,1	100,0
10—15 »	фр.	3857	555	891	5303
	%	72,7	10,4	16,8	100,0
15—30 »	фр.	4978	625	1063	6666
	%	74,4	9,4	15,9	100,0
30—70 »	фр.	6294	778	647	7719
	%	81,5	10,1	8,4	100,0

Доход от домоводства слагается из мелких статей усадебных отраслей хозяйства, которые находятся в ведении женщин. Эти мелкие доходы следует причислить к сельскому хозяйству. Таким образом, мы видим, что типичные крестьянские семьи получают от промыслов от $^1/_6$ до $^1/_4$ общей суммы своего дохода. На Западе разграничение между сельско-хозяйственным и промысловым трудом пошло дальше, чем в России; доходы от промыслов в большинстве случаев получаются членами семьи, специально посвятившим себя промысловой деятельности, но продолжающим жить в деревне. Однако, и заграницей комбинация сельско-хозяйственного и промыслового труда в одном лице не является редкостью. Во всяком случае, и на Западе организация труда крестьянской семьи достаточно эластична, — помимо труда мужчин имеются всегда потенциальные запасы труда женщин и подростков, которые в случае острой нужды могут быть быстро выявлены, а потому крестьянское хозяйство не может встречать серьезных затруднений в выполнении очередных работ.

В противоположность этому *слабой стороной аграрного капитализма в современном обществе, построенном на свободной продаже труда, является его неспособность установить надлежащую связь между хозяйством и рабочим.* Современное сельское хозяйство, элиминировавшее из себя почти все индустриальные процессы [1]), есть производство сезонное с чрезвычайно неравномерным спросом на труд.

Крупное производство стоит всегда перед дилеммой. Или оно должно по возможности большую часть сельско-хозяйственных работ выполнять силами постоянных рабочих. Но в таком случае значительную часть времени этих рабочих будет невозможно использовать в хозяйстве. Или оно, для экономии в расходах, должно стремиться возможно большую часть работ выполнять силами рабочих, нанятых на короткие сроки, или даже поденно. Но в таком случае, оно далеко не всегда имеет гарантию того, что в нужное время у него будут рабочие. А ведь в сельском хозяйстве бывают критические моменты, когда несвоевременное выполнение работ грозит результатам всего годичного труда.

В противоположность капиталистическому хозяйству, крестьянское хозяйство имеет наиболее эластичное предложение труда, вполне соответствующее колеблющемуся спросу на труд, столь характерному для сельского хозяйства.

Капиталистическое хозяйство обеспечено рабочими руками только в условиях аграрного перенаселения, образовавшегося на основе обез-

[1]) Под влиянием известного труда К. Каутского: «Аграрный вопрос» получила популярность идея о, происходящей будто бы, индустриализации сельского хозяйства. В действительности сельское хозяйство непрестанно элиминирует из себя все промышленные процессы, т. е. все процессы, не связанные с жизнедеятельностью организмов; сельское хозяйство непрерывно деиндустриализируется. Промышленность маслобойная, пивоваренная и мукомольная уже утратили свою прежнюю тесную связь с сельским хозяйством. Как ни стараются правительства удержать винокуренную и свеклосахарную промышленность в рамках сельского хозяйства, оба вида промышленности, благодаря присущей им тенденции к концентрации, прорывают эту оболочку и формируются в очень крупные самостоятельные предприятия, которые не могут довольствоваться сырьем из одного, хотя бы и очень большого, имения. Если мы являемся в настоящий момент свидетелями громадного развития капиталистического и кооперативного маслоделия, то ведь и это есть деиндустриализация сельского хозяйства; здесь промышленные процессы, облекавшие тонким слоем сельское хозяйство, скопляются в самостоятельные предприятия, в своих кооперативных формах, правда, сохраняющие экономическую связь с остальным производством. Местами и обработка льна, и даже молотьба хлебов выделяются в самостоятельные предприятия, носящие промышленный оттенок.

земеления крестьянства. Но если крестьяне получают возможность использовать свои рабочие силы в собственном хозяйстве, или если развивается промышленность, которая обычно дает заработок круглый год, капиталистические сельские хозяева начинают испытывать затруднения с рабочими руками [1]).

Но как бы ни было велико значение крестьянского хозяйства, как организации для наилучшего использования территории страны в интересах трудового населения, все же оно имеет и слабую сторону.

Хозяйства эти, правда, дают возможность использовать на небольшой площади весьма значительные массы труда, но труд этот не всегда оказывается достаточно оплаченным, да он и не всегда достаточно производителен. Каков предел дробления хозяйств, за которым начинает чувствоваться при данных народно-хозяйственных условиях недостаточная производительность труда, зависит от уровня цен на продукты сельского хозяйства, от условий сбыта этих продуктов, от цен на рабочие руки и т. п. Для швейцарских хозяйств предельный размер участка лежит около 5 гект. Мы видели, что при условии начисления 4% на весь активный капитал труд крестьянской семьи на меньших участках оказывается на 44% неоплаченным. Такой результат является следствием того, что в слишком мелком хозяйстве недостаточно используются постройки и инвентарь живой и мертвый, и что самый труд в таком хозяйстве не совсем хорошо используется. Однако, это зависит и

[1]) Если отвлечься от Англии, на которой экономисты чрезмерно фиксируют свое внимание, но которая для континента совсем не является типичной страной, то аграрный капитализм едва ли можно признать экономической конструкцией, характерной для общества с свободной организацией труда. Расцвет аграрного капитализма уже за нами, он мог быть прочно построен только на принудительном труде. Мы встречаем его или в форме рабского хозяйства, или в форме крепостнического. В первом случае рабочий целиком включен в господское хозяйство, это его instrumentum vocale. Необходимость кормить раба круглый год компенсируется возможностью его безграничной эксплоатации. Гораздо более совершенным надо считать крепостное хозяйство, в котором, с одной стороны, крупное хозяйство обеспечено трудом и, с другой стороны, трудящееся население автономно использует свободное от крепостного труда время. Отсюда необыкновенная прочность соответствующей хозяйственной организации, разрушившейся не столько по внутренним причинам, сколько под внешним давлением. В связи с этим политическим лозунгом промышленного капитализма является «свобода труда», политическим же лозунгом аграрного капитализма в той или другой форме оставалось закрепощение труда.

от того, что цены на мелкие участки чрезмерно высоки, и часть дохода, на который мог бы претендовать труд, отнимается у него чрезмерно вздутой рентой.

При всем том было бы ошибочно думать, что малоземельные крестьяне поступили бы вполне целесообразно, если бы они свое хозяйство ликвидировали, вырученные деньги положили на проценты, а сами и члены их семьи стали бы продавать свой труд.

Необходимо иметь в виду, что *крестьянское хозяйство является весьма совершенной организацией и для использования труда, и для целей потребления*, а потому отказ от нее создал бы много трудностей для трудовой семьи. В этом заключается одна из причин, почему крестьянин не только платит, но и может платить за землю больше, чем капиталист. В крестьянском хозяйстве используется много труда женщин и подростков, такого труда, который вне собственного хозяйства или, вообще, не может быть использован, или, если и может быть использован, то не без опасности для физического и морального здоровья его носителей.

Указанный выше доход от домоводства, добываемый трудом женщин, подростков и детей в здоровой обстановке усадебного хозяйства, был бы во всяком случае потерян и едва ли мог бы быть возмещен другим доходом.

Далее из предыдущего изложения явствует, что ликвидация мелких крестьянских хозяйств вызовет необходимость для значительной части их владельцев оставить сельско-хозяйственный труд и перейти к другим профессиям; таким образом, прежняя квалификация их труда будет утрачена.

Большие выгоды дает крестьянское хозяйство трудящейся семье и тем, что оно в натуре удовлетворяет значительную часть ее потребностей. Конечно, натуральный наклон в крестьянском хозяйстве может быть чрезмерным и может служить выражением рутинного характера хозяйства, как мы это сплошь и рядом наблюдаем в России. Сплошь и рядом было бы целесообразнее направить рабочие силы русского крестьянина на производство рыночных продуктов, вместо производства продуктов собственного потребления. Но в известных рамках производство для собственного потребления является вполне целесообразным. По данным швейцарского крестьянского секретариата, несколько более $^1/_4$ продуктов, производимых в крестьянских хозяйствах, потребляется в собственном домашнем хозяйстве. Весьма компетентный руководитель швейцарского крестьянского секретариата, Лаур, находит эту долю далеко не чрезмерной. Он рекомендует во

всяком случае так организовать производство, чтобы обеспечить домашнее хозяйство овощами, картофелем, свининой, молоком, плодами, сидром и вином. Но в некоторых условиях он находит выгодным производство для собственного потребления еще масла, сыра, хлеба и дров [1]). Выгода производства соответствующих продуктов в собственном хозяйстве состоит в том, что они не нуждаются в транспорте, могут быть переработаны собственными силами и совершенно минуют руки посредников. Сравнительно с расходами на потребление крестьянской семьи, которая кроме того использует значительную массу продуктов, произведенных на месте, хотя бы и не в собственном хозяйстве, потребительные расходы трудового населения городов, где все продукты проходят через руки посредников, и куда большую часть их приходится привозить издалека, гораздо значительнее. В городах же приходится оплачивать такие высокие квартирные ренты, которых не знает сельское население [2]).

Таким образом, ликвидация даже малоземельных крестьянских хозяйств во имя повышения производительности труда в сельском хозяйстве сопровождалось бы понижением количества могущего быть использованным труда, вздорожанием потребления, а потому оно целесообразно лишь в том случае, если представляется возможность очень выгодно использовать освободившийся труд. И это тем более, что вследствие неравномерного распределения работ в сельском хозяйстве, даже и в Западной Европе, как мы видели, не исключается некоторая возможность сочетания промыслового труда с сельско-хозяйственным. Таким образом, не следует спешить объявлять экономически нецелесообразными такие крестьянские хозяйства, в которых при строгом учете всех причитающихся с него рент не весь труд, вложенный в производство, оказывается оплаченным, согласно рыночным условиям, имеющим в виду гораздо более дорогую организацию потребления, чем мы имеем в крестьянском хозяйстве.

При всем том есть, конечно, предел, за которым в каждых данных условиях дробление земли становится нецелесообразным, ибо производительность затрачиваемого в сельском хозяйстве труда становится слишком низкой. При недостаточном развитии в России промышленности и рынков для продуктов сельского хозяйства, при

---

[1]) Laur. Landwirtschaftliche Betriebslehre. Aarau 1909, стр. 196—199.

[2]) Правда, с ростом культуры условия жизни в городах постепенно улучшаются, но для социально низших классов городская жизнь все же остается дорогой.

чрезвычайно замедленном прогрессе крестьянского хозяйства, не умеющего использовать и наличные рыночные конъюнктуры, и при широком развитии общинного землевладения, стимулирующего размножение населения на аграрной основе, возникновение в России аграрного перенаселения является обычным. Однако, современное западно-европейское крестьянство далеко не чуждо сознания того, что есть известный предел для его размножения на данной земельной площади и не страдает чрезмерной привязанностью к родной почве (Schollenkleberei по немецкой терминологии). Институт частной собственности на землю ставит вопрос перенаселения перед каждым крестьянином, и он уже заранее готовит большую или меньшую часть своих детей к другим, не сельскохозяйственным профессиям. Но, разумеется, отход населения от земли может совершаться лишь в меру развития народного хозяйства. В странах Западной Европы численность сельскохозяйственного населения возрастает очень слабо или даже сокращается, вследствие замечаемого во всех передовых странах падения естественного прироста и, главным образом, вследствие перехода сельского населения к промысловым занятиям. Согласно последним данным германских профессиональных переписей сельскохозяйственная площадь концентрируется в хозяйствах, располагающих 5—20 гект.; такие хозяйства дают полную возможность использовать труд крестьянской семьи. Регулирование численности сельскохозяйственного населения происходит автоматически; для этого нет необходимости в законодательстве о недробимости наделов или в специальном наследственном праве, ибо культурное крестьянство не нуждается в подобном принудительном регулировании. Оно знает ту соответствующую условиям норму предельного дробления земли, которой не в состоянии определить и самый искусный законодатель. Если же мы наблюдаем и в некоторых странах Западной Европы, как, например, в Голландии, что численность крестьянского населения возрастает и участки продолжают дробиться, то в этом повинен не чрезмерный консерватизм крестьянства, а недостаточно быстрое развитие народного хозяйства, не дающее иного исхода наростающему сельскому населению [1]).

[1]) См. Dr. S. Frost. Agrarverfassung und Landwirtschaft in den Niederlanden. 12-ом выпуск издания Германского Министерства Иностранных Дел: Berichte über Landund Forstwirtschaff im Auslande. См. также сочинение автора: «Очерки крестьянского хозяйства на Западе». Изд. Харьк. Общ. Сел. Хоз.

Большое значение для регулирования численности крестьянского населения, для предупреждения аграрного перенаселения, имеет тот институт, который в русской литературе обычно считают пагубой для крестьянства, — ипотечный кредит. Без дешевого и доступного населению ипотечного кредита выдел сонаследников был бы немыслим, и, таким образом, на земле скоплялось бы избыточное население. Правда, что в связи с этим сидящему на земле крестьянству приходится отдавать часть ренты неземледельческому населению. Но в этом нет еще ничего ненормального. Рента не есть то вознаграждение, которое причитается на долю прилагаемого к земле труда и капитала, рента есть результат общего развития народного хозяйства, а потому население, прилагающее свой труд и капитал к земле, не имеет основания претендовать на получение в свою пользу всей ренты. Для прочности хозяйственного положения крестьянства этого и не требуется, а необходимо лишь, чтобы труд и капитал, приложенный крестьянством к земле, был достаточно производителен, а это именно и достигается тогда, когда труд и капитал распределяются на такой площади, на которой они нормально могут быть использованы.

Но как бы ни были благоприятны условия для населения, оставляющаго землю, и как бы ни были далеки условия самой сельской жизни от того состояния, которое мы называем аграрным перенаселением, все же взгляд крестьянина на землю не может совпасть со взглядом капиталиста. *Покупая землю, крестьянин приобретает не только источник рентного дохода, но и орудие, гарантирующее использование значительных масс труда его и членов его семьи.* В обществе, которое не утвердило еще права на труд, такая гарантия является ценностью, и в этом вторая причина, почему *крестьянская цена земли всегда выше капиталистической.* Если мы вспомним, что чаще всего цену земли приходится определять при разделах между сонаследниками, то для нас станет ясна реальность *оценки земли, как гарантии использования труда:* оставляющих землю сонаследников приходится вознаградить не только за отказ от капитала, но и за риск, которому они подвергаются в поисках новаго поприща для приложения своего труда.

В материалах швейцарского секретариата имеются интересные данныя об инвентарной ценности земли (Inventarwert), т. е. цене, по которой земля приобретена или получена по наследству, и о подоходной ценности (Ertragswert) земли, получаемой капитализацией из 4-х процентов чистого дохода от земли за оплатой всего вло-

женного труда и капитала. Данныя эти касаются без малаго двух тысяч хозяйств [1]):

Размеры хозяйств:	Цена гектара. Инвентарная [2]).	Подоходная.
3— 5 гект.	2989	1697
5—10 »	2458	1930
10—15 »	2216	2134
15—30 »	2145	2144
30—70 »	1542	2171

С увеличением участков подоходная ценность земли возрастает [3]). Инвентарная же ценность участков изменяется в обратном направлении: чем участок меньше, тем он дороже обходится. Земля в самых мелких участках обходится почти вдвое дороже, чем в самых крупных.

Там, где экономический прогресс страны идет замедленным темпом, где прирост сельского населения остается на земле, там ценность указанной гарантии составляет значительный ингридиент крестьянской цены на землю. Наоборот, где экономический прогресс совершается в быстром темпе, там ценность этой гарантии умаляется, и крестьянская цена земли несколько приближается к капиталистической, хотя все-таки остается выше ее, благодаря особым преимуществам, которые сельское хозяйство дает крестьянину для использования запасов труда его семьи и для дешевой организации потребления. Например, в Дании, народное хозяйство которой развивается весьма успешно, успехи эти отражаются на поднятии цен на сельскохозяйственный труд; но цены на мелкие участки там сокращаются и несущественно отличаются от цен на крупные участки [4]). Наоборот, в Голландии покупные и арендные цены на мелкие участки слишком быстро растут, и это нельзя считать благоприятным симптомом для развития ее народного хозяйства.

[1]) Landwirt. Jahrb. d. Schwiez, 1912, стр. 107.

[2]) Необходимо заметить, что цены, по которым земля значится по инвентарю, относятся к прошедшему времени. Этим, вероятно, можно объяснить то странное обстоятельство, что в последней группе хозяйств, инвентарная цена земли ниже подоходной ценности ее, между тем как подоходная ценность земли должна бы быть минимумом ее меновой ценности.

[3]) Как мы уже указали, с переходом в типично капиталистические хозяйства, становится вероятной падение подоходной ценности земли.

[4]) A. Hollmann. Die Entwicklung der dänischen Landwirtschaft unter dem Druck der internationalen Konkurrenz und ihregegenwärtige Stellung auf dem Weltmarkt. Berlin. 1904, стр. 124.

Во всяком случае, свободный оборот земли и свободно устанавливающиеся цены на нее имеют громадное значение для развития сельского хозяйства в соответствии с потребностями рынка и требованиями правильного распределения народного труда. Они прежде всего указывают на некоторый минимальный уровень интенсивности сельского хозяйства, который для каждого хозяина является обязательным. Правда, мелкие участки часто оцениваются слишком высоко, но это толкает сельское население, в соответствии с потребностями народного хозяйства, использовать свой труд на другом поприще. В противоположность земельному строю Западной Европы, отрицание в России свободной мобилизации земли, свободно образующихся земельных цен и всяких рентных платежей, снимает с крестьянина ответственность за надлежащее использование земли—этого драгоценного народно-хозяйственного достояния; тем самым сельское хозяйство лишается важнейшего стимула для его развития в соответствии с потребностями рынка, и население теряет важный регулятор, необходимый для правильного распределения труда между различными отраслями народного хозяйства.

Слишком большие различия в ценах мелких и крупных участков могут при благоприятном развитии экономической жизни страны сгладиться, но, как мы уже указали, все же крестьянин всегда будет платить и может платить больше, чем капиталист. После этого для нас станет ясным, сколько правды заключается в трафаретном утверждении, что будто бы свободная мобилизация земли грозит неисчислимыми бедствиями, что будто бы, с одной стороны, большая часть земли должна слиться в латифундии, а, с другой стороны, часть крестьянских участков должна распасться на парцеллы, не поддающиеся правильному хозяйственному использованию. Подобные утверждения, быть может, имели за собой основания в другую экономическую эпоху, но, со времени создания в Европе дешевого и доступного крестьянству земельного кредита, они потеряли всякое основание. Что касается непомерного дробления участков, то мы уже указали, что культурное крестьянство сознает отрицательные стороны этого явления и при благоприятном развитии народного хозяйства успешно противостоит этому искушению.

Что касается концентрации земельной собственности, то последняя совершенно исключается высокими крестьянскими ценами на землю. Никто больше крестьянина не может выработать денег из земли, а потому никто и не может с ним конкуррировать из-за нее, но, конечно, при условии если крестьянин располагает дешевым

ипотечным кредитом. В прежние экономические эпохи, когда подобного кредита не существовало, опасность концентрации земельной собственности действительно существовала, ибо если деньги за землю надо выложить, то это всегда легче сделать капиталисту, чем человеку труда. И в данном случае ипотечный кредит является для крестьянства не бедствием, а тем тараном, которым он разбивает исторические твердыни крупного землевладения. Этот процесс может иногда протекать медленно, не в достаточном соответствии с требованиями народного хозяйства, тем более, что крупное землевладение пользуется всякими льготами, но медленность процесса не дает основания сомневаться в его направлении. Раздробление крупного землевладения характерно и для Западной Европы, и для России, и для колониальных стран [1]).

Со времени наступления в 70-ых годах истекшего столетия аграрного кризиса, тяжело отозвавшегося на крупном хозяйстве, но сравнительно гораздо слабее затронувшего мелкое хозяйство, европейские правительства стали активно содействовать внутренней колонизации, т. е. устройству крестьянских хозяйств на землях парцеллированных крупных имений. При этом, как мы видели, совершенно основательно надеются, что таким путем удастся поднять продуктивность сельского хозяйства и расширить поприще для приложения народного труда. Крупные землевладельцы, не имея возможности в достаточной мере использовать своей земли, также заинтересованы в появлении нового спроса на их землю. В последнее время, однако, мы, повидимому, вступили в такую эпоху, когда демократия требует ускорения этого процесса, и правительства вынуждены итти на экспроприацию большей или меньшей части не только крупных

[1]) Проф. В. А. Косинский на основании обширного теоретического исследования, подтвержденного материалами по мобилизации земли и ее задолженности в России и Германии, пришел по рассматриваемому вопросу к следующему выводу: «Земля уходит из капиталистического сельского хозяйства и направляется в трудовое хозяйство. Сельскохозяйственный промысел раскапитализируется, так как отмеченный переход земли знаменует собою исчезновение капиталистических форм сельского хозяйства и возникновение на их месте трудового хозяйства. С другой стороны, — в пределах трудового сельского хозяйства неполные рабочие участки, не могущие дать полного занятия всему труду трудовика-хозяина,—стремятся увеличиться и дорости до размеров полных рабочих участков, при которых вся рабочая сила предпринимателя и его семьи находит себе полное приложение и занятие». «Основные тенденции в мобилизации земельной собственности и их социально-экономические факторы». Киев, 1917, стр. 428.

земельных владений, но и крупных хозяйств. Если такая экспроприация ведется планомерно, и одновременно крестьянство энергично подготовляется к выполнению функций крупного хозяйства в отношении технического прогресса сельского хозяйства и в отношении снабжения рынков квалифицированными продуктами, эту решительную меру можно признать целесообразной и не только с точки зрения правильного распределения народного дохода, но и с точки зрения его увеличения. Экспроприация земель крупного землевладения является здоровой реакцией против тех насильственных способов, благодаря которым оно в свое время возникло, и против политики специального покровительства крупному хозяйству, которая искусственно замедляла его ликвидацию.

Современную стадию хозяйственного развития Западной Европы принято именовать капиталистической. Капитал действительно является в переживаемую эпоху самым могущественным организатором производства. Но жизнь всегда многообразна и сложна, и существуют обширные области, в которых доминирующая сила современности отступает перед другими социальными силами. К числу их принадлежит широкая область сельского хозяйства. Здесь труд успешно борется за первенство с капиталом и направляет производство согласно своим интересам. Трудовое сельское хозяйство, а не аграрный капитализм, является в настоящую эпоху наиболее приспособленной к условиям хозяйственной организацией.

Еще недавно крестьянство считали изжившим себя классом, бессильной тенью прошлого. Действительность показала, что прежний, мало связанный с обменом крестьянин оказался способным превратиться в законного члена, построенного на обмене, общества, он вырвался из тисков натурального хозяйства, стал участником современной культуры. Это обстоятельство должно иметь важные последствия не только в экономической, но и в политической жизни Западной Европы. Крестьянство, приобщившееся к новой жизни, и в Западной Европе еще молодо, оно еще не осознало себя. В связи с этим оно еще не совсем вышло из-под ферулы своих прежних господ, крупных землевладельцев, которые поныне еще стоят близко к кормилу правления. Не удивительно, что западно-европейское крестьянство позволяло себя иногда увлекать на такие пути, которые не соответствуют интересам демократии. Но явление это преходящее, и во многих странах крестьянство начинает выступать уже в качестве самостоятельной политической силы. Те, кому дороги интересы демократии и культурного прогресса, могут без боязни

приветствовать рост сознательности крестьянства. Политическая позиция крестьянства в современном обществе должна быть своеобразна. Но во всяком случае, сознавши свои интересы, крестьянство не может быть прочной опорой клерикализма, ибо оно кровно заинтересовано в демократизации культуры, оно не может быть сторонником крайнего индивидуализма, ибо вне солидаризирования своих интересов в кооперации оно экономически бессильно, наконец оно не может не согласовать своих интересов с интересами труда, ибо оно постоянно выделяет из себя представителей труда, интересы обеих групп тесно переплетены между собою. Таким образом, имеются все основания рассчитывать, что по мере роста классового сознания крестьянства, оно станет прогрессивной силой в современном обществе.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Предисловие	3
I. Основные течения аграрной политики	5
II. Аграрная эволюция и аграрная политика России:	
1. Эпоха великих реформ	26
2. Эпоха реакции	49
3. Эпоха контр-революции	76
III. Землеустройство.	133
IV. Очерк земельной политики иностранных государств	202
V. Социально-экономические основы крестьянского хозяйства. . . .	214